

С(49В)
К А23
11748к

ЛЕОНИД АГАКОВ

Золотая
цепочка

Национальная библиотека ЧР

k-011748

2017/11/59

Леонид АГАКОВ

ЫЛТТАН ВАЧӐРА

ПОВЕСТЬ

*Чӑвашларан
Алексей Далекий куҫарна*

ЧӐВАШ АССР ГОСУДАРСТВО ИЗДАТЕЛЬСТВИ
ШУПАШКАР — 1951

С
А 23

Леонид АГАКОВ

кар
К С (Чув)
А 23

ЗОЛОТАЯ ЦЕПОЧКА

ПОВЕСТЬ

кар

*Авторизованный перевод с чувашского
Алексея Далекого*

993768
МОРДОВСКАЯ
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

70

1958г.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧУВАШСКОЙ АССР
ЧЕБОКСАРЫ — 1951

ПРОВЕРЕНО
20. 14

11748-к

Чувашская
республиканская
БИБЛИОТЕКА
ИМ. М. ГОРЬКОГО

ПРИБ. 4008

1808

I

Деревня не сдавалась...

Почти два года прошло с тех пор, как на улицах Дубовки показались зелёные немецкие машины. С расторопностью опытных грабителей гитлеровцы сразу же начали наводить в деревне свои порядки. На покосившихся от взрывов заборах появлялись всё новые и новые приказы, которые неизменно заканчивались угрозой расстрела.

Уже много раз фашисты делали налёты на Дубовку. Не довольствуясь грабежом, они истязали ни в чём неповинных женщин, стариков и подростков, порой просто для звериной потехи расстреливали их, а некоторых уводили с собой. Из тех, кого уводили, обратно никто не возвращался. Только время от времени доходил слух, что многие из них расстреляны за городской тюрьмой, на пустыре, где гитлеровцы устраивали кровавые расправы над непокоренными русскими людьми.

И всё-таки Дубовка не сдавалась. Советские люди не испугались иноземных разбойников. Ни угрозы, ни сама смерть не могли сломить дубовцев, и дух свободы не покидал их сердца.

Да и могло ли быть иначе?

Радостной и привольной была жизнь дубовцев до войны. Хотя их колхоз и не считался передовым, но уже давно у них вышли из обихода такие слова как нужда, недостаток, бедность. Спокойно жили и работали взрослые, дружно и весело росла молодёжь. Тёплыми весенними и летними вечерами не умолкали гармоника, слышался беззаботный девичий смех и до самой зари над деревней плыли песни о бескрайних просторах родины, о её красоте и богатстве, о счастливой жизни и о великом вожде, который дал народу эту жизнь...

И вот теперь всё то, что было создано упорным и тяжёлым трудом — сожжено, исковеркано, разграблено, поругано! Но не страх и покорность, а сжигающую сердце ненависть и жажду священной мести вызывали у дубовцев зверства бандитов в серо-зелёных шинелях.

И Дубовка мстила!

Ещё тогда, когда только кровавые отблески далёких ночных пожарниц извещали о приближении врагов, всё мужское население, способное носить оружие, покинуло деревню, чтобы подготовиться к встрече непрошенных гостей. Почти каждая семья проводила кого-нибудь в партизанский отряд, находившийся в ближайшем лесу. Постоянная связь с оставшимися в деревне жителями давала партизанам возможность знать о каждом шаге немцев. Благодаря этому они делали смелые и неожиданные налёты на врагов. И вызывали такую панику, после которой фашисты долго не могли оправиться. Однажды дубовские партизаны отбили большой обоз с хлебом, награбленным у колхозников; в другой раз гитлеровцы нашли убитыми своих уполномоченных, собиравших молодёжь для отправки в Германию, а вновь

присланного коменданта утащили прямо с постели и расстреляли за околицей.

Фашисты стали называть Дубовку партизанским гнездом. С некоторых пор они даже перестали в неё заглядывать: боялись. И тогда деревня вновь ожила. Из леса приходили молодые партизаны, и снова над деревней звучали песни. Только это были уже другие песни. В них говорилось о том, что советские люди никогда не покорятся врагу, прогонят его с родной земли и вновь заживут прежней чудесной жизнью. Непреодолимая жажда борьбы и неугасимая вера в победу звучала в этих песнях...

Гитлеровцы не зря боялись показываться в Дубовке. Особенно страшил их лес, высокой стеной темневший за деревней. Хвалёные гитлеровские вояки ни разу не осмелились заглянуть в него, зная, что там находятся партизаны. Когда, время от времени, на Дубовку налетали отряды грабителей, они действовали по заранее разработанному тактическому плану: одни шныряли по домам, амбарам, погребам, забирая последний скот, птицу или случайно обнаруженные остатки хлеба, а другие в это время дежурили у пулемётов, дула которых были направлены на лес, откуда в любой час могли появиться народные мстители.

Но и это не помогало захватчикам. Однажды, когда в Дубовку на нескольких повозках прибыл отряд фашистов для очередного грабежа, жители сумели очень быстро сообщить об этом партизанам. Те незаметно, тайными тропами, обошли деревню с другой стороны и ударили по врагу. Стремительный и неожиданный налёт партизан так ошеломил грабителей, что они в панике бросились бежать, оставив не только награбленное добро, но и лошадей с повозками, три пулемёта и другое оружие. На улицах и огородах осталось пятнадцать убитых фашистов.

Нет, совсем не зря страшились немцы Дубовки!

После этого случая месяца два они совсем не показывались в ней. Дубовцы заметно успокоились. Этот период жизни напоминал им о прежних счастливых днях. Гитлеровцы приказали разделить землю по дворам, но люди работали попрежнему, колхозом. Немцы назначили старосту, но это был советский человек, и он работал как председатель колхоза: учил получше прятать оставшееся добро, вселял в людей надежду на скорое освобождение от захватчиков. Партизаны начали приходить в деревню среди бела дня. Они распространяли среди жителей советские газеты и листовки, передавали фронтовые новости, говорили о том, что советские полки движутся на Запад, что близится час гибели фашистов.

От этих слов легче дышалось...

И чем ближе подходила к Дубовке линия фронта, тем сильнее партизаны наносили удары врагу с тыла. Не в силах справиться с партизанами, грабители вымещали свою злобу на мирных жителях. Они устраивали над ними такие расправы, на какие были способны только фашистские головорезы. Это заставляло людей жить настороженно. На колокольне старой дубовской церкви, стоящей на пригорке, день и ночь дежурили дозорные. О приближении немцев они сразу же должны были оповещать народ ударами железного болта в обрубок рельса, подвешенный вместо колокола. А чтобы каратели неожиданно не нагрянули ночью, с вечера за околицей из брёвен и досок делались препятствия. По улицам до утра ходили патрули.

Но фашисты не показывались.

— Живём как на острове, ей-богу,—говорили между собой дубовцы.—Кругом враг бесчинствует, а мы пока не сдаёмся, живём... Может быть, до прихода своих так и продержимся...

Светлая мечта о скорой победе, о грядущих счастливых днях помогала людям перенести все невзгоды, вдохновляла на смертельную борьбу с врагом.

В этот день на старой колокольне дежурили два закадычных друга — Ванюшка Долбин и Илья Кузин. Несмотря на то, что оба были ещё мальчиками, — Ванюшке шёл пятнадцатый год, а Ильке — четырнадцатый, — они считались самыми зоркими наблюдателями.

С высокой колокольни открывался вид во все стороны: были видны уходящие за горизонт желтоватые полотнища жнивья, зелёные ленточки перелесков и отражавшая бездонную голубизну неба извилистая речка.

Друзья смотрели на серые ленты дорог, с трёх сторон стекающиеся к деревне. На дорогах не было ни души. Только одну из них, дико озираясь, перебежала чудом уцелевшая от немецкой пули бездомная собака и скрылась в лениво колыхавшемся от лёгкого ветерка бурьяне.

Оттого, что гитлеровцы уже давно не показывались в этих краях, ребята о них не думали. Усевшись в тени простенка, они вели бесконечный разговор о своих делах. А поговорить им было о чём. Вспомнили о ночном у водяной мельницы, о попавшейся на жерлицу щуке. Посмеялись над дядей Кондратом, к которому лазили в сад за яблоками, а тот не мог их поймать, хотя они и притаились всего в трёх шагах от него, в густых кустах смородины.

Так, перебрав в памяти картины счастливого прошлого, ребята, как-то незаметно для себя, перешли к событиям последних дней.

— Слыхал? — спросил Илья, — около станции Михайловка наши опять поезд под откос пустили... Шестьдесят вагонов — в щепки! — Последние слова он произнёс с таким восхищением, как будто сам лично пустил под откос эти шестьдесят вагонов.

— Кто сказал?

— Вчера дядя Матвей приходил из леса.

— Дай-то бог,—сказал Ванюшка словами деда.— Когда это было?

— Третьего дня...

— А про вчерашние дела знаешь?—спросил в свою очередь Ванюшка.

— Не знаю,—чистосердечно сознался Ильяка.

— На Михайловской-то станции ни одного склада не осталось. Всё — в дым!

— Кто сказал?

— Дядя Семён ночью приходил... Он ведь у партизан большой начальник, всё знает,—не без гордости добавил Ванюшка.—Наши самолёты прилетали. Говорят, целый час бомбили, и склады всю ночь горели.

— Теперь, значит, фрицы ещё злее будут,—заметил Ильяка, и лицо его сразу посерьёзнело.

— Да уж куда злее-то?—в тон ему проговорил Ванюшка.—И так словно бешеные волки... В Абрамовке, говорят, двух девчонок-нищенок повесили. Совсем, говорят, маленькие девчонки, а их партизанскими разведчиками объявили и повесили...

Ванюшка рассказывал об этом, скрестив руки на груди, как бы стараясь сдержать бушевавшее внутри волнение. Ильяка провёл рукой по волосам, прокашлялся, словно готовясь к длинной речи, но у него вырвалось только одно слово:

— Звери!

На недолгое время разговор между приятелями прервался. Привстав, Ванюшка осмотрелся. Попрежнему ничто не нарушало тревожного безмолвия залитых солнцем полей. Постояв с минуту, он сел на своё место, сказав:

— Хорошо, что мы в этом углу живём, вдали от большака. Спокойнее всё-таки...

— Из-за партизан это,—знающе заметил Ильяка.— Да и лес тут...

— А всё-таки я думаю, что нагрянут они к нам,— как бы не расслышав илькиных слов, сказал Ванюшка. В голосе его, только что спокойном, послышались тревожные нотки.— Не простят они прошлый случай, когда их так здорово наши поколотили. Не простят, Илька... Теперь вон только и разговоров, что фрицы все провинившиеся перед ними деревни дотла начали сжигать.

— И когда мы только освободимся от них?—глубоко вздохнул Илька.—Ведь как народ-то измучился... Если придётся жить под ними год или хоть полгода— не выдержишь... Сам видишь, какое моё здоровье...

— А ты, Илька, не горюй,—тепло заговорил Ванюшка, стараясь успокоить друга.—Выдержишь, недолго уж осталось ждать. Вот почитай-ка, что пишу...

Он достал из кармана аккуратно сложенную листовку и протянул другу.

— «Вести с Советской Родины»,—прочитал Илька.—Откуда это ты взял?

— Дядя оставил. Ты до конца прочитай, тут про всё сказано.

Илька с жадностью принялся за чтение. И было видно, как его лицо, ещё за минуту до того усталое и печальное, светлело с каждой прочитанной строчкой...

Тяжёлой была Илькина жизнь за последнее время. Отца его расстреляли фашисты за то, что он отказался быть старостой. От болезни да от невыносимой жизни умерла недавно и мать. Сам Илька был слабенький здоровьем мальчик. Дружа с Илькой с колыбели, Ванюшка относился к нему с большим участием: делился куском хлеба, испечённой в золе картошкой, рыболовным крючком и скрученной на окуней леской. Илька чувствовал и очень ценил постоянную заботу друга, и это поддерживало надломленные силы.

Пережив такое тяжёлое горе, как смерть отца и матери, Илька не видел впереди ничего светлого, ничего

радостного. Он становился всё задумчивее, всё печальнее, здоровье его ухудшалось с каждым днём.

Вот и сейчас. Озарившееся на минуту счастливым светом лицо Ильки снова сделалось печальным, задумчивым.

— Ты о чём это задумался?—спросил Ванюшка.

— О себе,—ответил Илька.—Вот я сижу и думаю: если бы опять вернулась Советская власть, не пропал бы я тогда... И здоровье бы поправил, и учиться бы стал...

— Правда, Илька!—обрадовался хорошим мыслям друга Ванюшка.—Это ты правду сказал. Ты только не унывай. Немного осталось ждать. Читал, что в листовке-то сказано? Вот скоро подойдёт Красная Армия и тогда всё наладится... Только не унывай...

— Эх, скорее бы...—мечтательно протянул Илька.—Увидеть бы тот счастливый день.

— Увидим, Илька, увидим,—возбуждённо проговорил Ванюшка.—Дядя говорил, он сам читал речь Сталина. Сталин сказал, что Советский Союз сейчас силён, как никогда... И ещё Сталин сказал, что победа будет за нами.

— Так и сказал?

— Так и сказал.

И снова оживилось лицо Ильки. Он помолчал, потом придвинулся к другу поближе и заговорил с таким волнением, с каким можно говорить только о самом дорогом, о самом заветном.

— Знаешь, Ванюшка... Не поверишь, может, а я правду тебе скажу, истинную правду... Сталина я во сне вижу... вот уже сколько раз... Однажды будто он сам приехал к нам, в Дубовку, и со мной разговаривал. Только вот не помню о чём... От радости я как-то сразу проснулся и — забыл... И после этого я его опять видел... Почему бы это, по-твоему, а?

Ванюшка помедлил с ответом. Не потому, что не

знал, как надо на это ответить, а потому, что хотелось ответить на это словами простыми и правдивыми. И он заговорил, тщательно подбирая и обдумывая каждое слово.

— А это потому, что мы всегда о нём думаем... Хотя он находится от нас далеко, за тысячи километров, а всё равно он с нами... Сколько тысяч наших людей попали под немца, и все они думают о Сталине. О нём все думают, потому что...—Ванюшка на минуту задумался, как бы подбирая наиболее сильные и верные слова,—...потому что счастливую жизнь до войны всему нашему народу создал Сталин... А теперь он руководит Красной Армией, гонит фашистов с нашей земли, хочет скорее освободить свой народ... Вот так и выходит: мы все о нём, а он обо всех нас думает... Он и о нас с тобой, Илька, думает, он ночей не спит, чтобы...

И как-то вдруг, на полуслове, Ванюшка смолк. В знойном безмолвии дня чуткие уши ребят уловили пока ещё неясный, но знакомый звук. Они вскочили, подбежали к проёму и сразу же заметили на голубом небе два «фокке-вульфа». Через мгновение самолёты уже кружились над деревней.

— А ведь это неспроста, Илька,—стараясь казаться спокойным, сказал Ванюшка.

Но Илька был другого мнения.

— Разведчики это, местность высматривают, партизан, наверно, ищут, а может...

Пронзительный свист падающей бомбы не дал Ильке договорить. Раздался гулкий взрыв, а за ним послышались резкие пулемётные очереди.

— Может, сигналить будем?—спросил Илька.— А может, и самим убираться отсюда...

— Не болтай зря!—оборвал его Ванюшка.—Немцы уже сами просигналили: бомба да пулемётные очереди слышнее нашего железного обрубка. А с поста уходить нельзя... Да и надёжнее тут.

— Чем же надёжнее?—уже явно волнуясь, допытывался Илька.—Церковь—самая что ни на есть мишень...

— Чепуху говоришь... Пусть этот фашист сбросит хоть двадцать бомб, а в церковь не угодит. Да и не церковь ему нужна...

Всё это Ванюшка проговорил твёрдым голосом и казался совершенно спокойным. Но, в действительности, он волновался не меньше Ильки, и даже сквозь густой загар было заметно, что лицо его побледнело. Однако, внешнее его спокойствие передалось и Ильке, который стал следить за самолётами без особого волнения.

— Только бы зажигалки не начали бросать, дьяволы,—сказал Ванюшка, следя за тем, как один из самолётов, круто развернувшись над лесом, стал возвращаться к деревне.—Спалют тогда деревню...

Но самолёты не сбросили больше ни одной бомбы, не выпустили ни одной пулемётной очереди. Они кружились над деревней, как кружатся ястребы, выискивая себе добычу.

Напуганные взрывами и пулемётной стрельбой, жители Дубовки попрятались в подвалы, погреба и блиндажи.

Именно этого и добивались немцы.

— Чего им всё-таки здесь надо?—допытывался Илька, прислушиваясь к рёву моторов.

Глубоко вздохнув, Ванюшка проговорил:

— Я вот что думаю, Илька...

— Что?

— Я думаю: эти самолёты прилетели для того, чтобы...

Неожиданно оборвав свою мысль, он схватил Ильку за руку, силой подтянул его к проёму и, указывая рукой на дорогу, закричал:

— Видишь?!

— Ой!—вскрикнул Илька, побелев как бумага.

К деревне мчались всадники. Их было много, человек пятьдесят. Они скакали галопом, оставляя за собой густое пыльное облако.

— Сигналь! Бей в рельсу!—крикнул Ильяка, выходя из оцепенения.

— Дзинь! Дзинь! Дзинь!—зазвенел рельс.

Но дубовцы не слышали сигнала. Оба самолёта снова начали сбрасывать небольшие бомбы и непрерывно, короткими очередями, обстреливать деревню из пулемётов.

Хитрость врага удалась.

Жители Дубовки на этот раз не смогли скрыться в лесу. Ещё не зная по-настоящему—в чём дело, они отсиживались в своих укрытиях.

— Подъехали к околице!—крикнул Ильяка.—Въезжают...

Ванюшка швырнул болт, и они стремглав бросились вниз по узкой и тёмной лестнице.

III

— Мама! Мамка! Где вы? Немцы! Бежать надо!—закричал Ванюшка, вбегая во двор.

Не найдя никого во дворе, он забежал в дом, заглянул в сенной чулан и, также никого не обнаружив, побежал в огород. Тесно прижавшись друг к другу, мать, две сестрёнки и маленький братишка сидели в щели, вырытой за сараем.

— Вылезайте быстрее, фрицы пришли, бежать надо!—как и подобает старшему в семье, мужчине, повелительно распоряжался он.

Мать посмотрела на него расширенными от страха глазами.

— Боязно же, Ванюша... Бомбят ведь... Худо бы не было...

— Будет хуже, если попадём в их руки!

Дрожащими от волнения руками он стал вытаски-

вать из ямы сестрёнок, но в это время услышал за своей спиной немецкую речь. Ванюшка обернулся и увидел двух немецких солдат, бегущих прямо на него. На груди у них болтались чёрные автоматы.

— Попались!—с ужасом подумал Ванюшка.—Теперь—всё, не спасёшься...

Действительно, теперь уже не было никакой возможности ни бежать, ни спрятаться. Окружив деревню со всех сторон, немецкие солдаты не выпускали никого. Они обшарили все дома, огороды, мякинники, амбары, погреба, подвалы, чердаки, выловили всех спрятавшихся и согнали всё население Дубовки на площадь перед старой церковью. Собралось около двухсот человек. Тут были и дряхлые, опирающиеся на палки, старики, и женщины с грудными детьми, и подростки. В толпе не было ни одного мужчины, способного носить оружие: все они партизанили.

Чувствуя недоброе, люди, пугливо озираясь, жались друг к другу. А вокруг них плотной стеной стояли гитлеровские солдаты в страшных рогатых касках.

— Что же теперь будет? Что они хотят с нами сделать?—спрашивал каждый сам себя. Но ни один человек из этой большой толпы не мог с достоверностью ответить на это.

Те же мысли были и у Ванюшки. Сестрёнки—Марина и Сима — крепко уцепились за его руки. Мать, держа на руках маленького Сашу, поминутно вздыхала. Видя это, Ванюшка старался держаться как можно спокойнее, как бы желая показать, что ничего плохого не случится.

Народ молчал. Если вдруг начинал плакать ребёнок, ему зажимали рот. Чтобы заглушить мучивший их кашель, старики закрывали рот картузом.

Молчали и гитлеровцы. С привычным спокойствием они смотрели на свои жертвы, не имевшие никаких средств защиты.

— Ничего, мамка, ничего не будет,— приглушённо шептал Ванюшка матери,— подержат, подержат да и отпустят... Ты не волнуйся,— успокаивал он, а про себя думал: «Неужели нас расстреляют? Нет, не может быть, не может... За что же нас убивать?»

В конце улицы показался запылённый длинный автомобиль цвета земли. Через минуту он въехал на площадь и резко остановился перед толпой. Все обратили свои взоры на людей, сидевших в машине. Кроме шофёра, в ней было ещё двое: один — низкого роста, страшно толстый, в пилотке, другой — поджарый и длинный, как жердь. На голове у него была высокая фуражка с кокардой.

— Начальство...— сообразил Ванюшка.— Долговязый, должно быть, старший.

Так это и было. Долговязый офицер был командиром нагрянувшего на Дубовку карательного отряда. Едва он успел выйти из автомобиля, как к нему подвели оседланного серого жеребца. Офицер взялся за луку, поставил ногу в стремя и неуклюже вскочил в седло. Устремив презрительный взгляд на толпу, он некоторое время сидел точно каменный. Грудь его была увешана орденами и медалями, среди которых поблескивал чёрной воронёной сталью «железный крест».

— Да-а... Это, видно, здоровый шакал,— подумал Ванюшка. Он слышал, что такими крестами Гитлер награждает своих самых отчаянных головорезов.— Этот не зря приехал... Ну, погоди, долговязый, может быть тебе и берёзовый крест подарят.

Проходили минуты, а офицер сидел на лошади всё таким же каменным истуканом. Но вот он повернулся в сторону солдат, видимо для того, чтобы отдать приказание, и на груди его что-то ослепительно засверкало. Ванюшка подумал, что это блеснул на солнце какой-нибудь орден. Но, взглядевшись, понял, что ошибся. На

левой стороне груди долговязого висела массивная золотая цепочка.

Предчувствие не обмануло Ванюшку. Привстав на стременах, офицер подал какую-то команду. Солдаты быстро выстроились в два ряда, образовав между собой проход. Тогда офицер повернулся к изнывавшей на жаре толпе.

— Слушай, ви, скот! Зечас все ходить поле... Туда... Лес,—напрягая голос до визга, закричал он.—Пошель.. Шнель!.. Бистро!

Но люди продолжали стоять без движения. Не понимая, почему их хотят выгнать в поле, они смотрели то на офицера, то друг на друга. По толпе прошёл сдержанный гул, кто-то придушённо плакал.

Лицо долговязого перекосила злоба. Он снова приподнялся на стременах и заорал пуще прежнего:

— Что я говориль? Не понимайт? Я говориль — всем итти поле... лес! Ви есть партизан, вам место — лес... Ваш хауз... теревня... ми пуф-пуф!.. Понимайт? Пожар, сгореть!.. Ви иди лес! Понимайт? Там жить... Пошель!

Он ещё раз что-то крикнул солдатам, и те тут же принялись гнать народ, толкая всех без разбора — женщин, стариков, детей — прикладами. Народ сдвинулся с места и медленно пошёл по направлению к околице.

— Куда нас гонят? Зачем? Уж не в Германию ли хотят отправить? — шопотом спрашивали люди друг друга, но никто на эти вопросы не мог дать ответа.

Державшаяся за Ванюшкину руку сестрёнка Сима вдруг спросила его:

— Куда мы идём?

— В лес.

— Там ягоды будем собирать?

— Если найдём — будем...

— И немцы пойдут с нами?

— Видишь — идут...

— А они нас не тронут?

— А зачем нас трогать? Ведь мы им ничего не сделали,—успокоил Ванюшка сестрѣнку.

Услышав разговор брата с сестрой, маленький Саша попросил:

— А вы мне малины нарвите... Очень мне малины хочется...

Ванюшка не заметил, как рядом с ним очутился Илька. Ещё час тому назад, когда они сидели на колокольне, Илька выглядел гораздо лучше. И без того худой, теперь он был похож на обтянутый кожей скелет; в лице ни кровинки, и весь как-то сгорбился.

— Ты чего это так перепал?—успавился Ванюшка на друга.

— Боюсь,—сознался Илька.—Убивать ведут они нас.

Ванюшка и сам думал об этом. Но уж так повелось, что он старался говорить Ильке только успокоительные слова.

— Не убьют,—твёрдо проговорил он.—По какой причине они нас убивать будут?

Но на этот раз ободряющие слова друга не подействовали на Ильку.

— Какая причина?—спросил он.—А ты разве не знаешь, что Гитлер приказал убивать каждого русского?

— А ты и поверил?—осуждающе спросил Ванюшка.

— Мне умирать не хочется,—дрожащим голосом тихо проговорил Илька.

— Не умрѣшь, только не канючь... Мы ещё вон того долговязого достанем...

Тем временем пленники уже миновали околицу и вышли в поле. Ехавший впереди офицер осадил коня и снова отдал какую-то команду.

— Сто-ой!—закричал кто-то сзади по-русски.

Толпа послушно остановилась. Взгляды всех были устремлены на сухопарого офицера. Каждый знал, что

от него, и только от него, зависит судьба этих двухсот человек. Должно быть, понимал это и сам долговязый. Он горячил коня, и конь под ним танцевал. На груди седока, ударяясь друг о друга, звенели медали, и ослепительно блестела на солнце золотая цепочка.

— Форвертс!.. Вперьёд! На лес!—неожиданно заорал он, указывая нагайкой в сторону темнеющего впереди леса.

— Бистро!

Толпа беспорядочно двинулась, свернув с дороги на сжатое поле ржи.

С каждым шагом в сердцах людей росла надежда, что им удастся добраться до леса и скрыться в нём. Росла эта надежда и в сердце Ванюшки. «А, может быть, они и взаправду хотят нас выгнать в лес и не тронут?»

Эта уверенность ещё более окрепла в нём, когда он на какую-то секунду обернулся и посмотрел назад: немцы не шли за толпой и, как показалось Ванюшке, нестройными рядами стояли у околицы.

IV

Опираясь на палки и тяжело вздыхая, брели старики, цепляясь за подола матерей, стараясь не отстать от старших, трусили ребяташки, надрывно кричали разомлевшие на жаре маленькие дети. Жнивьё кололо босые ноги, всех начала одолевать жажда. Но люди шли, забыв обо всём этом. Сейчас каждый готов был перенести какие угодно невзгоды и лишения, лишь бы достигнуть своей спасительной цели.

И чем ближе подступал лес, тем быстрее шагали люди. Вот уже всего триста метров отделяет их от него... Нет, уже не триста, а двести пятьдесят... Повинуясь привычке убегать от опасности, люди, без сговора или команды, всё ускоряли и ускоряли шаг и, когда до стоящих на опушке дубов осталось не более двухсот мет-

ров — толпа, охваченная чувством, в котором смешались упоительная надежда и животный страх, бросилась бежать.

И вдруг сзади грянул оглушительный залп... Сотни светящихся пуль пролетели над бегущей толпой, и поле огласилось душераздирающими криками. Слившиеся в сплошной гул автоматные очереди делали своё дело. Окровавленные люди падали, судорожно цепляясь за жнивье, а те, которые пока уцелели, продолжали бежать, всё ещё не потеряв надежды добраться до леса. Но из огромной толпы ни одному человеку не удалось сделать этого. Огонь немецких автоматчиков был настолько плотным, что самые последние жертвы лежали бездыханными трупами не ближе, чем в ста метрах от опушки.

Это кровавое побоище продолжалось не более трёх или четырёх минут. В невообразимой сумятице Ванюшка потерял своих. Он лежал, плотно припав к земле. Пули непрерывно визжали над головой, ложились где-то сбоку и спереди, поднимая небольшие столбики пыли. Только тогда, когда стали редеть автоматные очереди, он решился поднять голову — и страшная картина представилась его глазам. Его односельчане, дорогие и близкие, всего несколько минут тому назад мечтавшие о спасении, лежали бездыханными трупами. Некоторые из них были ещё живы и просили о помощи, кто-то совсем рядом судорожно хрипел, видимо захлебываясь кровью. Он видел, как их соседка Елена пробовала подняться. Ей удалось встать на колени, но обессилевшая от потери крови, она не удержалась и рухнула прямо лицом в жёсткое колючее жнивье. Ванюшка переводил взгляд от одного мертвеца к другому, но не находил тех, кого искал: матери, сестёр и братишки.

Наконец он их увидел... Мать лежала в пятнадцати шагах от него, лицом вверх. Левая её рука была откинута, а правая лежала на маленьком Саше, который

уткнулся около матери, свернувшись комочком, точно выпавший из гнезда птенец. Старшая сестрёнка — Марина — лежала в двух шагах от матери, а Сима умерла, так и не выпустив из рук подола материнской юбки, за который она держалась во всё время страшного пути.

Забыв об осторожности, Ванюшка приподнялся и, опираясь на локти, пополз к своим. Надежда, что кто-нибудь из них ещё жив, не покидала его. Но это была только надежда. Мать лежала с пробитым черепом, Марина тоже была мертва, хотя на ней он не увидел крови, на голубеньком платъице Симы, на уровне груди, виднелось большое кровавое пятно. Но больше всех пострадал Саша: он почти напополам был перерезан автоматной очередью.

— Убийцы! Изверги! — исступлённо закричал Ванюшка, привстав на колени и потрясая руками. — Погодите, настанет время...

Это было его ошибкой. Зверь не понимает проклятий, он неотступно следит за своей жертвой. Пуля летит быстрее звука, и короткую автоматную очередь Ванюшка услышал уже после того, как ему что-то нестерпимо обожгло правый бок. Он несколько мгновений покачался на коленях и медленно повалился, успев почувствовать под своей щекой мягкие и ещё тёплые ножки Саши.

— Видно, конец и мне...

Но это было ложное ощущение страха перед смертью, вызванное первыми приступами нестерпимой боли в боку. Полежав, Ванюшка сообразил, что ранен он, хотя и сильно, но не смертельно. Ужас перед смертью на время сковал чувства и ощущения, но, некоторое время спустя, Ванюшка почувствовал во рту сладковатый вкус и ноющую боль в правой щеке. Осторожно, боясь выдать себя, он медленно поднял руку и провёл ею по лицу. Ладонь руки густо покрылась кровью. Ва-

нюшка понял, что вторая пуля прошла чуть пониже виска, едва разрезав кожу.

Кажется, ещё никогда Ванюшке так страстно не хотелось жить... Но он понимал, что, несмотря на сравнительно легкие ранения, он может погибнуть от потери крови. Ах, если бы сделать перевязку! Но как её сделаешь, если безжалостные враги в сотни глаз наблюдают за этим страшным кладбищем и добивают всякого, кто в предсмертной агонии попытается подняться или пошевелиться? И Ванюшка лежал, то впадая в тяжёлое забытьё, то снова возвращаясь к действительности.

— Только бы темноты дождаться...

Солнца ему не было видно, но во всём чувствовалось приближение вечера. Ванюшка видел, что тень от жнивья становится всё длиннее и длиннее, уже не таким раскалённым стал воздух и гуще — бездонная голубизна неба.

Он не мог бы даже приблизительно сказать, сколько времени прошло с тех пор, как фашисты открыли огонь по толпе: может быть, десять минут, а, может, и несколько часов. Ни стонов, ни криков больше не было слышно, и над полем установилась ничем сейчас не нарушаемая зловещая тишина.

И вдруг Ванюшка услышал какие-то странные незнакомые звуки, похожие на шорох. Чуть приоткрыв глаза, он понял в чём дело. Это шли немецкие солдаты, шурша сапогами по сухому жнивью. Впереди солдат, всё в той же величественной позе, ехал на лошади долговязый офицер.

Ванюшка плотно сомкнул глаза. Он не видел, что делали солдаты, но сообразил, что пришли смотреть трупы, и по одиночным выстрелам догадывался, что добивают тех, кто всё ещё подаёт признаки жизни.

Два солдата прошли от него настолько близко, что едва не наступили ему на ноги. Запекшаяся у виска кровь, вероятно, не оставила у солдат сомнения, что

Ванюшка мёртв, и они прошли мимо, о чём-то разговаривая на непонятном языке.

... Когда Ванюшка очнулся, он сразу не мог сообразить, что с ним произошло и где он находится. Он попробовал приподняться и, почувствовав острую режущую боль в боку, сразу вспомнил обо всём. Наверное, он долго находился в забытьи. Ночная прохлада и обильно павшая на землю роса влили живительную струю в его ослабевшее тело.

— Надо бежать! Надо бежать...— сверлила голову одна мысль.

Собрав всё своё терпение, он привстал на колени. На поле, на этом кладбище без могил, было тихо. Сделав своё подлое дело, немцы решили, видимо, сюда больше не возвращаться. С трудом Ванюшка привстал на колени. У него хватило даже сил подняться на ноги.

— Бежать! Бежать!— повторял он.

Но уйти не мог. Осторожно, чтобы не бередить рану, он опустился на колени, бережно, как бы боясь причинить боль, приподнял голову матери и поцеловал в её похолодевшие губы.

— Прощай, мама!— проговорил он вслух.— И ты, Маринка, прощай, и ты, Сима... Саша, братик... За всех я буду мстить душегубам, а за тебя больше всех... Прощай...— и Ванюшка беззвучно и без слёз заплакал.

— Бежать! Бежать!

Но бежать не было сил. С трудом переставляя ноги, он пошёл к лесу, обходя валявшиеся на пути трупы. Около одного из них увидел суковатую палку. Он поднял её и сразу узнал, кому она принадлежала. Этот старческий посох многие годы носил отец председателя колхоза дед Андрей Кукушкин.

Опираясь на палку, идти стало легче. Уже совсем недалеко тёмный и таинственный лес, который укроет его.

Неожиданно он как-то помимо своего желания

остановился. В двух шагах от него лежал труп. Ванюшка нагнулся над ним, и горький комок подкатился к горлу. Это был Илька. Он лежал на спине, раскинув руки и согнув в колене правую ногу — точь в точь так, как они любили лежать после купанья на мягкой траве в тени прибрежного тальника. Лицо у Ильки было спокойное и строгое, а глаза широко открыты, как будто он и мёртвый продолжал смотреть на мир, который так любил.

— Прощай, Илька... Прощай, друг...

Вот и лес!

Обессилевший от ходьбы Ванюшка сел на широкий пенёк и впервые за всё время взглянул в сторону Дубовки. Но вместо знакомых очертаний улиц, церкви и высокой двухэтажной школы он увидел груды тлеющих углей. Дубовка была сожжена дотла, точно фашисты хотели стереть с лица земли и самую память о ней.

V

Весть о том, что гитлеровцы сожгли Дубовку, быстро донеслась до отряда «Смерть фашистам». Отобрав несколько десятков человек, командир отряда сам повёл их, чтобы на месте убедиться в правильности дошедших слухов. Большинство партизан этой группы состояло из дубовцев, у которых в деревне оставались родители, жёны, дети.

Марш был стремительным. Охваченные тревогой, партизаны шли быстро, без отдыха, не чувствуя усталости.

Дубовки они не нашли. На месте цветущей деревни чернели груды потухших углей и битого камня. Обгоревшие деревья, точно чёрные скелеты, протягивали к небу как бы застывшие в предсмертных судорогах искривлённые сучья. Только по нескольким уцелевшим печам с высокими кирпичными трубами можно было

догадаться, что здесь когда-то стояла деревня. Даже привыкшие ко всему партизанские сердца дрогнули перед этой жуткой картиной разрушения.

Но самое страшное ждало их в поле. На нём были разбросаны десятки трупов. Рядом с ходившим по земле восемьдесят с лишним лет дедом Андреем Кукушкиным лежал годовалый его правнук Коля. Тридцатилетняя доярка Катя Зубова обнимала в последний раз свою десятилетнюю дочку Люсю... В немом молчании партизаны обнажили головы, отдавая последний долг погибшим.

Лица их, и без того суровые, стали грозными. Над полем стоял удушливый запах. Радуюсь предстоящему пиршеству, в воздухе с криком носилось воронье.

Партизаны принялись хоронить убитых. Но это им не удалось—на них напали немцы. Вероятнее всего, что часть карателей устроила засаду, заранее зная, что партизаны выйдут из леса хоронить своих односельчан.

Завязалась перестрелка. Количественный перевес карателей заставил партизан отступить к лесу. На опушке они наскоро окопались и приняли бой. Немцы несколько раз пытались атаковать горстку партизан, но, потеряв около десятка солдат убитыми и ранеными, атаки прекратили. Пользуясь этим, партизаны начали отходить вглубь леса.

Они уже с полкилометра прошли лесом, как вдруг кто-то громко воскликнул:

— А это что такое?

Все остановились и обступили невысокий раскидистый куст орешника, под которым лежал труп подростка. Один из партизан, работавший до ухода в лес в Дубовке избачом, наклонился, внимательно всмотрелся в измазанное кровью лицо подростка и сказал:

— Я этого паренька знаю... Наш он, дубовский... Ванюшка...

— Какой Ванюшка?

— Марьи Долбиной сынок...

— Как он сюда попал?

— Да вот, не спросишь его теперь.

Тем временем другой партизан, встав на колени, прислонился ухом к груди мальчика. Стоящие вокруг затаили дыхание.

— А ведь он дышит!—неожиданно произнёс он.— Ей-ей дышит!

— Не может быть!—усомнился чернобородый, похожий на цыгана, партизан.—Хорошо было бы, если так! Ведь он, выходит, один уцелел. Он всё рассказал бы... Ну-ка, я сам послушаю...

Чернобородый встал на колени, приложился ухом к груди мальчика. Сердце Ванюшки медленно, еле ощущимо, билось...

* * *

В партизанском отряде «Смерть фашистам» стало известно, что в лесу был подобран лежавший без сознания дубовский мальчик Ванюшка Долбин. Отряд, состоявший наполовину из дубовцев, всполошился как улей. Было ясно, что Ванюшка каким-то чудом спасся от вражеской пули, и все с нетерпением ждали, когда услышат от него хоть несколько слов о последних минутах своих родных.

А Ванюшка был плох. От потери крови он настолько ослаб, что лечивший его отрядный фельдшер сам сомневался в благополучном исходе.

— Будем надеяться,—говорил он осаждавшим его дубовцам.

И надежды фельдшера оправдались.

К вечеру Ванюшка открыл глаза. Он кое-что, и то неясно, припомнил из пережитого вчера, но никак не мог сообразить, где находится сейчас. Осмотревшись, он понял, что лежит в какой-то землянке, на нарах, устроенных из жердей и прикрытых душистым сеном. Он попробовал было приподняться, но тут же опустился

снова, почувствовав резкую боль в боку и гулкий звон в ушах. Понемногу боль начала стихать, пропал и надоедливый звон в ушах. Ванюшка это скорее понял, нежели почувствовал. Ему показалось, что он слышит за стеной какой-то разговор.

Он не ошибся. Разговаривали двое. У одного, видимо, пожилого человека, был подтреснутый бас, а другой говорил тоненьким, почти детским голосом. Когда Ванюшка начал уже отчётливо различать слова, пожилой рассказывал:

— Вчера они, говорят, ещё две деревни сожгли...

— А не слыхал, дядя Иван, какие?—перебил его молодой.

— Как будто Погодино и Зайцево... Жителей, говорят, вот так же выгнали в поле и расстреляли... В огонь, слышь, многих побросали.

— А кто это говорил, дядя Иван?

— Разведчики только что с задания вернулись,— продолжал рассказывать пожилой.— Говорят, в нашем районном городе стоит специальный отряд, а командует им настоящий кровопийца и душегуб — обер-лейтенант... Они даже фамилию называли... вроде как бы Генрих Шварц...

— Шварц...—проговорил молодой.—Шварц?.. Это по-нашему чёрный...

— Правильная, выходит, у него фамилия... Чёрная кровь по нему течёт... Наши ребята его видели, а ухлопать не удалось... Длинный, говорят, сухопарый, вся грудь в крестах да медалях...

Ванюшка понял, что люди говорили о том самом офицере, по приказу которого убили его односельчан и сожгли Дубовку. Закрыв глаза, он увидел его как живого, в мельчайших подробностях... Вот этот изверг сидит на коне, точно каменный истукан, наслаждаясь мучениями советских людей... А вот лицо его перекопилось от злобы и бешенства. Он кричит, размахивает

нагайкой... На груди его, увешанной крестами и медалями, блестит золотая цепочка...

Эти воспоминания утомляют... Разговор за стеной смолк. Тишина благотворно действует на Ванюшку, и он впадает в лёгкое забытьё... Вот перед его глазами опять, как живой, стоит Генрих Шварц. Он всё такой же — в серо-зелёном мундире, в высокой фуражке с кокардой. Только вместо многих крестов и медалей на груди у него один большой берёзовый крест, а вместо цепочки болтается петля из толстой варовой верёвки...

— Ну как,—слышит Ванюшка тихий, вкрадчивый шопот,—поправляется?..

— Плохо,—таким же шопотом отвечает кто-то. Ванюшке показалось, что он слышал где-то этот голос, но где именно — припомнить не может. Ванюшка открыл глаза. Перед ним, склонившись, стоял их деревенский фельдшер Фёдор Иванович — старичок с узким лицом и белой, клинышком, бородкой, которого, за его страстие к этому слову, в деревне все звали Милок. Позади фельдшера стоял широкоплечий человек с большой чёрной бородой. Ванюшка узнал и его. Это был Иван Чернов — кузнец из соседней деревни.

Увидев, что подросток открыл глаза, Фёдор Иванович обрадовался.

— Вот и хорошо! Ай, как хорошо!

— Воды... пить...—попросил Ванюшка.

— Сейчас, сейчас, милок,—заторопился Фёдор Иванович.

Ванюшка без отрыва, не переводя дыхания, выпил полфляги сладкого остуженного чаю.

— Спасибо...

— Спасибо будем говорить после, милок, когда выздоровеем,—улыбнулся фельдшер.—Спасибо тебе самому, что жив остался.

— Куда это я попал?—спросил Ванюшка, чтобы рассеять мучившие его сомнения.

Вместо ответа фельдшер спросил:

— Меня узнаёшь?

— Узнаю... Фёдор Иваныч...

— Ну, вот и всё, милоч. Значит, не у чужих ты. В своей деревне, можно сказать. У тебя даже и родные есть тут...

— Кто?—спросил Ванюшка. В слабом его голосе Фёдор Иванович услышал и удивление, и радость.

— Дядя.

— Какой дядя?

— А какие дядья бывают? Материн брат.

— А ведь у меня их три...

— Знаю, милоч, знаю. Только здесь-то не Иван и не Павел, а Семён Петрович.

И только тут Ванюшка понял, что попал в партизанский отряд «Смерть фашистам», в котором его дядя Семён Петрович Коробов был начальником штаба. «Значит не один я,—с радостным волнением подумал он.— Дядя Семён не бросит меня... Может быть, и в отряд ещё возьмёт... Не даст он мне пропасть... Он хороший, добрый...»

А Фёдор Иванович, как будто угадывая мысли Ванюшки, продолжал рассказывать:

— Золотой души человек, твой-то дядя... Уж не говорю, что как орёл храбрый... А о партизанах как заботится! Сам кусок не съест, а другого голодным не оставит... Да и любят же его партизаны, как отца родного... Ну, лежи, я сейчас...—совсем неожиданно оборвал свою речь Фёдор Иванович, выходя из землянки.

Сидевший до сих пор молча на каком-то обрубок чернобородый партизан подошёл к Ванюшке. Его суровый вид никак не вязался с ласковым голосом, каким он заговорил.

— Очень больно, сынок?

— Когда спокойно лежу — не очень,—ответил Ванюшка.

— А... разговаривать силы есть?..

— Есть...

— Я вот хотел тебя спросить... В вашей деревне жила моя дочь Катюшка... Власовы фамилия им...

— Знаю, дядя Иван...

— Ну так вот,—продолжал партизан, —у неё трое детей... Не видал ли ты их?

Ванюшка молчал. Он вспомнил, как после первого же залпа колхозная доярка Катя Власова, широко расставив руки, точно слепая, прошла несколько шагов, да так, с распростёртыми руками, и рухнула на жнивье. Но сказать об этом кузнецу он не смог. Как бы от переутомления, он закрыл глаза и, когда открыл их снова, то никого уже около него не было. Он увидел кузнеца около двери в землянку. Кузнец надевал кожаную фуражку и о чём-то говорил сам с собой. Первых слов Ванюшка не разобрал, но он отчётливо слышал, как партизан сказал: «Ну погодите! Узнаете вы Ивана Чернова!»

Отодвинув рукой плащпалатку, заменяющую дверь, Иван Чернов хотел выйти из землянки, но в узком земляном проходе столкнулся с Фёдором Ивановичем, вслед за которым шёл ещё человек, в котором Ванюшка узнал своего дядю. Он заметно похудел, оброс колючей бородой, глаза его были воспалены от жары и бессонницы. Но был он такой же подвижной, шумный и весёлый, как и раньше. На нём было надето немецкое обмундирование, на груди висел немецкий же автомат.

— Ну, вот и хорошо!—стараясь ослабить свой громовой голос, проговорил дядя, подходя к Ванюшке.— Теперь не пропадём. Ты, племяш, не беспокойся. Фёдор Иванович дал честное партизанское слово, что поднимет тебя на ноги. А партизанское слово — крепче стали...

Увидев дядю, Ванюшка как-то сразу ожил. Ему хотелось сейчас встать и, как он это делал в раннем

детстве, прыгнуть дяде на колени и потрепать его за длинные волнистые волосы, в которых он заметил сейчас серебристые ниточки. Забыв про рану, Ванюшка попробовал приподняться.

— Ой, ой!— вскрикнул Фёдор Иванович.— Так нельзя!.. Вот, товарищ начштаба, заранее заявляю, что не беру на себя никакой ответственности, если пациент не будет слушаться,—с улыбкой добавил он.

— Будет, будет слушаться! А я ему за это кое-что подарю,—сказал дядя.

— А чего?—по-детски любопытствовал племянник.

— А чего ты хочешь?

— Автомат!—высказал свою заветную мечту Ванюшка.

— Нет, вот это пока могу,—проговорил Коробов, вынимая из кармана и подавая племяннику плитку шоколада.— А об автомате не беспокойся... Автомат у тебя будет, только выздоравливай... Автомат тебе нужен... Да, нужен тебе автомат...

И хотя Ванюшка ещё неясно понимал скрытое значение последних слов, он почувствовал, что с этого дня его маленькая судьба стала частицей большой судьбы партизанского отряда.

VI

Дубовские леса сильно мешали немцам. Завладевшее ими партизанское соединение было по существу полным хозяином района. Все попытки немцев подчинить себе население окрестных сёл и деревень ни к чему не привели. Народ научился обороняться и во-время принимал меры предосторожности. Повсюду было установлено наблюдение за дорогами, по которым немцы могли войти в село или деревню. Стоило только наблюдателям обнаружить подходящего противника,

как всё население убегало в леса, и немцы входили в безлюдные населённые пункты. Иногда им, впрочем, удавалось обмануть население, как это случилось в Дубовке. Да и не в одной Дубовке. Фашистское командование отдало приказ — сжигать дотла прилегающие к лесу сёла и деревни, а население их, как заражённое духом партизанской борьбы,—уничтожать. Почти ежедневно какая-нибудь деревня превращалась в груды пепла.

Но если немцам сравнительно легко было выжечь деревни и справиться с безоружным мирным населением, то партизаны попрежнему оставались для них грозной силой. Не проходило дня без того, чтобы неуловимые народные мстители не нанесли урона гитлеровцам. В интендантствах то и дело подсчитывали количество разбитых и захваченных партизанами обозов. Железнодорожные составы шли не иначе, как толкая перед собой груженные песком платформы.

Всё это настолько обеспокоило немецкое командование, что оно вынуждено было перейти к решительному наступлению на партизан, стянув для этого в район дубовских лесов значительные силы.

Не дремали и партизаны. Теперь это были уже не отдельные, разрозненные группки и отряды, а хорошо слаженный боевой организм. Все партизанские отряды были подчинены единому командованию, которое в свою очередь подчинялось областному подпольному партийному центру.

Отряд «Смерть фашистам», в котором теперь находился Ванюшка, жил напряжённой боевой жизнью. Через своих разведчиков командованию отряда стали известны планы немцев. Эти планы полностью подтверждали и данные штаба партизанского соединения.

Пока немцы готовились к наступлению, партизаны ещё деятельнее готовились к их встрече. Они заминировали места наиболее вероятных направлений немец-

ких атак, устроили «волчьи ямы» на пути предполагаемого движения танков. Каждое партизанское подразделение получило свой участок и, в случае самой последней необходимости — направление для отхода вглубь лесов.

Эта ночь в лесу прошла без костров. Лес молчал. Хрупкую тишину ночи изредка нарушали своим хохотом филины да негромкое ржание плохо приучённой к лесной жизни лошади...

Бой начался утром. Наступавшие от Дубовки немцы развернулись и пшеничным полем подошли к лесу. Лес, полого поднимавшийся на небольшое взгорье, был у немцев как на ладони. Командовавший этой группой экспедиции Генрих Шварц выглядывал из прорезей броневика. Он осмотрел лес и приказал подразделениям остановиться. Сверившись с картой, Шварц ещё раз осмотрелся и дал команду артиллеристам начать подготовку к наступлению.

Снаряды и мины рвались сначала в мелком кустарнике на опушке, а затем взрывы постепенно начали уходить вглубь леса. К опушке подползали автоматчики, за ними передвигались стрелки и пулемётчики.

Когда до опушки осталось всего около сотни шагов, немцы, по сигналу, открыли огонь из всех видов ручного оружия. Лес гулким эхом отражал трескотню автоматов, дробный стук пулемётов, глухие удары винтовок.

На стрельбу немцев из лесу никто не отвечал. Создавалось впечатление, что партизаны из дубовского леса ушли. Но стоило немецким стрелкам несколько углубиться в лес, как из кустов затрещали дружные автоматные очереди. Ошеломлённые внезапным огнём партизан, немецкие стрелки залегли и, оставляя убитых и раненых, начали отползать назад.

Первая атака немцев была отбита, но через полчаса они предприняли вторую. Она была сильнее первой, однако партизаны не отступили ни на шаг.

Тогда Генрих Шварц приказал новому подразделению автоматчиков при поддержке танков начать наступление с правого фланга. Там было мелколесье, в большинстве осинник, не представлявший сколько-нибудь серьёзного препятствия для танков.

На этом участке партизанской обороной руководил сам начальник штаба Семён Коробов. С полсотней партизан он залёг в укрытиях и поджидал врага. Вскоре из-за деревьев показались три танка. Они шли, подминая под себя кустарник, ломая мелкий осинник и непрерывно стреляя из пушек и пулемётов. Казалось, не может быть силы, способной остановить движение этих стальных крепостей.

Но это только казалось. Неведомо откуда по борту левого танка ударила пушка, и неизмеримой силы чудовище, только что ломавшее деревья, беспомощно остановилось, охваченное огнём. Неожиданно остановился и второй танк. Его подбил из противотанкового ружья Иван Чернов. Видимо сообразив, что оставаться в одиночку—это значит принять на себя весь огонь партизан, третий танкист круто развернул машину, но танк тут же накренился и лёг на бок, попав в «волчью яму». Лишённые поддержки танков, немцы начали отступать.

В последних лучах заката угасал партизанский маятный день. Но наступающая ночь не сулила уставшим партизанам отдыха. Утром снова ожидалась атака немцев. Почти всю ночь партизаны строили новые укрытия, закладывали мины на танкоопасных направлениях, рыли «волчьи ямы».

Но немцы утром не атаквали. С восходом солнца над лесом начали кружиться несколько «юнкеров». Они беспорядочно сбрасывали бомбы и обстреливали чащи леса из пулемётов. Партизанам было ясно, что немцы ведут подготовку к новому, ещё более сильному наступлению...

Когда начался бой, Ванюшка ещё спал. Разбуженный первыми же взрывами снарядов, он открыл глаза и увидел у столика Фёдора Ивановича, приготовляющего бинты.

— Кажется, стреляют?—возбуждённо спросил Ванюшка.

— Стреляют,—спокойно ответил фельдшер.

— Кто?

— А кто воюет, тот и стреляет: и они, и мы,—не отрываясь от работы, тем же тоном объяснил Фёдор Иванович.—На войне так, милоч, без стрельбы не обойдёшься... Только ты не бойся, мы с тобой под землёй: нас не достанут...

— А я и не боюсь.

— А коли не боишься—поспи ещё часок.

Где-то совсем недалеко от землянки упал и разорвался тяжёлый снаряд. Стены землянки задрожали, с потолка посыпалась земля.

— Шалишь, брат. Рыло коротко, до нас не доберёшься,—пошутил Фёдор Иванович, на минуту прервав работу.

Старик то и дело шутил и улыбался. Делал это он специально для того, чтобы подросток не боялся и не волновался. Ванюшка это понимал, но делал вид, что не замечает наивной хитрости фельдшера.

Бой длился уже больше часа. В дверь землянки заглянул узенький луч солнца. Ванюшка лежал и думал о тех, кто находится теперь там, где стреляют. Он очень жалел, что не может быть сейчас вместе с партизанами. Вот Фёдор Иванович, этот милый старичок, шутит, улыбается, чтобы он, Ванюшка, не боялся... Но у него, только чудом вырвавшегося из лап смерти, нет страха. Дали бы ему автомат, он пошёл бы впереди других, чтобы бить и бить без конца этих зверей, сравнив-

ших с землёй его родную Дубовку, убивших его родных—мать, сестрёнок и маленького Сашу... Кажется, ничего, жизни своей не пощадил, только бы отомстить за них!.. И мысли эти были уже не проявлением детского задора, а мысли человека, возмужавшего в одну минуту перед лицом смерти...

Мысли Ванюшки прервал чей-то крик за дверью:

— Фёдор Иванович, принимай раненых!

Спокойно перематывавший бинты, Фёдор Иванович встрепенулся и быстро вышел из землянки.

— Сюда, сюда вот,—распоряжался он, входя через минуту обратно.—Кладите осторожненько.

Двое партизан внесли в землянку на самодельных носилках молодого, кудрявого парня. Ванюшка сразу узнал его. Это был ординарец командира отряда, приходивший вчера в санитарную землянку за дядей Семёном. Он был без сознания и, только по тому, что он изредка тихо стонал, можно было догадаться, что в нём ещё теплится жизнь.

С быстротой, какой от него никак нельзя было ожидать, Фёдор Иванович молча начал обрабатывать раны. И только после того, как с помощью тех же партизан уложил раненого на нары, сказал:

— Да-а... Уж очень сильно его...

— Во время контратаки это,—как бы оправдываясь, начал рассказывать молодой, с чёрным пушком над верхней губой, партизан.—Вплотную сошлись. Гляжу—от меня в десяти шагах фриц за дерево привстал и в него, в Петьку, целится... Я—к фрицу, но... не успел... Выстрелил тот...

— Ну, а...—начал было Фёдор Иванович.

— Фриц-то?—догадался партизан.—Боюсь, автомат не повредил ли об его поганую башку... Ну, пошли!—обратился он к товарищу, и они вышли.

Вскоре в землянку внесли ещё двух раненых. Один

из них был пожилой, уже седеющий мужчина, другая — полнощёкая девушка лет двадцати.

— Ай-ай-ай! Как же это так получилось?—в недоумении воскликнул Фёдор Иванович, узнав раненых,— Сразу и отца, и дочку!

— Так вот нескладно получилось...—морщась от боли, проговорил мужчина.

— Ну, а как там наши дела?

— Стоим!—уверенно ответил мужчина, как будто бы он и сейчас лежал в окопе и отражал атаки врага.— И стоять будем.

И как будто ослабев от этих нескольких сильно сказанных слов, раненый совсем тихо попросил:

— Водички бы...

Чуть приоткрыв глаза, Ванюшка внимательно наблюдал за тем, как работал Фёдор Иванович. И чем больше Ванюшка на него смотрел, тем больше он ему нравился. Скромный, незаметный, большой души человек на склоне лет добровольно остался в тылу, чтобы помочь партизанам в их борьбе с поработителями родины. Он уже не мог носить оружие и воевал теми средствами, которые были ему под силу. Партизаны всей душой любили своего старенького лекаря. Да и нельзя было его не любить. Был Фёдор Иванович из тех людей, у которых для каждого найдётся и мудрый житейский совет, и слово утешения, и отцовская, утоляющая боль, ласка.

И вообще, как много хороших людей вокруг! Вот этот раненый, Ефим Павлович... До войны он работал на колхозной пасеке, сльвя на всю округу человеком тихим, безобидным. А началась война—на смертельное дело пошёл, да не один, а с дочерью...

Ванюшка лежал и думал о том, как война беспощадно изломала жизнь людей... Вот эта дочка пасечника, Антонина Ефимовна... Только за год до войны она окончила педагогическое училище, год работала в шко-

ле и заочно училась в институте. Думала ли она, что ей когда-нибудь придётся раненой в ногу лежать в сырой лесной землянке?

Время шло. Луч солнца уже покинул землянку. Было за полночь, а бой не утихал. Время от времени снаряды падали совсем близко, и после каждого взрыва с потолка сыпалась земля.

Кудрявый парень лежал попрежнему без сознания и тихонько бредил. Пасечника Ефима Павловича мучила жажда, и он беспрестанно просил воды. Бодрее всех была девушка.

— А ты не ворочайся, папа, и не думай о ране. Так легче,—старалась внушить она отцу.

Но Ефим Павлович, видимо, терял сознание и ничего на это не отвечал.

— Должно быть, не выдержит он, Фёдор Иванович,—упавшим голосом проговорила девушка.

— Выдержит... Поправится...—неожиданно даже для самого себя сказал Ванюшка. Он давно порывался сказать девушке что-нибудь утешительное, но сдерживался. А теперь вот, почувствовав, как задрожал её голос, не стерпел.

— Поправится,—ещё раз повторил он.—Я тоже без сознания был, да вот поправляюсь...

— Это кто тут?—удивлённо спросила девушка.

— Паренёк один из нашей деревни, раненый,—ответил Фёдор Иванович.

— Чей это?

— Ванюшка...

— Это—тот самый, который...

— Да, да, да!—перебил её скороговоркой Фёдор Иванович. Ему не хотелось, чтобы Ванюшке напоминали о пережитых им ужасах.—Тот самый, начальника нашего штаба Семёна Петровича племянник.

— А, знаю,—поняв маневр Фёдора Ивановича, сме-

вила тон девушка.—Ванюшка Долбин... Ну как, лучше ему?

— Слыхали, сам говорит: поправляюсь... Этот скоро встанет.

Немного помолчав, девушка спросила:

— Тебе сколько лет, Ванюшка?

— Пятнадцать.

— В каком классе учился до войны?

— Шесть кончил.

— Шесть кончил...—девушка снова помолчала.— Вот война кончится—в седьмой пойдёшь.

— Там видно будет...

— Нет, Ванюшка,—глубоко вздохнув, сказала девушка.—Это видно и сейчас. Фрицы не вечно будут на нашей земле, и мы не вечно будем носить винтовки и автоматы... Я уже сейчас вот вижу то время, когда мы заживём так же, как жили... Нет, даже не так, а лучше... Ведь если бы не так, то зачем бы нам было воевать? Зачем бы мы тогда переносили такие невзгоды, страдания, умирали?.. Именно вера в лучшее будущее и помогает нам переносить всё это, она же ведёт нас на смертельный бой с врагом...

Девушка продолжала говорить, а Ванюшка слушал её и думал: «Как правильно она говорит!» Вот о том же самом, только, может быть, не такими словами говорил, приходя в Дубовку, дядя Семён; эти же слова он слышал от хмурого кузнеца Ивана Чернова, да и сам он думает только об этом...

— Да ты осторожнее!—послышалось вдруг у входа в землянку.

— Я и так осторожно...

— Спускайся...

Фёдор Иванович по обыкновению хотел выбежать из землянки, но выход загородили два рослых партизана, несшие на носилках раненого.

— Вот сюда, сюда!—указал Фёдор Иванович на широкую скамейку.

Партизаны бережно положили свою ношу. На раненом была немецкая форма. Голова и лицо его, кроме рта и носа, были забинтованы. Раненый не стонал и не подавал никаких признаков жизни.

— Свой?—спросил Фёдор Иванович,—разглядывая немецкую форму раненого.

— Свой...—ответил один из партизан.

— Наш, дубовский?

— Наш...

— Чей?

— Наш...—повторил партизан.—Дубовский...

— Ну слышал, что дубовский, а чей, спрашиваю?

Партизан молчал.

— Что у тебя язык отвалится что ли сказать-то,—с обидой произнёс фельдшер.

— Отвалится, Фёдор Иванович...—голос партизана дрожал.

Ловкими движениями рук Фёдор Иванович начал разматывать ещё не успевшие сохнуть окровавленные бинты. Партизаны, Ванюшка и девушка смотрели, как он ловко работает. Вот Фёдор Иванович снял последний слой марли, и все увидели безжизненное, до мелочей знакомое лицо начальника штаба отряда Семёна Петровича Коробова.

VIII

Весть о ранении начальника штаба мгновенно облетела весь лагерь. Жалко было каждого человека, которого убивали или ранили. Но Семёна Коробова жалели особенно.

Да и было о чём пожалеть. Был Семён Петрович не только начальником штаба отряда, но и его душой.

Беспощадно требовательный в строю, решительный и смелый в сражении и по-отечески ласковый у костра — он крепко полюбился суровым партизанским сердцам. Сколько было с ним исхожено дорог, сколько сделано смелых налётов на врагов, сколько взорвано мостов и пущено под откос вагонов!.. И почти всегда, идя на эти рискованные дела, партизаны привыкли видеть впереди себя уже не молодого, но всегда бодрого и неутомимого Семёна Коробова.

Но больше всех жалел своего дядю Ванюшка. Увидев его мертвенно-бледное лицо, он приподнялся, но почувствовал такую нестерпимую боль в боку, что тут же снова лёг на спину и тихонько, без слёз, заплакал.

«Теперь я совсем один, — с болью в сердце размышлял он после того, как прошёл первый, всегда самый тяжёлый, приступ душевной тревоги. — Нет ни отца, ни мамки, ни дяди Семёна...»

А сколько самых радужных надежд зародилось у Ванюшки, когда он узнал, что дядя Семён чуть ли не самый старший начальник в отряде «Смерть фашистам». Он уже видел себя с красной ленточкой на фуражке, с автоматом в руках и — чего не может случиться! — он идёт на самое опасное боевое задание и мстит, мстит без конца проклятым гитлеровцам за смерть односельчан, матери и братишки с сестрёнками...

И вот лежит теперь дядя Семён, как мёртвый. На лице у него ни кровинки, оно очень похудело и стало каким-то прозрачным, будто вылепленным из воска. Фёдор Иванович уже смыл с него кровь и теперь в задумчивости держал в руках большой бинт, видимо соображая, как искуснее его наложить на изуродованную голову раненого. Неожиданно он заметил на себе пристальный взгляд Ванюшки и, точно продолжая давно начатый разговор, сказал:

— Так-то вот... Осколками голову в трех местах поцарапало, а череп ни-ни... А при ранении в голову,

даже при самом пустяковом, человек всегда сознания лишается...

Ванюшка понял, что Фёдор Иванович сказал эти слова специально для того, чтобы успокоить всех находящихся в землянке и особенно его, Ванюшку. Но ему хотелось знать правду, и он спросил:

— А почему он не шевелится, Фёдор Иванович?

— Так и ты, милоч, не шевелился,—стараясь изобразить на своём лице улыбку, ответил фельдшер.— Больше суток, как плаха, валялся. Приходят, бывало, партизаны, качают головой: «не вытерпит»,—говорят. А я говорю: вытерпит, крепкий он, коробовский родни... Вытерпел ведь?.. А дядя-то твой, Семён Петрович, покрепче тебя будет.

В это время раненый чуть-чуть пошевелился и слабо простонал.

— Дядя! Дядя Семён!—собрав все силы, крикнул Ванюшка.—Дядя Семён!..

— Лежи, лежи!—подбежал к нарам Фёдор Иванович, укладывая приподнявшегося Ванюшку.—Говорю, что всё в порядке... Лежи!

Собирая с пола окровавленные бинты, Фёдор Иванович, ни к кому не обращаясь, как бы сам себе сказал:

— Много, ох, много крови проливаем... И когда только это кончится?

— Кончится, Фёдор Иванович,—отозвалась девушка,—скоро кончится. Помнишь, как товарищ Сталин сказал: «И на нашей улице будет праздник!»

— Верю, дочка, верю... Если бы не верил, так не ходил бы под старость лет в партизанах. Вам, молодым, это ещё ничего, а мне, при таких годах, трудновато... А вот хожу, потому что верю...

Тяжело дыша, в землянку вошёл Иван Чернов. Поздоровавшись и вытерев широкой ладонью потный лоб, он сел на обрубок дерева.

— Уж и тебя не стукнули ли, Иван Васильевич?—
глядя поверх очков на вошедшего, спросил Фёдор Ива-
нович.

— Нет, Фёдор Иванович, не стукнули,—мрачно
ответил кузнец.—Меня командир прислал до тебя...

— Насчёт Семёна Петровича справиться?

— И это и другое...

Кузнец внимательно осмотрел всех находившихся
в землянке и только после этого сказал:

— Приказ есть.

— Какой?—спокойно спросил фельдшер.

— Надо немедленно убирать отсюда раненых.

— А что? Разве...

— Да нет,—понял его кузнец,—не то... А впрочем,
я не знаю. Есть приказ уйти в район Замошкина. Пом-
нишь, весной были? Ефим Павлович тогда ещё говорил,
что там для пчельников места хорошие.

— Помню, помню... К нам ещё туда самолёт с
Большой Земли прилетал.

— Вот, вот,—подтвердил кузнец,—в то самое место.
Но двигаться придётся не той дорогой, которой мы шли,
а напрямик, через болота... Лишнего брать не велено.

Как ни старались разговаривавшие скрыть истинные
причины ухода из дубовского леса, все поняли, что дела
у партизан плохи. Бросив против них большие силы,
немцы угрожали окружением. Но большой тревоги
никто не испытывал: это бывало уже не раз.

— Ну как?—кивнул головой Чернов в сторону Ко-
рובה.

— Тяжело, но не безнадежно,—ответил Фёдор
Иванович.

— Хорошо, коли так,—удовлетворённо произнёс
Чернов.—Командир сказал, что Семёна Петровича
быстро отправят на Большую Землю.

Эти слова обрадовали Ванюшку. «А может быть, и правда он выздоровеет,—подумал он,—тогда не один останусь на свете».

Согретый этой мыслью, Ванюшка закрыл глаза и вскоре заснул крепким, спокойным сном.

* * *

Перед вечером санчасть отряда вместе с обозом двинулась в направлении Замошкина. Колонну, растянувшуюся на целый километр, вёл Иван Чернов. До войны он часто охотился в этих лесах, и они ему были хорошо знакомы.

По узким просекам, по давно заброшенным дорогам, сквозь чащи, по возможности обходя болотистые места, Чернов увёл обоз до рассвета более чем за двадцать километров. К восходу солнца подошли к глубокому оврагу, густо заросшему кустарником.

Хотя Иван Чернов и не умел читать карту, он сказал твёрдо, ничуть не сомневаясь в себе:

— Здесь!

Партизаны быстро распрягли лошадей и начали строить шалаши, рыть на склонах оврага землянки.

Ночью, лёжа в землянке Фёдора Ивановича, которую партизаны вырыли и оборудовали в первую очередь, Ванюшка услышал гул самолёта. Нетрудно было определить, что самолёт пролетел низко, над самой вершиной леса.

Когда гудение мотора затихло, Ванюшка подумал, что самолёт улетел. Но меньше чем через минуту гул послышался уже с противоположной стороны. Самолёт кружил над лесом.

— Выскивает, чортов фриц... Ещё бомбить, пожалуй, будет...

Фёдора Ивановича в землянке не было. Он куда-то уходил. Спустя полчаса он вернулся, весь обвешанный

какими-то пакетами, ящиками и небольшими мешочками.

— Куда это вы ходили, Фёдор Иванович?—спросил Ванюшка.

— Дело было, милоч,—ответил фельдшер.

— А тут самолёт пролетал. Видно, немцы нас обнаружили...

— Нет,—широко улыбнулся Фёдор Иванович,—не обнаружили...

— А как вы знаете?

— Так уж и знаю... Видишь вот эти штучки?—указал он на принесённые им вещи.

— Вижу.

— А откуда я их взял?

— Может, из обоза...

— Нет, не оттуда, милоч.

— А откуда же?

— Из Москвы!—почти выкрикнул Фёдор Иванович.—Тут такое богатство, что и не перечислишь. И бинты, и медикаменты, и инструмент хирургический...

От возбуждённого и радостного Фёдора Ивановича Ванюшка узнал, что пролетающий над лесом самолёт был не вражеский, а советский, присланный в лагерь с Большой Земли. Партизаны уже заранее знали, в какое время он должен прилететь. Услышав гул мотора и убедившись, что это именно советский самолёт, они разложили на большой поляне костры, и самолёт приземлился. Из него выгрузили оружие, боеприпасы, медикаменты и погрузили раненных во вчерашнем бою. Среди отправленных на этом самолёте был Ванюшкин дядя Семён Коробов и пасечник Ефим Павлович.

— В полном сознании был Семён Петрович, дядя-то твой,—рассказывал Фёдор Иванович, бережно укладывая принесённые вещи в угол.—Подозвал меня да и наказывает: «у тебя, говорит, Фёдор Иванович, Ванюшка остался, племянник мой... Так ты присмотри за ним,

будь ему заместо отца...» А я отвечаю: не беспокойся, Семён Петрович. Не пропадёт Ванюшка, догляжу... Так что должен я теперь наказ Семёна Петровича выполнить, а когда он вернётся—доложить по всей партизанской форме.

— А разве он вернётся?—спросил Ванюшка.

— А как же?—удивился такому вопросу фельдшер.—Ещё как вернётся... Коробовской ведь он роднито... Кремень!

— А как же он найдёт нас, если мы к тому времени на новом месте будем?

— Э, милок! Об этом не беспокойся,—вынимая из одного ящика фонарь «летучая мышь» и ставя его на стол, рассказывал Фёдор Иванович.—Ты думаешь, если мы в леса забились, так о нас никто и не знает? Это ты неправильно думаешь. О нас и Москва знает...

Понизив голос почти до шопота, будто сообщая самое дорогое и самое заветное, Фёдор Иванович добавил:

— О нас, Ваня, и сам товарищ Сталин знает...

— Неужто знает, Фёдор Иванович?—не поверил Ванюшка.

— Знает!—голосом, полным веры, подтвердил Фёдор Иванович.

— А как он знает?

— А так... И даже очень просто,—вполголоса стал разъяснять фельдшер.—О всех наших делах, о том, как мы здесь колотим фашистскую нечисть, по радио в Москву передают... А там докладывают вождю нашему, товарищу Сталину... Это ведь по его приказу нам прислали, Ванюша...—показал Фёдор Иванович на лежавшие в углу медикаменты.

Ванюшка слушал и радостно улыбался...

Утомившийся за день Фёдор Иванович прилёг на нары и вскоре уснул. А Ванюшка ещё долго лежал с открытыми глазами. Ему не совсем было понятно, как

это могут знать в Москве о партизанах, забившихся вглубь непроходимых дубовских лесов?.. Потом припомнился Ильяка... Вот, как живой, он сидит перед ним на колокольне и рассказывает про то, как видел во сне Сталина. Обычно желтоватое и печальное лицо его при этом становится радостным и светлым. Ванюшка даже слышит его голос:

— Сталин! Он освободит нас... Может быть, доживу и я до этого радостного дня?

Нет, не дожил Ильяка.

— А я всё равно доживу!—уверенно подумал Ванюшка.—Доживу! Мне нельзя умирать... Мне надо мстить! Мстить за мамку, за сестрёнок, за Ильюку...

И уже охваченный дремотой, Ванюшка снова увидел его. На весь размах раскинув руки, Ильяка лежит на колючем жнивье, и в его широко раскрытых глазах отражается бездонное голубое небо.

IX

Пока шли бои на опушках, в глубине лесного массива кипела напряжённая работа. Партизаны резали столетние дубы и валили их на дороги, просеки и тропы. Там, где могли пройти вглубь леса каратели, делались завалы и минные поля.

Отбивая атаки противника, партизаны со своей стороны готовили удар по нему. Для этого штаб соединения связался с подпольным областным центром, и тот подтянул к дубовским лесам другие соединения.

Три дня на окраинах дубовских лесов и частично в глубине их шли ожесточённые бои. Партизаны нанесли карательной экспедиции такой удар, что от лесов отскочили не только потрёпанные подразделения автоматчиков, но и танки, и броневики. Оставив на опушках посты наблюдения, партизаны ушли вглубь лесов. Не прошло и недели, как в новых местах выросли лагеря, ничуть не хуже тех, которые пришлось оставить.

На склонах глубокого оврага, по дну которого протекал ручей, дубовские партизаны вырыли землянки. Стены в них оплели тальником, а в некоторые врубили срубы. Партизаны привыкли устраиваться на своей земле обстоятельно. В чаще задымили костры, на которых готовилась пища; лошади и коровы стояли в больших шалашах-сараях.

Однажды над лесом появился вражеский самолёт-разведчик. Он долго кружился над самым лагерем, исчезал и появлялся вновь. Зорко, должно быть, всматривались гитлеровские пираты. Но под крыльями самолёта был только безграничный лес, ревниво охранявший от вражеских глаз своих настоящих хозяев.

За пределами лесов немцы перегруппировывали свои силы, готовясь к новым карательным походам против партизан. Борьба не прекращалась ни на минуту. Ночами из партизанских лагерей по разным маршрутам уходили разведчики и группы минёров. Одни следили за передвижением немцев, собирали сведения об их намерениях, другие минировали дороги и мосты. На обочинах дорог терпеливо ждали появления вражеских обозов или колонн автомашин автоматчики и бронбойщики. И стоило только появиться немцам на дороге, как завязывался бой. Внезапность нападения помогала партизанам неизменно одерживать победу. Они каждый раз приносили в расположение лагерей богатые трофеи: оружие, боеприпасы, обмундирование, продукты питания и часто приводили «языков».

По возвращении из засад старшие групп докладывали командирам отрядов о проведённых операциях. В этих случаях около штабных землянок собиралось много любопытных, не занятых делом партизан. Они с отращением смотрели на пленных, которые так недавно были храбрыми в беззащитных деревнях и теперь рабски присмирели. Чувствуя приближение расплаты, пленные боязливо озирались по сторонам и угодливо отве-

чали на все вопросы. Таким образом, сведения, собранные партизанскими разведчиками, командование уточняло через этих «языков» и имело полную картину того, что замышляют и делают немцы.

Ванюшка любил ходить к штабной землянке своего отряда, когда к ней приводили «языков». Он всматривался в лица пленных, стараясь отыскать среди них виновников кровавой трагедии у дубовской околицы.

Здоровье его восстанавливалось быстро. Через две недели он уже встал на ноги, начал выходить из землянки, а потом самостоятельно приносил с кухни обед. Обед он носил для троих. Кроме его и Фёдора Ивановича, в землянке санчасти жила раненая учительница Антонина Ефимовна. Между Ванюшкой и Антониной Ефимовной установилась прочная дружба. Их объединяло то, что её отец был отправлен на Большую Землю вместе с дядей Ванюшки. Антонина Ефимовна—девушка небольшого роста, была хотя и постарше Ванюшки, но разрешила ему, по просьбе Фёдора Ивановича, называть её Тоней.

Сидя у землянки, они часто вспоминали про Ефима Павловича и Семёна Петровича:

— Как-то они долетели?—каждый раз сокрушалась Тоня.

— Долететь-то, наверное, долетели,—успокаивал её Ванюшка,—а вот как поправляются?

— Если долетели благополучно, то их вылечат... Там, на Большой Земле, хороших докторов много.

Случалось, что Ванюшка замолкал. Тогда Тоня спрашивала:

— Ты о чём?

— А вот думаю,—мечтательно отвечал Ванюшка,—хорошо бы было, если бы им туда письма посылать можно было.

— Да, хорошо было бы!—соглашалась Тоня.

Появление в землянке Ванюшки и Тони коренным

образом изменило жизнь Фёдора Ивановича. Он как будто помолодел, выглядел всегда весёлым и жизнерадостным. Семья его—жена и двое детей—в самом начале войны эвакуировалась на Восток, и Фёдор Иванович, любивший своих ребят, часто тосковал. Неудивительно, что теперь всю свою отцовскую нежность он перенёс на случайно попавших к нему в землянку вихрастого подростка и миловидную девушку. Если Ванюшку он усыновил по просьбе Семёна Петровича Коробова, то Тоню удочерил без всяких просьб с чьей-либо стороны. Он оставил за собой право называть Ванюшку и Тоню не иначе как «детки».

Случалось и так, что останется Фёдор Иванович без дела. Тогда он надевает очки в черепаховой оправе и долго-долго читает. А потом закроет книгу и спросит:

— А не пора ли нам, детки, пообедать?

Или принесёт сводку Совинформбюро и опять скажет:

— Почитаем, детки, сводку...

Для чтения сводки из землянки выходили. Около неё в это время всегда сидело десятка два партизан, пришедших узнать новости с Большой Земли.

— Вчера Красная Армия,—читал Ванюшка,—освободила ещё четыре города и четыреста других населённых пунктов. Сбито сорок восемь фашистских самолётов.

— Если дела будут идти так хорошо, то скоро войска придут и в наши края,—заметил Иван Чернов.—Сделаемся тогда мы, партизаны, безработными.

— Дай-то бог!—отвечал ему Фёдор Иванович.—Без этого ремесла как-нибудь проживём.

С некоторых пор в дубовском отряде никто, пожалуй, лучше Ванюшки не знал о событиях на фронтах. Сводки Совинформбюро принимал радист отряда, и Ванюшка познакомился с ним. Он каждое утро ходил к радисту с тетрадкой, в которой аккуратно записывал: на сколько

километров и на каком фронте продвинулась Красная Армия на Запад, сколько освободила городов, сёл и деревень, какие взяла трофеи, сколько уничтожила вражеской техники. В землянке часто можно было слышать его голос:

— Фёдор Иванович! Тоня! Слушайте!—Ванюшка раскрывал свою тетрадь.—За последние пять дней наша Красная Армия прошла с боями девяносто километров, сбита в воздушных боях 118 самолётов противника, уничтожила 242 танка.

— А сколько взято трофеев?—спрашивал Фёдор Иванович.

— 1246 автомашин, 59 самолётов, 450 орудий, 300 тысяч снарядов.

— Вот, если бы каждый день столько трофеев брать,—с восхищением говорила Тоня.

— Подожди, и больше будут брать,—отвечал ей Фёдор Иванович таким тоном, как будто он знал какую-то тайну.

Однажды Ванюшка списывал у радиста очередную сводку. В это время дверь в землянку отворилась, и на пороге показалась девушка в гимнастёрке, с немецким пистолетом на левом боку.

— Здравствуйте!—сказала она.—Как дела?

— Здравствуйте, товарищ комиссар!—ответил радист.

— Сводка принята?

— Так точно, товарищ комиссар,—по-военному отчеканил радист, подавая девушке сводку.

— Я не дописал ещё...—Ванюшка просительно поглядел на радиста.

— А для чего тебе это нужно?—заглядывая в Ванюшкину тетрадь, спросила девушка.

— Знать хочется, интересно...—смутившись под её внимательным взглядом, пробормотал Ванюшка.—Я

вот списываю, а потом про всё читаю Фёдору Ивановичу, Тоне и другим партизанам...

Девушка взяла тетрадку, перелистала несколько страниц.

— Оказывается, ты давно ведёшь свою бухгалтерию. Хорошее дело делаешь. Это у тебя настоящая «арифметика победы». Молодец!

Она внимательно посмотрела на Ванюшкину левую руку, державшуюся на перевязи. Спросила:

— А как у тебя со здоровьем?

— Почти уже поправился... Фёдор Иванович ходить не запрещает.

— Если так,—сказала девушка-комиссар,—то можно поручить тебе одно дело?

— Пожалуйста, если смогу...

— Ещё как сможешь,—подбодрила она Ванюшку.— Я дам тебе бумаги и разноцветных карандашей. Ты будешь каждый день крупными буквами писать сводки Совинформбюро по несколько штук и в разных местах лагеря развешивать их, чтобы партизаны читали... Хорошо?

— Ладно...

— А потом ещё одна работа есть.

— Какая?

— Будешь ходить по лагерю и читать партизанам газеты.

— И это ладно...

С тех пор Ванюшка стал в отряде настоящим агитатором. Он очень подружился с девушкой-комиссаром, которую тоже звали Тоней, Антониной Васильевной. До войны она была секретарём райкома комсомола, а с приходом немцев ушла с партизанами и работала комиссаром отряда «Смерть фашистам».

Новые обязанности нравились Ванюшке. Они занимали у него много времени, отвлекая от дум, которые

тяжёлым грузом лежали на сердце в часы вынужденного безделья.

Задания Антонины Васильевны он старался выполнять как можно аккуратнее. По утрам ходил к радисту, готовил несколько экземпляров сводки и вывешивал их на деревьях, на которых для этого топором были сделаны затёсы. Потом он уходил в подразделения и читал газеты, привезённые самолётом. Вскоре в отряде Ванюшку знал каждый партизан, и везде он был желанным гостем.

— Эй, Информбюро! Иди-ка, расскажи новости.

— А чем интересуется?

— Известно—чем... Скоро ли дойдём до Берлина, да Гитлер не повесился ли?..

— Время придёт—дойдём и до Берлина, а Гитлер ещё не повесился: ждёт, когда мы его повесим,—под дружный хохот отвечал Ванюшка.

Антонина Васильевна не раз хвалила его за отличное выполнение своих обязанностей. Ванюшке было приятно сознавать, что теперь в отряде он—не лишний рот, не обуза, а равный со всеми боец, вкладывающий посильную долю своего труда в дело великой борьбы за освобождение родины от иноземных захватчиков.

Х

В тихую ночь на большой поляне, находившейся неподалеку от лагеря партизанского отряда «Смерть фашистам», образовывая квадрат, горели четыре костра. Постепенно нарастая, в воздухе послышался гул авиационных моторов. Вскоре самолёт закружился над лесом. Внезапно вспыхнувшие в чернильной темноте ночи два ярких прожектора быстро приближались к кострам,—и через несколько мгновений по траве катился двухмоторный самолёт.

Партизаны его очень ждали. Специальная команда по приёмке грузов сразу же приступила к разгрузке

самолёта. Одна за другой подъезжали телеги, на них укладывались ящики со взрывчатыми веществами, патронами, минами, автоматами и медикаментами. Были тут также тюки с махоркой, мылом, бельём и ещё одна, пожалуй, самая ценная посылка из советского тыла — сумка с письмами. В прошлый раз, когда в соединение прилетал первый самолёт, на Большую Землю было отправлено много партизанских писем. И вот теперь на эти письма пришли ответы.

С окончанием выгрузки, началась погрузка раненых на самолёт. Постелив на пол сенные матрацы, партизаны укладывали на них выбывших из строя товарищей. Всё это делалось быстро, слаженно, без лишнего шума.

Но вот на самолёт погружен последний раненый. Дверь кабины захлопнулась, взревели моторы. В крыльях вспыхнули ослепительные фары, и машина, сделав разбег, исчезла в темноте.

Прилёт второго самолёта внёс в жизнь партизан много радостного волнения: повсюду слышались слова благодарности за присылку боеприпасов, за трогательное внимание к нуждам партизан в махорке, белье, мыле. Но особенную, ни с чем не сравнимую, радость принесли партизанам прибывшие с Большой Земли письма.

Да и как было не радоваться? Многие партизаны с самого начала войны ничего не знали о своих родных, как и живущие на Большой Земле ничего не знали о своих отцах, братьях и сыновьях. Не одно материнское сердце надрывалось в безутешном горе, не одна мать считала погибшим отца своих детей, и не одно девичье сердце сжималось от боли при мысли о своём пропавшем друге. А теперь письма рассказали обо всём.

Партизаны по несколько раз перечитывали дорогие для них строчки, читали не только сами, но передавали письма другим, делясь своими радостями.

Ванюшка обходил группки партизан и вслушивался в слова, прилетевшие с Большой Земли. Вместе со всеми он радовался хорошим вестям и втайне завидовал счастливым, получившим письма. Он ждал новостей от дяди, но его письма не было.

— Ты пойми-ка друг,— говорил молодой боец пожилому партизану.— За два дня до войны у меня родился сын. До ухода на фронт я едва успел дать ему имя. Назвали мы его Виктором... А ты знаешь, что означает Виктор?

Собеседник покачал головой.

— Виктор означает — победа... Так вот, этот самый шпингалет теперь уже ходит, показывает на мою фотографию и говорит: папа... Вот, хоть сам читай, если не веришь...

— А мой сын,— дождавшись своей очереди, рассказывал пожилой,— под Сталинградом воевал, два ордена получил. Ранили его, но выздоровел... Из госпиталя на побывку к матери заезжал и опять теперь на фронте... Старуха моя всё, как есть, прописала...

— А у меня,— вступил в разговор третий,— до войны отец года три с печки редко слезал. Вырастил, говорит, шестерых сыновей, довольно теперь, пусть кормят отца с матерью. А когда мы все шестеро ушли на войну—слез старик с печки. Почти самый молодой он в деревне из мужиков-то остался, шестьдесят пять лет ему, ну и выбрали председателем колхоза...

— Старики — не диво,— перебил рассказчика четвёртый, рябоватый, партизан, держа в руке помятый листочек бумаги, полученный с Большой Земли.— Две девчонки у меня растут. Одной—семнадцать, другой—пятнадцать,— и обе окончили ФЗО. Сейчас уже на заводе работают, с Украины откуда-то к нам привезли этот завод... Сложная, пишут, техника, а ничего — освоились...

И, как бы желая документально подтвердить успех

своих дочерей, партизан посмотрел в листок и зачитал: «А работаем мы, тятенька, во фронтовой молодёжной бригаде и норму выполняем почти вдвое». — Даже не верится, что у меня такие девчонки стали.

Ванюшка возвращался от радиста с очередной сводкой Совинформбюро. Заметив группу партизан с письмами в руках, он подошёл к ним, чтобы прочитать им новости, но услышав разговоры о доме, о родных, решил не мешать. Вести с Большой Земли волновали и его. Присев на траву, он слушал разговоры партизан до тех пор, пока их не позвали к командиру отряда.

У санитарной землянки его встретил сияющий Фёдор Иванович.

— Ты не видел Тоню? — спросил он.

— Нет, а что? Нужна она? Могу поискать.

— Очень нужна. До зарезу, как говорят... Письмо для неё передали.

— Какое письмо? От кого?

— С Большой Земли. Отец, Ефим Павлович, пишет.

— Отец?! — Ванюшка весь загорелся. — Где письмо? Покажите-ка.

— А на что оно тебе? Ведь не тебе же прислано, а Тоне...

— Мне про дядю хочется узнать, Фёдор Иванович... Они же вместе улетели.

— Это я знаю... Но до прихода Тони придётся подождать, милоч. Нельзя чужие письма читать, это нехорошо. Тоня обидеться может.

— Не обидится... Я ей объясню, что не утерпел, прочитал, про дядю, мол, хотел узнать...

Фёдор Иванович заколебался.

— Ну, делай, как хочешь, — после некоторого колебания решил он, отдавая Ванюшке письмо. — Только перед Тоней сам будешь в ответе.

Ванюшка вскрыл письмо и начал читать вслух.

«Дорогая моя доченька Тоня! Во-первых строках сообщаю, что мы благополучно перелетели линию фронта. Правда, немцы обнаружили нас и стали бить по самолёту из зениток, но никаких повреждений сделать не могли...»

— Ну вот и хорошо!—облегчённо вздохнул Фёдор Иванович.—Читай дальше...

— «На рассвете мы приземлились на аэродроме под Москвой. К самолёту сразу подъехали санитарные машины с врачами. Нас вынесли из самолёта и положили в санитарки. Я лежал у окна, и мне всё было видно. Нас везли через Красную площадь, мимо мавзолея Ильича. Это было очень рано утром. Вот, думал я, товарищ Сталин, наверно, сейчас встал и приступил к работе. Обидно было мне и моим товарищам беспомощно лежать на носилках...»

Ванюшка на минуту остановился, чтобы скрыть охватившее его волнение.

— Читай, читай дальше,—подгонял Ванюшку Фёдор Иванович, вытирая ладонью влажные глаза,—читай, не останавливайся.

— «Через неделю к нам в госпиталь,—продолжал дрожащим от волнения голосом Ванюшка,—навестить нас приехал сам Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов. Он обошёл все палаты, поговорил почти с каждым. Меня расспросил, чем я занимался до войны, как попал в партизаны, расспрашивал о бое, в котором меня ранило. Он хорошо знает об этом бое и сказал, что партизаны здорово растрепали карательную экспедицию и готовятся к новым делам. Вот какая забота у нашей партии и правительства о партизанах... Я обещал Клименту Ефремовичу прислать после войны сотового липового меда. Он сказал, что запомнит это и будет ждать».

Но известия, которых ждал Ванюшка, не обрадовали его. Ефим Павлович писал, что Семёна Петровича

последний раз видел на аэродроме, что был он в тяжёлом состоянии. «После этого я его не видал и очень о нём беспокоюсь»—заканчивал Ефим Павлович свои сообщения о Ванюшкином дяде.

Голос Ванюшки дрогнул. Он протянул письмо фельдшеру.

— Дочитывайте сами...

Фёдор Иванович молча дочитал письмо.

— Плохо с дядей?.. Едва ли он жив...

— Ты не горюй, милоч, не горюй,—успокаивал Фёдор Иванович,—ничего с ним плохого не случится. Видишь, как товарищ Ворошилов заботится.

— А всё-таки мне кажется, что дядя помер,—настаивал Ванюшка.

— Это у тебя, милоч, от нервов.—Фёдор Иванович сел рядом с Ванюшкой.—В прошлый раз, когда принесли его раненого, ты тоже говорил: умер, умер! А он и не думал умирать. Когда я его провожал на самолёт, он же заговорил... Ефим-то Павлович не знает, а я знаю, что Семёна Петровича-то повезли в другую больницу, чтобы скорее помощь оказать. Я, Ванюша, человек старый, к тому же двадцать лет фельдшером работаю и понимаю, что к чему делается.

Ванюшка хотя и молчал, но чувствовалось, что слова Фёдора Ивановича подействовали на его успокаивающе, и он заметно повеселел.

Из-за деревьев на самодельных костылях вышла Тоня. Рядом с ней шла девушка-комиссар.

— Ну, что у вас нового?—спросила она, обращаясь одновременно и к Фёдору Ивановичу, и к Ванюшке.

— Нового много, Антонина Васильевна,—ответил фельдшер.—По всему лагерю новости... А тебя, Тонечка Ефимовна, поздравлять следует...

Он вынул из кармана письмо.

— Мне? Мне? Фёдор Иванович! Мне? —запрыгала от радости Тоня.

Она даже не обратила внимания на то, что письмо было распечатано, и глаза её быстро забегали по дорогим сердцу строчкам.

— А ты что, герой, хмурый?—спросила Антонина Васильевна Ванюшка.

— Да беспокоится насчёт дяди своего, Семёна Петровича,—ответил за него Фёдор Иванович.

Он вкратце рассказал о том, что написал про Ванюшкиного дядю Ефим Павлович.

— А чего же тут беспокоиться? На Большой Земле умереть не дадут... А ты подарки дяде готовь — всё равно он приедет... А лучшим подарком ему будет, знаешь что?—спросила Антонина Васильевна.

— А что?

— А то, чтобы ты к его приезду совсем оправился от ранения, чтобы был бодрый, весёлый, а не такой бука...

— Ладно...—недовольно ответил Ванюшка.

— Значит, договорились?

— Договорились... Разве вы не уговорите...—всё ещё хмуро, но с явным лукавством, под общий весёлый смех, ответил Ванюшка.

XI

В отряде шли крупные приготовления. Шорники шили сбрую, сапёры отбивали на стальных бабках лопатки, минёры проверяли мины и медные трубочки детонаторов.

Отдельными группами под деревьями сидели автоматчики. Они неторопливо чистили своё оружие, перетирали тряпками патроны, набивали ими спирали круглых дисков и вешали их себе на пояса. Любая тяжесть для бойца, как и для всякого человека,—есть тяжесть. Но тяжесть автоматных дисков для партизана не обре-

менительна. Это—желанная тяжесть, придающая силу и уверенность.

Отряд «Смерть фашистам» готовился к большой операции. Через свою разведку и «языков», через местное население партизаны установили, что на станции, находящейся в сорока километрах от лагеря, немцы организовали большие склады и завезли на них много вооружения, боеприпасов и обмундирования. Партизаны увидели в этом заманчивую цель и начали готовиться к захвату и разгрому этих складов.

В землянке санитарной части жизнь шла своим чередом. Фёдор Иванович уже давно приготовил своё хозяйство. Он укомплектовал несколько сумок с перевязочным материалом и наиболее необходимыми медикаментами для санитаров подразделений и развесил их по стенкам землянки. Ванюшка иногда посматривал на них и думал, что вот в этих сумках, в их изготовлении заложена частичка и его труда.

Однажды среди ночи Фёдора Ивановича вызвали в штаб. Он оделся и ушёл. Ванюшка лежал на спине, прислушиваясь к ночным шорохам. Он думал о своём дяде, о матери, о погибшем Ильке и о многом другом, о чём думается в пятнадцать неполных лет.

Фёдор Иванович вернулся взволнованный. Он пересмотрел сумки и, присев на край нар, задумался.

— Вы почему не спите?—спросил Ванюшка, выглядывая из-под одеяла.

— Некогда, милоч, дело есть... Подготовиться велели.

И Ванюшке сразу стало понятным многое: и молчаливая возня Фёдора Ивановича со своими сумками, и придирчивый осмотр своего хозяйства минёрами, и несколько напряжённая жизнь всего лагеря за последние дни.

— Разве отряд пойдёт куда-нибудь?—без признака какой-либо заинтересованности, спросил Ванюшка.

— Пойдёт, милоч, пойдёт... Большое дело затеяли... В штаб меня позвали. Думали, что я не готов. Нет, брат, шалишь!..

— А когда пойдёт?

— Вот уж этого я не знаю. Разве командир об этом скажет... Да и на что нам знать? Мы же никуда не пойдём: я переспел, а ты ещё зелен. Спи давай...

И хотя Ванюшке очень хотелось поговорить, чтобы кое-что выпытать у старика, он больше не приставал с вопросами. Он старался заснуть, но в голову одна за другой лезли мысли, и сон не шёл.

«Сколько горя принесли нам эти фрицы,—думал Ванюшка.—Все им мстят, а я хожу по лагерю да газеты читаю... Разве это дело?.. Ведь поклялся же я мамке, братику и сестрёнкам своим отомстить за них... Ильке, другу, поклялся...»

Ванюшке хотелось хотя бы один раз пойти на операцию с какой-нибудь группой партизан, но едва он заикался об этом—ему отказывали. Было обидно выслушивать эти отказы, и Ванюшка утешал себя только тем, что в это время проводились такие операции, для выполнения которых отбирались самые опытные люди.

Утром стало известно: отряд готовится идти подрывать склады на станции. Ванюшка сильно обрадовался этому, втайне надеясь принять участие в этой операции. Он никому не высказывал своей заветной мысли, боясь, что если откроет её раньше времени, то командир рассердится и откажет. Поэтому он решил обратиться к командиру только тогда, когда сборы будут заканчиваться.

Первая и последняя, лёгкая, почти неощутимая обида на Фёдора Ивановича вошла в сердце Ванюшки. «Почему он не сказал мне о времени выхода отряда?.. Ведь знал... Хитрый старик... Нас, говорит, не возьмут... Тебя, может, не возьмут, а меня могут и взять»...—размышлял он, сидя в землянке.

Заслонив собою свет, на пороге появились два молодых партизана. Через плечи их были перекинуты крест-накрест пулемётные ленты с патронами, на спинах, стволами вниз, висели короткоствольные карабины, а на ремнях — гранаты-лимонки.

— У вас готово, Фёдор Иванович?—спросил один из них.

— У меня всё давно готово. И вообще запомните, что моё хозяйство всегда готово,—не без довольства ответил Фёдор Иванович, снимая со стены сумки и подавая их партизанам.

Ванюшка вышел из землянки вслед за партизанами.

Когда те несколько отошли, он спросил:

— Уходите?

— Уходим,—ответил тот, что разговаривал с Фёдором Ивановичем.—Пожелай нам, хлопец, счастья... Идём на большое дело.

— Счастливо воевать!—сказал Ванюшка уже не раз слышанную им в лагере фразу.

Убедившись, что времени терять не следует, он направился прямо к штабной землянке и, постучав в дверь, вошёл. За столом, над которым висела маленькая, но яркая электрическая лампочка, спиной к двери стояли три человека, склонившихся над картой. Ещё двое сидели на нарах и курили. Все пятеро, точно по команде, повернулись к двери, едва Ванюшка успел переступить порог.

— Товарищ командир!—вставая по команде «смирно», заговорил Ванюшка.—Разрешите обратиться.

— Ну,—ответил командир, перевернув карту и положив её на стол обратной стороной,—говори.

— Вы сейчас идёте на операцию?

— Допустим, что так. Что же дальше?

— И я хочу с вами...

Все улыбнулись. Улыбнулась и Антонина Васильевна, которая вошла вслед за Ванюшкой.

— А для чего?—спросил командир.

Ванюшка смутился. Он никак не ожидал этого вопроса и, лишь подумав, ответил:

— Как для чего? Для того же, для чего и все идут...

— Правильно отвечаешь, партизан Долбин! Очень правильно! Только на эту операцию я тебя не возьму.

— Почему, товарищ командир?

— А вот это неправильно,—тем же серьёзным тоном заметил командир.—Командир знает, что он делает и у него не спрашивают: зачем, почему и куда.

И, обращаясь к Антонине Васильевне, спросил:

— Ну, как?

— Всё готово, Николай Васильевич.

— Хорошо!

Командир посмотрел на часы, перевёл взгляд на понишкего Ванюшку и на этот раз тихо и мягко сказал:

— Так вот, дорогой, не могу сейчас я тебя взять...

Иди пока к своему Фёдору Ивановичу и помогай ему.

— А что случилось?—спросила Антонина Васильевна.

— Воевать захотел наш агитатор,—улыбнулся командир.—А по-моему ему немножко следует обождать... Но я обещаю тебе, партизан Долбин, что на следующую операцию обязательно возьму тебя. Непременно возьму. Интересная будет операция: Генриха Шварца хотим посмотреть... Уж очень нам хочется взглянуть на этого Генриха Шварца!..

XII

С тех пор Ванюшка жил одной мечтой — мечтой об операции, на которую обещал взять его командир. «Вот вернётся отряд, ушедший взрывать склады, и мы «посмотрим на Генриха Шварца»—вспомнились ему слова командира.—Эх, попался бы мне этот Генрих Шварц!

Но осуществление мечты откладывалось. Отряд не вернулся не только через два дня, но не вернулся и через неделю. Хуже всего то, что от ушедших на операцию не было никаких вестей, и оставшимися на базе овладевало с каждым днём возрастающее беспокойство.

На седьмой день после ухода отряда, вечером, к Фёдору Ивановичу зашли два пожилых партизана. Это было обычное явление. Вход к Фёдору Ивановичу не был никому запрещён, и партизаны, особенно пожилые, пользуясь этим, заходили к фельдшеру без всякого дела, просто поговорить.

Ванюшка уже «приземлился», как он теперь говорил, пытаясь заснуть. Но это ему не удавалось. Чтобы навлечь на себя сон, он старался ни о чём не думать, несколько раз пересчитал до ста, как учила его Тоня, но и это не помогало. Вообще за последнее время он спал очень плохо, всё время о чём-то думая.

Разговор между фельдшером и пришедшими партизанами зашёл на всех волновавшую в эти дни тему:

— Почему же они всё-таки задержались до сих пор?— начал Фёдор Иванович.— Уж не попались ли они в руки этого самого Шварца?

— Нет, не может этого быть. Не вслепую пошли, не без разведки же действовали... Николай Васильевич — человек опытный, в армии батальоном командовал...

Толковали и так и сяк, делали разные предположения, но загадка так и оставалась неразгаданной.

— Слух есть, что если завтра не возвратятся, то заместитель командира пошлёт разведку.

Молча свернув цыгарки, партизаны продолжали разговор.

— Говорят, что этот самый Шварц по всем деревням развесил объявления.

— Какие?— поинтересовался фельдшер.

— Зовёт нашу молодёжь к себе на службу, в поли-

цейские отряды. Сулит всякие блага: паёк, обмундирование, жалованье, каждому коня. Одним словом — полное райское житьё.

— Ну, житьё — житьём, а кто же к Шварцу на службу пойдёт? Не может того быть, чтобы кто-нибудь к нему пошёл!

— Шкуры не найдутся, по-твоему? — возразил партизан, сообщивший эту новость. — Найдутся! Мало из тюрем выпускали хулиганов, воров, головорезов разных?..

— А ведь пожалуй, — вздохнул Фёдор Иванович.

— Говорят, Шварц уже создал небольшой отряд полицейских. Пьют, говорят, подлецы, бесчинствуют, грабежом занимаются.

— А сказать правду — смешно всё это... Разве может армия держаться на ворах да пьяницах? Ведь это всего-навсего вонючий воздух. Дунет ветер посильнее — и нет вони...

— Это так! А всё же зло берёт. Вешать таких надо.

— Время придёт — повесят...

Поговорив ещё об отрядных делах, партизаны ушли.

— Чего только не услышишь, чего не увидишь в жизни, — чего не переживёшь, — вздохнул опять Фёдор Иванович... Он потушил коптилку, лёг на нары и, уставший за день, быстро уснул.

А Ванюшка всё ещё лежал с открытыми глазами. Точно в кино, которое он очень любил смотреть, перед ним воскресали картины недалёкого прошлого... Вот перед ним опять, как наяву, стоит долговязый Шварц. Ванюшка как будто даже слышит звон его медалей... Ослепительно блестит на груди золотая цепочка... Да, это Шварц!.. Вот он въезжает в Дубовку на автомобиле. Потом садится на коня и превращается в истукана... Задыхаясь от жары и обливаясь потом, идут в последний свой путь дубовцы... Опять Шварц... Он отдаёт страш-

ную команду... Падает мать, падает он сам... А это кто лежит с открытыми голубыми глазами?..

— Илька! Илька!—кричит Ванюшка уже во сне.

— Ты чего, сынок?—спросил проснувшийся от этого крика Фёдор Иванович, но убедившись, что Ванюшка кричал во сне, успокоился и снова впал в чуткое забытё.

Наутро старый и малый проснулись вместе. Ванюшка сходил с котелком к ручью, принёс холодной воды, умылся и, как всегда, не дожидаясь завтрака, ушёл к радисту.

Во время завтрака он, как бы ни с того ни с сего, спросил:

— А далеко отсюда до города, Фёдор Иванович?

— Точно не знаю, но километров тридцать-то будет.

— Как выйдешь на большак, надо повернуть налево?

— Как налево? Направо... А для чего это тебе?

— Да так. Вот я всё думаю, почему наши не возвращаются? Уж не заблудились ли они?

— А где им заблудиться-то, глупый ты человек,—рассмеялся Фёдор Иванович.

— А в лесу. Лес-то вон какой!

— Глупости ты говоришь, милоч. Заблудиться тут никак нельзя.

— Это вы, пожалуй, зря говорите, Фёдор Иванович,—настаивал Ванюшка.—Не ровен час...

— Ну где, спрашиваю я тебя, тут заблудиться?—доказывал Фёдор Иванович.—Иван Васильевич тут всё знает и рассказывал мне... Вот, говорит, по самому дну оврага надо пройти километров с пять. Потом будет трехугольная такая полянка, а на ней, в самой середине, растут две сосны. Вот от этих сосен сразу надо пойти вправо, через лес, километра два и выйдешь прямо к Замошкину. А там, пожалуйста — тракт, большак

прямо до города... Ну, где же тут заблудиться-то, чудак ты человек?

— А вот всё-таки не идут,—вздыхнул Ванюшка.

— Да, не идут, милёк...

После завтрака Фёдор Иванович пошёл в лес собирать лекарственные травы. Почти каждый раз он брал с собой и Ванюшку, объясняя ему, какая трава от какой болезни помогает. Ванюшка очень любил такие походы, но на этот раз сказал, что у него ещё не переписаны сводки — и не пошёл.

Вернулся Фёдор Иванович к обеду. Развесив на специально устроенных для этого местах пучочки травы для просушки, он зашёл в землянку, разделся, посидел на нарах и вдруг на стене увидел записку. Не торопясь, он снял её и, подойдя к открытой двери, начал читать:

«Дорогой Фёдор Иванович!—писал Ванюшка.— Спасибо Вам за всё хорошее, за Вашу заботу, за то, что вылечили меня. Мне очень хорошо было с Вами, но сейчас я не могу здесь оставаться. Сердце моё больше не терпит. У меня есть план, и я, передайте это товарищу командиру, этот план выполню, чего бы это мне ни стоило. Может быть, я ещё вернусь когда-нибудь, и мы увидимся. Ещё раз спасибо Вам, Фёдор Иванович, за всё, за всё хорошее. Не ругайте и не сердитесь на меня.

Любящий Вас Ваня Долбин».

Фёдор Иванович не верил себе. И только тогда, когда прочитал записку во второй раз, он понял, на что решился его воспитанник.

— Вот это штука! Удрал! Как же я теперь ответ перед командиром буду держать? Что скажу Семёну Петровичу, когда тот вернётся?

Фёдор Иванович присел на порог землянки и долго сидел в раздумье. Неожиданно он вспомнил разговор за завтраком и сердито хлопнул себя по лбу:

— Одурачил! Вокруг пальца обвёл! Ах я, старый дурень! Ведь дорогу-то я сам ему указал...

XIII

В день побега Ванюшка отошёл от лагеря не более, чем на пятнадцать километров. Чтобы не сбиться, он шёл не торопясь, всё время придерживаясь тех указаний, которые ему удалось выпытать у Фёдора Ивановича.

Ванюшке было неловко за свой поступок. Ему жалко было ласкового Фёдора Ивановича, Тоню и всех партизан. Он начал даже раскаиваться, несколько раз порывался обратно, но какое-то более сильное чувство, чем воля и разум, влекло и влекло его вперёд. Этим чувством была жажда мести.

Выбравшись на большак, он пересёк его и решил идти просёлками, чтобы не попадаться на глаза немцам. С этой же целью он обходил и деревни. Лишь одну, окружённую глубокими оврагами, он не мог миновать. Но всё обошлось хорошо: немцев в этой деревне не было. Свои же люди встретили сочувственно, накормили и немножко дали в дорогу.

По дороге Ванюшке изредка попадались встречные прохожие. И если они спрашивали его, куда он идёт, он всем отвечал заученной фразой:

— Деревня наша выгорела, а в городе у меня дядя живёт, сапожник. Вот он и наказывал придти мне... Сапожному делу обучить хочет...

Правды в этих словах было меньше, чем наполовину. В самом деле, в городе жил односельчанин Ванюшки Федул Колодкин, по профессии сапожник. Ванюшка задался целью отыскать его, но совсем не затем, чтобы обучаться сапожному ремеслу, а для того, чтобы на первое время устроиться к нему на ночлег.

К полудню следующего дня с горки открылся вид на город. Над неясными ещё очертаниями его поднималось много больших зданий.

Каждый новый шаг приближал Ванюшку к цели, и с каждым шагом всё яснее и яснее вырисовывался город. Вот стала видна речка и железнодорожный мост через неё. В центре города зеленеют огромные купы деревьев: должно быть, парки или сады.

Сердце беглеца сильно билось, когда он вошёл в город. «А вдруг схватят... Скажут, партизанский разведчик, и конец мне»...—думал он, боязливо озираясь вокруг.

Но немцев нигде не было видно. Казалось, что город пуст, и в нём никто не живёт. Но как только Ванюшка прошёл под железнодорожной насыпью и ступил на пешеходный мост через речку, как перед ним, точно из-под земли, выросли два солдата в сильно потрёпанных серо-зеленых френчах и с автоматами на груди.

У Ванюшки сразу пересохло в горле. Но немцы не остановили его и лишь внимательно посмотрели вслед, о чём-то разговаривая между собой. Он удивился тому, как свободно солдаты пропустили его. Ванюшка не знал, что комендант отдал сторожевым постам приказ— всех свободно впускать в город, но из города никого не выпускать.

Дорога от моста круто сворачивала влево и вела по выбитой мостовой на гору, к городскому саду. Ванюшка вспомнил, как за год до войны он приезжал с отцом на городской базар и долго любовался этим садом. До чего же он был красив! За голубой решёткой ограды ветви яблонь гнулись под тяжестью румяных плодов до самой земли. Никогда в жизни он не видел столько яблочек... А теперь решётка во многих местах проломлена, многие яблони посохли, ещё больше их вырублено.

Пройдя метров двести вдоль обезображенной решётки, Ванюшка увидел огромный чёрный крест.

— Постой,—начал припоминать он.—Ведь на этом месте стоял памятник Ленину.

Он постоял с минуту, посмотрел по сторонам и понял, что крест вделан в постамент бывшего памятника.

— Одно слово — фрицы! — вполголоса произнёс он.

Поймав себя на том, что, рассматривая сад и крест, он задержался, Ванюшка ускорил шаг, чтобы как можно быстрее разыскать квартиру односельчанина Колодкина. Но едва после этого он прошёл полсотни шагов, где-то справа один за другим прогремели три выстрела. В то же мгновение послышался пронзительный женский крик, и из сада выбежала девушка. Она бежала навстречу Ванюшке и в десяти шагах от него неожиданно упала навзничь.

Ничего не понявший Ванюшка бросился было к ней, но увидев, что к девушке бегут два фашистских солдата, кинулся в обратную сторону.

— Хальт! Хальт! Стой! Стреляйт! — закричали солдаты.

Раздался выстрел. Где-то совсем рядом взвизгнула пуля. Ванюшка остановился: от пули не убежишь. Он оглянулся назад в тот момент, когда к нему вплотную подскочил немец и сильным ударом по голове повалил его на мостовую.

— За что? Чего я вам сделал? — в отчаянии закричал Ванюшка.

— Вставай! — взмахнул рукою гитлеровец. Схватив подростка за руку, он поставил его на ноги и потащил к саду. Через минуту они подошли к лежавшей в крови девушке.

— Вас? — спросил солдат, конвоировавший Ванюшку, у другого.

— Капут!

И хотя девушка ещё вздрагивала и хрипела, он повторил:

— Капут. Зер гут!

— Идъом! — толкнул солдат Ванюшку в плечо. — Ходить...

— Я к родным иду... Куда вы меня ведёте?—попробовал было объясниться он.

— Молчайт!—заорал на него солдат и толкнул ещё сильнее.

Видя, что сопротивление бесполезно и может только повредить, Ванюшка покорно пошёл.

«Что они хотят со мной сделать? Куда ведут? В тюрьму? Или сейчас расстреляют?—с ужасом думал он по дороге.—Хорошо, если поведут к коменданту и будут допрашивать. Я бы сразу сказал, что пришёл поступить в полицию. Если поверят, тогда — спасусь...»

Но в комендатуру его не повели, не допрашивали, а вывели за город и втокнули во двор бывшей МТС, огороженный двумя рядами колючей проволоки.

На дворе сидело, стояло и лежало много народа. Были тут и мужчины, и женщины, и дети. За проволочной изгородью вышагивали солдаты с автоматами, в стороне, на привязи, стояли собаки-овчарки, похожие на волков.

— Что же это такое? Неужели и этих людей собрали для того, чтобы всех расстрелять?—думал Ванюшка, со страхом рассматривая широкий захламленный двор.

XIV

Никогда за свою пятнадцатилетнюю жизнь Ванюшка не видел в одном месте так много народу. Никогда он не видел так много печальных людей. Были среди этих пленников и городские, и деревенские люди. Одни из них сидели небольшими группками и вполголоса вели свои невесёлые разговоры, другие — лежали, многие же бесцельно бродили по своей, открытой всем ветрам, обширной тюрьме.

Нужно было где-то пристроиться и Ванюшке. Он облюбовал большое сосновое бревно, на котором сидели

мальчик его лет и пожилой мужчина с большими чёрными усами.

— Можно тут присесть? — тихо спросил он.

— Садись, разве жалко, — сказал мальчик. У него были голубые, точь-в-точь как у Ильки Кузина, глубоко запавшие глаза.

Присев на бревно, Ванюшка посмотрел на своих случайных соседей. Оба они были бледные, исхудавшие, с грязными, вероятно, давно не мытыми руками. На усатом — старая кожаная куртка, поношенная кепка, полуразвалившиеся солдатские ботинки, надетые на босую ногу. На мальчике мешком висел пиджак со взрослого мужчины. Он поджимал под себя грязные, растрескавшиеся от цыпок ноги. Ванюшка смотрел на сидящих рядом, стараясь разгадать — кто они, но определить так и не смог.

Тем временем мальчик вынул из кармана кусок сырой свёклы и неторопливо начал его грызть. Чувствуя, что молчать дальше неудобно, Ванюшка спросил:

— Ты давно здесь?

Мальчик не торопясь прожевал свёклу и, подумав, ответил:

— Зачем тебя сюда привели?

— Меня случайно...

— Вот и меня случайно.

— А откуда привели? — допытывался Ванюшка.

— Издалека. Из-под самой Винницы.

— Ты оттуда родом?

— Нет, — ответил мальчик, — но прожил там около двух лет. Я жил у этого дяди... Микола, — показал он на усатого человека.

— А родом тогда откуда?

— Тоже издалека. Про чуваш слышал ты когда-нибудь?

— Слышал. В школе географию проходили. Это на Волге есть Чувашская республика.

— Точно,—подтвердил мальчик,—на Волге.—Он посмотрел на оставшийся кусочек свёклы и, откусив ещё немножко, положил её обратно в карман.

Ванюшка смотрел на сверстника, и в сердце его всё больше росла жалость к этому, видимо, уже много перетерпевшему мальчику. Вот до войны у них дома такой свёклой кормили овец и коров, а теперь её едят люди.

— Как тебя звать? — спросил Ванюшка мальчика.

— Санька. А тебя?

— Тоже почти так: Ванька... Ванюшкой все зовут. Слушай, Санька, у меня есть кусок хлеба. Давай съедим его вместе,—предложил Ванюшка, вытаскивая из кармана кусок хлеба, который хранил на всякий случай ещё со времени выхода из лагеря.—На, ешь...

Санька жадно и недоверчиво посмотрел на хлеб, потом на щедрого своего соседа и, проглотив голодную слюну, ответил:

— Не надо...

— Ешь, ешь,—настаивал Ванюшка.

Санька покачал головой:

— Тебе самому пригодится.

— Я ел, я сытый...

— Немцы тут ничего не дают есть,—честно предупредил Санька.—За пять дней нам только два раза, точно скотине, бросали свёклу, да и из-за этой свёклы пристрелили несколько человек... Ты тоже будешь голодать, береги...

— Ну что же — будем голодать вместе,—со вздохом проговорил Ванюшка.

Санька повернулся к нему, помолчал немного и несмело протянул руку:

— Ну, тогда давай...

Ванюшка разломил обмятый кусочек чёрного хлеба и половину отдал Саньке. А тот в свою очередь разделил надвое свой кусочек и легонько толкнул усатого в бок:

— Дядя Микола, ешьте хлеб.

— Ешь сам, Санька...

— Нельзя этого, дядя Микола... Я один не буду.

Ванюшка понял, что эти люди, наверное, уже давно делят между собой последнюю корку хлеба, потому что усатый, больше не протестуя, взял хлеб, но есть не стал,—бережно завернув в тряпочку, положил его в карман.

— Спасибо, сынок,—сказал он Ванюшке.—Откуда будешь?

— Из этого же района. Наше село километрах в пятидесяти отсюда.

— А вот мы попали сюда издалека, и теперь неизвестно, куда они нас завезут,—кивнул он в сторону солдат, кормивших собак.—Наверно, погонят в самую неметчину.

— В Германию?

— А то куда же? Уж сколько там нашего народа страдает, а всё везут, везут...

Дядя Микола говорил это неспроста. Он знал и видел, как немцы ловили людей в городах и деревнях, грузили их в товарные вагоны и увозили в Германию. Там были организованы специальные лагеря, в которых содержались советские люди. Их заставляли работать на фабриках и заводах, стремясь заменить мужчин, которых тысячами пожирал восточный фронт. По письмам, которые присылали из Германии пленники, Микола знал и о тех ужасных условиях, в каких приходилось им работать. Платы за труд не полагалось. Бурда, называемая немцами супом, могла спасти от голодной смерти, но не насытить. Помощи больным не оказывали, и много попавших в рабство людей умирало от истощения, болезней и непосильной работы.

С приближением Красной Армии фашисты усилили отправку рабочей силы на свою каторгу. Они не считались ни с чем: женщина это или мужчина, крепкий

старик или подросток: имеются ли в семье, кроме них, кормильцы или нет. Они даже не спрашивали — откуда эти люди и какие носят фамилии. Они просто хватали их и отправляли в Германию.

Когда над людьми нависла угроза рабства, они начали прятаться. Деревни опустели. В них оставались только дряхлые старики и маленькие дети. Это бесило гитлеровцев. Они почти ежедневно устраивали облавы, забирая каждого встречного. А если кто-либо пытался бежать — того настигала пуля.

Ванюшка вспомнил, как перед городским садом погибла одна из таких жертв. В этот же день в лагере стали известны подробности этого бесчеловечного убийства. Мать прятала дочь в своём огороде, но фашисты нашли её. Девушка хотела спастись бегством и поплатилась за это жизнью.

Тяжёлые мысли угнетали Ванюшку. Он вспоминал дни, проведённые в партизанском отряде, обещание командира взять его на операцию. Вспомнился Фёдор Иванович, Тоня... Теперь он пожалел, что так необдуманно ушёл из лагеря. «Выходит, что я теперь никогда не буду в отряде, и вместо того, чтобы отомстить зверюге Шварцу, придётся ехать в проклятую всеми неметчину».

Вдруг на правой половине двора раздались крики, слышался плач. Ванюшка посмотрел в ту сторону и увидел, что к лагерю гонят новую партию пленников. Два солдата открыли тяжёлые створчатые ворота, и конные начали теснить толпу, загоняя её во двор.

Последним, на гнедой подбористой лошади, во двор въехал высокий офицер. У Ванюшки от волнения перехватило дыхание. Он сразу узнал офицера: это был Генрих Шварц.

Вот он выехал на середину двора, остановил лошадь и стал что-то кричать солдатам. Те закрыли ворота. Шварц наехал на толпу. Несколько раз над его головой

взмётывалась плеть. Он бил молчавших и угрюмо смотревших на него беззащитных людей. При каждом его взмахе плетью так же, как и тогда в Дубовке, ударяясь одна о другую, звенели медали и ярко поблескивала на солнце золотая цепочка.

Ярость душила Ванюшку. Будь сейчас у него в руках автомат, пистолет, граната — он не посчитался бы ни с чем... Но что сделаешь голыми руками? Гнев его был настолько силён, что, забыв осторожность, он вслух произнёс:

— Ну погоди, людоед! Не я, так кто-нибудь другой тебя достанет!..

Солдаты начали развязывать пленникам руки. Сидевшие до этого в стороне люди встали и с опаской начали подходить к вновь прибывшим. Двор наполнился сдержанным гулом.

Встал и Ванюшка. Он всматривался в лагерных новичков. Лица их были угрюмы, глаза горели злым огнём.

Осмотрев всех, он вернулся к своим, сел на старое место и сказал:

— Что-то будет, Санька? Неужто — капут?.. Смерть?..

— Ребята,—неожиданно заговорил дядя Микола.— Вот что, ребята... О смерти не надо думать. Мне и то это не дозволено, хоть я почти и прожил свою жизнь... Не такое сейчас время, чтобы о смерти думать. О жизни надо думать. Знаете, какой у солдат закон? Умри, а не сдавайся!.. А мы сейчас, когда перед нами самый лютей враг, разве не солдаты?..

Он замолчал, посмотрел на притихших подростков и, снизив голос до шопота, продолжал:

— Ничего не бойтесь. Неправда, что нет выхода. Убежим. Не поедem мы на каторгу, обязательно убежим... Я уже всё обдумал... Только вы от меня не отходите... Поняли?..

Жаркий тревожный день был на исходе. Шум голосов во дворе начал стихать.

В сумерки во двор въехали конные солдаты. Они подняли народ и загнали его на ночлег в большой каменный гараж ремонтных мастерских. По всему было видно, что в этом здании похозяйничали немцы: всюду валялись сорванные с фундаментов станки, в углу — куча железного лома, в крыше зияли проломы.

В гулком здании сразу стало шумно. Люди стали искать места для ночлега. Спать было не на чем — только земляной пол, заваленный обломками досок, кирпича и железа.

Шедший впереди других, Санька направился в угол, в котором высилась небольшая куча соломы, наполовину перемешанной с железным ломом.

— Дядя Микола! Ванюшка! Вот здесь можно поместиться! — крикнул он.

— Хорошее место, — похвалил Микола, подойдя ближе, — удобное, лучше не надо.

Ребята не поняли скрытого смысла этих немногословных рассуждений своего вожака, хотя и говорил это дядя Микола не зря.

— Ну, что же, хлопцы, спать давайте, — предложил он.

— Будем спать, — согласился Санька. — Вы, дядя Микола, ложитесь в середину, а мы с краю...

— Э! — покачал головой дядя Микола, — так не полагается. Где это видано, чтобы старой ложился в середину, а хлопчик мёрз с краю?

И, положив под голову кепку, видимо, уже давно заменявшую ему подушку, дядя Микола лёг и закрыл глаза.

Засыпали и другие, истомившиеся за день люди. В сарае стало темно и тихо.

Ванюшка ещё днём хотел спросить Саньку, как он с далёкой Волги попал сюда. Но днём находились другие разговоры, а сейчас для этого был самый удобный момент.

— Послушай, Сашок,—начал он,—разве и у вас фрицы были?

— Нет.

— А как же ты очутился здесь?

— Так вот и очутился...

— Значит, как-то случайно? — не отставал Ванюшка.

Санька вздохнул.

— И случайно и не случайно. Понимай, как хочешь... Если интересно — могу рассказать, только ты не перебивай, а то я спутаюсь.

— Ладно...

— Вот как я сюда попал,—начал Санька.—Отец мой — чуваш. Сначала он работал сельским учителем, потом окончил военную школу и стал командиром. Он служил на Дальнем Востоке, а перед войной его перевели на западную границу. Мы жили на пограничной заставе. Папа мой был там начальником. Для командирских детей там была специальная школа, и я в ней окончил пять классов, перешёл в шестой...

И совсем неожиданно прервав рассказ, Санька спросил:

— У вас как война началась?

Ванюшка был мыслями на пограничной заставе, и вопрос застал его врасплох.

— У нас?..

— Да, у вас... Ну там, где ты жил...

— А как... Обычно... Сначала бои шли далеко, а потом всё ближе и ближе, а потом пришли немцы, и пошёл грабёж, людей убивать начали...

— А у нас совсем не так, у нас по-другому,—продолжал рассказывать Санька.—У нас неожиданно это

получилось. Это было в воскресенье. Мы с мамой и папой ещё накануне собирались в этот день пойти в лес за земляничкой. Папа у нас очень любил земляничное варенье... Папа хотел ещё показать мне на высокой сосне гнездо коршуна, которого он собирался подстрелить из мелкокалиберной винтовки...

Санька на минуту замолчал.

— Ну и что же?—охваченный нетерпением и нарушая условие, спросил Ванюшка.

— А то, что по нашей заставе с польской стороны немцы начали бить из пушек. Это было рано-рано утром. Я проснулся и в одних трусах побежал на улицу. Снаряды упали рядом с собачником, где содержались сторожевые овчарки. На границе ухали орудия и трещали выстрелы... Мы с мамой быстро собрались, захватили рюкзаки и пошли в сторону пограничного отряда. Это у нас раньше было условлено так...

— Из-за границы,—продолжал Санька, переведя дыхание,—на восток летели немецкие самолёты. Везде бьют пушки, рвутся снаряды, бомбы... Ад настоящий... Пришли мы в погранотряд. Там уже было много жён командиров и ребятишек с других застав. Оказывается, немцы сделали нападение на все заставы, а не только на нашу. Нас начали сажать в вагоны, поезд тронулся, и мы поехали...

Ванюшка повернулся со спины на бок, лицом к Саньке, не понимая, почему тот замолчал. И, как бы почувствовав нетерпение друга, Санька продолжал свой рассказ:

— Уехали мы недалеко. Поезд наш настигли немецкие самолёты и начали сбрасывать на него бомбы... Я страхов за войну наглядился,—сказал по-взрослому Санька,—но такого страха ещё никогда не переживал. Это была страшная бомбёжка. Поезд остановился, люди бросились из вагонов, кто куда. Мы с мамой побежали в поле и легли во ржи. Вагоны разлетались в щепки,

над паровозом поднялось белое облако пара... А потом, когда сделалось тихо, когда в небе не стало ни одного самолёта, мы опять вышли на линию. Дорога была вся разрушена: рельсы изогнуты и отброшены, шпалы вывернуты, и везде одни воронки...

— Все, кто остался тогда в живых, пошли по этой дороге на восток. На другой день утром мы пришли на большую станцию. Все здания были разрушены — немецкие самолёты прилетали и сюда. На путях стояли обгорелые вагоны, лежал опрокинутый паровоз. В двух километрах за станцией, в лесочке, стоял порожний товарный состав. Мы сели в него, и нас повезли. Но и этот состав далеко не ушёл. На следующей станции был выброшен парашютный десант, там уже хозяйничали немцы. Они тихо впустили наш поезд на станцию, а потом ударили по паровозу, и тот остановился. Нас всех выгнали из вагонов и собрали в одно место. Солдаты начали всех обыскивать. Они забирали у людей деньги, снимали кольца, часы и даже вытаскивали серьги из ушей. Вот в этот день и погибла моя мама...

Санька опять замолчал. Он дошёл до самого тяжёлого места своих воспоминаний. Ему, видимо, не хотелось лишний раз вспоминать об этом, но Ванюшка спросил:

— А как это случилось?

— Вот как,—точно боясь, что его кто-нибудь ещё услышит, зашептал Санька.—Какой-то офицер, я помню только, что он был очень высокий, схватил маму за руку и вырвал у нее сумку. Он открыл её и вытащил золотые часы, которые мама в последнюю минуту перед уходом из дома сняла со стены. Офицер открыл крышку, послушал ход и кивнул маме. Часы были на толстой золотой цепочке. Папа говорил, что цепочка часов сделана каким-то большим мастером. Часы эти и цепочка нам всем были очень дороги. Их подарил папе сам нарком обороны за храбрость в боях у озера Хасан, когда на

нашу границу напали японцы... Потом этот же офицер посмотрел на руки мамы. Он заметил у неё на левой руке широкое золотое кольцо, которое ей подарила бабушка. Офицер схватил маму за руку и начал стаскивать кольцо. Мама вскрикнула от боли — кольцо было туго и не снималось. А немец продолжал стаскивать. Когда мама начала вырываться, офицер ни с того, ни с сего вытащил револьвер и выстрелил маме в грудь. Она упала и умерла без единого звука...

Голос Саньки прервался, задрожал, но он быстро овладел собой.

— Я бросился было к этому офицеру, но он меня так ударил по голове, что я больше ничего не помнил... Когда же пришёл в сознание, то увидел, что лежу под какими-то деревьями. Кругом на земле сидели те, кто ехал с нами в поезде, а по бокам стояла стража... Понял теперь, как я попал сюда?

— Понял,—ответил Ванюшка.—А к дяде Миколете ты как попал?

— А вот, слушай... Нас окружили конвоем и погнали по шоссе на дороге. Долго гнали... В деревнях на ночь загоняли в сараи. Ну, чисто как скотину. Наверно, с неделю мы шли. Многие за это время умерли, а которые идти не могли — тех пристрелили... И вот, я думаю, мы им надоели. Однажды утром вывели нас из сарая в поле, отобрали тех, кто был посильнее и оставили, а остальным сказали, чтобы разошлись по домам...

— А тебя?—нетерпеливо перебил Ванюшка.

— Меня тоже освободили, а только куда же мне было идти? Я вернулся обратно в деревню, зашёл в крайний дом и попал вот к дяде Миколете. Меня накормили, расспросили, что со мной случилось. Тётя Грипина — это жена дяди Миколы,—когда я рассказывал о том, как убили маму, всё время плакала. Я переночевал у них и утром собрался было уходить, но они не отпустили меня. «Тебе же некуда идти, поживи у нас,

как-нибудь обойдёмся, свой же ты, русский человек», — сказал дядя Микола. Тётя Грипина тоже начала уговаривать, чтобы я остался у них. Я и остался... Такие они хорошие люди, Ванюшка, что и сказать нельзя! Они были мне за родителей, и жил я у них как дома.

— А детей у них не было, что ли?

— Был сын, на фронт ушёл.

— А как же вы с дядей Миколой потом сюда попали?

— А вот, слушай... Я жил у них года полтора. Дядю Миколу хотели отправить в Германию, а он скрывался. А потом немцы сменились, и с отправкой в Германию вроде как утихло. Дядя Микола вернулся домой. Тут опять пришли за ним и приказали выходить работать на завод, который немцы отремонтировали и пустили в ход. До войны-то дядя Микола двадцать лет слесарем работал, ну и пришли за ним. А он не хотел работать на немцев и опять начал скрываться. Всё равно его поймали и отправили не на завод, а в тюрьму. В дом пришли полицаи, забрали вещи, какие получше, и меня тоже увели. Больше месяца мы просидели в тюрьме, а потом нас всех выгнали из камер и пригнали вот сюда...

Как ни интересен был рассказ Саньки, но у Ванюшки начали слипаться глаза. Сон одолевал и Саньку. Он взял лежавший сбоку пиджак, покрыл им себя и приятеля. Тесно прижавшись друг к другу, они уснули крепким и по-детски безмятежным сном.

XVI

Запертые в сарай пленники начали пробуждаться ещё до рассвета. Сначала где-то у самых ворот послышался робкий шопот, потом мало-помалу начали переговариваться другие. И когда первые лучи солнца тоненькими ниточками проникли сквозь щели ворот, сарай гудел, как растревоженный улей.

— Ну, выспались, хлопцы?—спросил ребят Микола.

— Выспались, дядя Микола.

— Не холодно было?

— Нет, не холодно.

— А я трохи подмёрз,— улыбнулся он.

Ребята сразу подметили, что сегодня их вожак выглядит почему-то веселее, чем вчера. Он и говорил с прибаутками и не хмурил своё и без того суровое лицо.

Несмотря на непрекращающийся гул, все услышали, как в воротах загремела тяжёлая железная щеколда. Через несколько мгновений ворота растворились, и яркие лучи солнца широким потоком хлынули в сарай, ослепив отвыкших за ночь от света людей.

— Вставайте! Выходите! — закричали солдаты.

Люди встали со своих мест и нестройной толпой двинулись через ворота во двор.

— Шнель! Шнель! Скоро! — слышалось со всех сторон.

На дворе было теплее, чем в сарае, и пленники подставляли свои лица щедрому потоку солнечных лучей.

Ругаясь, солдаты начали подгонять народ к наружным воротам, приказав встать по пяти человек в ряд. Когда длинная колонна была построена, часовой открыл ворота, и пленников погнали к железнодорожной станции.

На станции было пустынно, если не считать товарного состава, стоявшего на запасном пути. Конвойные направили колонну к этому составу. Сам Микола и ребята озирались по сторонам, соображая, нельзя ли как-нибудь убежать. Но сделать это не было никакой возможности: впереди, по бокам и сзади ехали верховые конвойные.

— На-а-х Дрез-ден,—прочитал Санька надпись на одном из вагонов.

— Значит, пойдёт этот состав, ребята, в Дрезден,—сказал Микола таким независимым тоном, как-

будто его никто и не собирается везти в этот трижды проклятый Дрезден.

Распоряжавшийся погрузкой офицер подал какую-то команду, и солдаты начали открывать двери вагонов.

— Не отходите от меня,— вполголоса сказал Микола ребятам. Те прижались к нему. Дверь вагона, около которого они стояли, отодвинули. В это самое мгновение перед толпой, разъединённой теперь на кучки для посадки в вагоны, проехал офицер, что-то на ходу приказывая.

Первым увидел этого офицера Санька. Он долго и пристально смотрел на него, и мертвенная бледность залила Санькино лицо. Он даже покачнулся, толкнув плечом Ванюшку.

— Ты чего, Сашок? — встревожился тот, видя, что с другом неладно.

— Ванюшка!.. Ванюшка!..— задыхаясь, зашептал на ухо Санька.— Это он, Ванюшка!..

— Кто?— не понял Ванюшка.

— Это он! — повторил Санька вместо ответа.— Это тот самый офицер... Я узнал его... Это он убил мою маму... Смотри, вон и папина цепочка...

Да, это был Генрих Шварц. Он что-то сердито крикнул солдатам, и те начали подгонять народ на посадку. В каждом вагоне было уже человек по двадцать, видимо, пригнанных с вечера.

Войдя в вагон, ребята оглянулись и вновь увидели Генриха Шварца. Как и всегда, он был вылощенный, в чистом целлулоидном подворотничке, при всех своих орденах и медалях. И так же, как всегда, из левого грудного кармана его мундира, переливаясь на солнце, свисала золотая цепочка.

— Это он... Теперь я вспомнил...— Всё также, задыхаясь от волнения, шептал Санька.— И кортик тот же, которым он по руке маме...

Санька говорил ещё что-то, но Ванюшка молчал. Он сейчас ничего не видел и не слышал. Он видел перед собой только Генриха Шварца — убийцу, сделавшего сиротой его самого, Саньку и ещё, может быть, сотни таких же, как и он, ребят.

Санька всхлипнул, и это пробудило Ванюшку.

— Чего ты?—спросил он.

— Убийца!—сжимая кулаки, прошипел Санька.— Ух, гад!

— погоди, Санька,—начал успокаивать Ванюшка разволновавшегося товарища.— погоди... Мы достанем и эти часы, и кольцо, и цепочку... А для этого надо достать самого Генриха Шварца... И мы достанем, Санька! Достанем!.. А мы не сумеем—другие это сделают...

Дверь с шумом захлопнулась. Визгливо проскрежетал засов, и в вагоне сразу сделалось темно. Свет проникал в единственное окошечко, зарешеченное толстой проволокой.

Кто-то громко сказал голосом обречённого:

— Пропали теперь, братун... С головой пропали...

Другой голос ему ответил:

— погоди плакать, слёзы побереги, много ещё их понадобится.

— Чортовы фашисты! Чтобы сгореть всем вам вместе со своим Гитлером.

Дядя Микола не пошёл вглубь вагона, а устроился у двери.

— Садитесь сюда,—пригласил он ребят,—тут воздух чище будет.

И опять Микола сказал это с улыбкой, и даже расправил свои усы, что служило у него—это не ускользнуло от ребят—признаком повышенного настроения.

Поезд долго стоял на месте и лишь с наступлением темноты тронулся. Люди начали притихать. Всем было ясно, что ни крики, ни протесты—ничто не может помочь им, запертым в этом вагоне, как в тюремной камере.

Когда совсем стемнело, Микола сказал ребятам:

— Будем спать, хлопцы.

Привыкшие во всём повиноваться своему вожаку, который заменил им теперь отца, ребята разостлали Санькин пиджак и, обнявшись, точно родные братья, уснули.

Сколько они спали—никто из них не сказал бы. Но оба они одновременно почувствовали, что их кто-то трясёт за плечи.

— Кто это?—недовольно пробормотал Ванюшка.

— Тише... тише...— услышал он над самым ухом шопот дяди Миколы.— Тише, это я...

— Чего, дядя Микола?

— Тише! Ради бога, тише!..— ещё раз повторил Микола.— Садитесь вот так...

Он сам посадил ребят рядом так, что они касались головами друг друга. Почти вплотную приблизив к ним своё лицо, Микола зашептал:

— Слушай, хлопцы... Сейчас мы убежим...

— Как?..— начал было Ванюшка, но Микола зажал ему ладонью рот.

— Ничего не спрашивайте и только слушайте...

Ребята не поверили. «Уж не случилось ли чего с дядей Миколой?» — разом подумали они. Но Микола ещё раз повторил:

— Скоро мы убежим! Слушайте, что буду говорить... Сейчас я открою дверь и прыгну первым... И вы не теряйте ни секунды, прыгайте вслед за мной, только поодиночке... Прыгайте вперёд, а то разобьётесь, а как спрыгнете, так сразу же бегите назад, я там буду вас поджидать... Не ждите друг друга, идите на меня поодиночке... Когда встретимся, я скажу, что надо делать. Поняли?.. Ну, пора...

Микола поднялся, сделал шаг влево, и ребята услышали, как коротко взвизгнул несмазанный блок вагонной двери, и вслед за тем на них пахнуло свежестью

ночной прохлады. Сначала ребята ничего в темноте не видели, но, должно быть, в этом месте дорога делала крутой поворот на северо-запад. Они догадались об этом потому, что из темноты начала вырисовываться серая полоска неба — далёкий предвестник утренней зари. Теперь уже не было никакого сомнения в том, что дверь открыта.

Боясь пошевелиться, затаив дыхание, Ванюшка и Санька смотрели на силуэт дяди Миколы, вырисовывавшийся в двери. Вот он сделал какое-то движение руками, должно быть, застегнул пуговицу ватника, потом глубже надвинул на голову свою кожаную кепку, сделал осторожный шаг назад, взмахнул руками, и...

То, что произошло дальше, Ванюшка и Санька поняли не сразу. Вместо того, чтобы через какую-то долю секунды исчезнуть в открытой двери, дядя Микола грузно осел и повалился на пол.

— Дядя Микола! Дядя Микола! — опомнился первым Ванюшка.

Он бросился к тому месту, где упал Микола, но тотчас же отскочил, наткнувшись на двух извивающихся как змеи человек: дядя Микола с кем-то боролся.

В первые секунды ребята оцепенели от ужаса. Но это было только минутное замешательство. Они поняли, что кто-то решил помешать их побегу. Когда эта мысль оформилась окончательно, Ванюшка и Санька бросились на помощь дяде Миколу. Понимая его опасное положение, они готовы были сделать всё, чтобы выручить из беды своего жоака. Но чем можно было помочь? На узком, свободном от людей, кусочке вагонного пола боролись два сильных человека. И даже невозможно было понять, который из них дядя Микола...

Эта страшная борьба происходила молча. Микола упорно молчал, чтобы не всполошить спящих в вагоне

людей, а предателю кричать было и совсем нельзя, так как, проснувшись, люди растерзали бы его в куски.

...Борьба смертельных врагов длилась уже несколько минут. Растревоженные шумом, некоторые пленники проснулись и, не зная в чём дело, начали негодовать.

— Кто это там возится?

— Нашли тоже время... отдохнуть не дадут!

Но не это тревожило Миколу и ребят. Поезд мог подойти к станции, а на каждой остановке конвойные делают осмотр вагонов. Они, конечно, обнаружат открытую дверь, и тогда можно поплатиться не только свободой, но и жизнью.

Это придало всем троим силы и решительности. Извернувшись, Миколе удалось подмять под себя противника и схватить его за горло. Во время борьбы Микола и его неведомый враг подкатились совсем близко к двери, и голова предателя очутилась на условном пороге вагонной двери.

— Не уйдёшь, предатель!.. А я уйду!—шипел в ярости Микола.

Услышав эти слова, ребята поняли, что Микола одолел своего врага. Они бросились на помощь с единственной целью—выбросить предателя из вагона. И едва Ванюшка сделал первый шаг, как почувствовал под ногой что-то холодное. Он нагнулся и вынул из-под ступни какую-то тяжёлую плоскую и рубчатую железину. Откуда она взялась—об этом не было времени рассуждать. Ванюшка понял, что в руках у него рашпиль. Крепко, насколько было сил, он схватил его правой рукой, проворно подбежал к двери, с размаху два раза ударил по голове предателя. Тот сразу обмяк, выпустив из своих железных объятий Миколу. Это было спасением. Микола поднял, вероятно, уже безжизненное тело противника и, раскачав его, швырнул в открытую дверь.

— Пошли!—негромко, но твёрдо проговорил Микола.

Он сделал шаг назад, порывисто подошёл к двери, с силой откинул руки и скрылся за дверью вагона.

— Прыгай!—толкнул Ванюшка Саньку.—Прыгай!

Но Санька колебался.

— Прыгай!.. В неметчину что-ли захотел?..

Эта фраза оказалась сильнее всяких приказаний!

Санька прыгнул.

— Товарищи!—изо всех сил крикнул Ванюшка.— Товарищи! Дверь открыта! Спасайтесь! До свиданья, товарищи!..

Впрочем, последней фразы находившиеся в вагоне пленники не слышали. Охваченный радостным возбуждением, забыв осторожность, Ванюшка прокричал её тогда, когда уже катился по песчаному откосу железнодорожной насыпи.

XVIII

Рассвет застал беглецов в густом дремучем лесу. По мнению Микола, они ушли от железной дороги на семь-восемь километров. Всякая опасность погони для них теперь миновала. Когда они спустились в глубокий овраг, Микола сказал:

— Будем, хлопцы, отдыхать.

Выбрав свободное место среди густых зарослей кустарника, они растянулись на сухих прошлогодних листьях и, охваченные тяжёлой усталостью, некоторое время лежали молча.

— Вот и убегли,—повернувшись на бок и подперев голову правой рукой, проговорил Микола.—Теперь нам надо подумать о будущем, а прежде всего—о пище. Голодный далеко не уйдёшь, а идти нам, хлопцы, может быть, придётся долго.

Удивительный всё-таки человек дядя Микола! Он как будто по глазам узнаёт Ванюшкины и Санькины мысли. Несмотря на пережитые страхи и усталость, им обоим хотелось есть. Но где найдёшь в лесу пищу? Идти в деревню—рискованно, можно быстро попасть в лапы к немцам... Изловят и—опять в Германию, а то и в расход выведут. Нет, уж чего-чего, а пищи в этом лесу не достанет и сам дядя Микола...

Из этого невесёлого раздумья ребят вывел сам Микола.

— Вот что, хлопчики,—сказал он,—когда мы проходили ту большую поляну, вы ничего не заметили?

— Нет, дядя Микола...

— А я вот заметил...

— Чего?—разом вырвалось у Ванюшки и Саньки.

— Пойдёмте, там покажу...

Менее чем через час они вернулись на прежнее место. У всех всюду—в карманах, в рукавах Санькиного пиджака, за пазухой—была набита картошка. Но самой вместительной тарой оказалась рубашка дяди Микола, которую он снял, оставшись в одном ватнике.

— А я, когда шёл опушкой, заметил, что картофель, да останавливаться было не время,—довольно потирая руки, рассказывал Микола.—Теперь не умрём, теперь дня на три хватит...

Но, взглянув на ребят, Микола увидел на их лицах не столько радость, сколько смущение.

— Это чего вы зажурились?—спросил он.—Вон у нас сколько теперь пищи...

— А как мы её есть-то будем, дядя Микола, сырую-то?..—спросил Ванюшка.

— Да-а!—протянул Микола.—Это вопрос! Сырая картошка—невкусная, мне приходилось пробовать... Сварить или испечь её надо обязательно.

— А как, если спичек нету?

— А без спичек разве огня нельзя достать?

— Можно.

— Надо тереть палку о палку. Так огонь дикари добывают,—ответил Санька.

— Ну, пусть его так-то дикари и добывают,—улыбнулся Микола,—а мы всё-таки не дикари.

С этими словами он выщипнул из своего уже дырявого ватника клочок ваты и почти вплотную выстрелил в него из револьвера. Вата вспыхнула. Микола взял горсть сухих листьев, положил их на горящую вату, и вскоре под густыми ветвями орешника запылал приветливый огонёк.

— А теперь давайте больше валежника,—распорядился Микола, глядя на ребят, сидевших с открытыми от удивления ртами. Удивил их не этот, уже известный им способ, посредством которого Микола добыл огонь, а то—откуда у него появился револьвер.

Вообще за истекшие сутки произошло много непонятного и прямо-таки загадочного. Почему повеселел дядя Микола? Что это был за человек, которого они сбросили из вагона? Почему оказалась открытой дверь? Откуда на полу вагона появился тяжёлый рашпиль? Где, наконец, достал Микола револьвер?

Ребята сгорали от нетерпения: так хотелось узнать всё это. И вот что рассказал им Микола, сидя у огромной кучи горячей золы, в которой пеклась картошка.

План побега созрел в его голове в последнюю ночь, проведённую в сарае машинно-тракторной станции. Микола не был уверен, но догадывался, что весь этот народ, согнанный во двор МТС, немцы намерены отправить в Германию. На побег по пути к станции он не рассчитывал: уж очень крепко охраняли пленных усиленные конвои. Поэтому он решил, что легче будет убежать из вагона. Старый слесарь был знаком с устройством запоров железнодорожного товарника, нужен лишь инструмент. Но где его взять?

Этому помог счастливый случай. Когда расторопный

Санька отыскал для ночлега место около кучи железного лома, Микола сообразил, что этот лом может сыграть в жизни его самого и в жизни ребят решающую роль. «Удобное место»—сказал он тогда ребятам.

Когда утомившиеся за день на жаре люди уснули, Микола встал и осторожно, чтобы не наделать шума, начал рыться в ломе. В кромешной темноте он бесшумно брал и перекладывал одну вещь за другой, пока не почувствовал в руках рашпиль. Опытный слесарь провел по нему ногтем и убедился, что рашпиль был или ещё неиспользованный, или пользовались им очень мало.

Ободренный этой находкой, Микола продолжал свою работу. Более часа рылся он в холодном металле— и небезуспешно. Под руку ему попало что-то колючее, и слесарь без труда определил, что это пачка ножовок—целая пачка, даже не освобождённая от фабричной провололочной упаковки.

Микола настолько обрадовался своим находкам, что остаток ночи провёл без сна. Раньше времени он решил ничего не говорить ребятам, стараясь ничем не выдать своей радости. Но это ему не удавалось. Наутро ребята сразу подметили, что в настроении дяди Миколы произошёл какой-то перелом, хотя причин этого и не знали.

Страшило одно: а вдруг немцы при выводе из лагеря будут обыскивать? Но те, наверное, торопились, и эти опасения оказались напрасными.

И вот наступила ночь в вагоне. Микола выждал, когда все уснули, и принялся за дело. При помощи рашпиля ему удалось отодвинуть дверь на каких-нибудь полтора сантиметра. Но большего и не требовалось. Микола нащупал запор, просунул рашпиль, и в руках старого слесаря он заходил бесшумно и споро. Впрочем, шум и не помешал бы: поезд шёл быстро, оглушительно стуча колёсами и буферами. Почти от вечерней до утренней зари работал Микола, отдыхая лишь во время

остановок. Изработав рашпиль, он пустил в дело ножовки и уже начал отчаиваться, что до рассвета не сможет кончить своего дела. Какова же была его радость, когда ножовка, на которую он нажимал изо всех сил, неожиданно провалилась и даже выпала из его рук, приглушённо звякнув о пол.

— Ну, а остальное вам самим известно,—закончил свой рассказ Микола.—Сами видели.

— А что же это за человек был, дядя Микола, который вас схватил?—спросил Санька.

— А это был шпион или предатель, как ни назови—правильно будет,—ответил Микола.—Шкура продажная. Их подсаживают в вагоны, чтобы они всё выслушивали, а потом доносили. Вот кто был этот человек.

— А это у вас откуда?—допытывался Ванюшка, изобразив указательным пальцем, будто он нажал на спусковой крючок.

— А это я у того гада отнял, когда боролся с ним на полу... Ему он теперь всё равно не нужен, а нам может пригодиться,—улыбнулся Микола.—Да и эта вот штука не лишняя...

С этими словами он вынул из кармана кинжал с серебряной рукоятью, на которой была выгравирована «раскоряка», как Ванюшка звал фашистскую свастику.

Никогда, кажется, ни сам Микола, ни ребята не завтракали с таким аппетитом. Ели печёную картошку. Ели без хлеба, без соли, но никто не замечал этого.

— Спасибо, дядя Микола,—первым сказал Ванюшка.

— Тебе спасибо,—ответил Микола.—Как бы ты того хлыща рашпилем не угостил, так ещё и не знаю, что было бы... Ослабевал ведь я, хлопцы, совсем ослабевал... Вот и вперёд так: ни в какой беде не теряйтесь.

Все трое сходили к протекавшему недалеко ручейку, напились холодной, чуть припахивающей прелыми листьями воды и снова вернулись к костру. Микола вы-

нул из золы во второй раз заложенную картошку, уложил её аккуратно в рубаху, содрал лык и соорудил заплечный мешок. Он приладил его себе за спину, и сказал:

— Ну, хлопцы, много в лесу дорог, а для нас есть только одна... Знаете ли куда она ведёт?..

— Знаем, дядя Микола,—разом ответили Ванюшка и Санька.

— Ну, тогда в добрый путь!..

XVIII

Много в необъятных русских лесах дорог, но наши беглецы шли по бездорожью. Та единственная дорога, о которой Микола говорил ребятам у костра, вела в партизанский отряд.

Много в те годы было в лесах партизанских групп, отрядов и даже дивизий, но сыскать их всё же было трудно—так велики и дремучи наши леса.

Солнце уже перевалило за полдень, а Микола всё вёл и вёл ребят, не останавливаясь. Уставшие и обесилевшие, они уткнулись в какое-то заросшее камышом болото. Но не только болото, реки и моря не останавливают вырвавшихся на свободу узников.

— Придётся обойти,—сказал уставший и сам Микола.

И они снова пошли.

К сумеркам лес поредел. Сначала Микола замедлил шаг, потом остановился совсем, пристально всматриваясь вперёд. Ребята почувствовали: их вожак заметил что-то неладное.

Так оно и было.

— Привал!—скомандовал Микола. — Ты, Саня, оставайся тут, а мы ходим в разведку.

Он снял с плеч мешок с картошкой и, крадучись, пошёл вперёд. Следом за ним пошёл и Ванюшка.

Но через минуту Микола остановился так неожиданно, что Ванюшка наткнулся на него. Микола быстро встал за толстое дерево.

— Слышишь?—спросил он.

Ванюшка не привык врать и поэтому сознался чистосердечно:

— Ничего не слышу.

— Слушай внимательнее...

Да, теперь Ванюшка слышал какой-то отдалённый шум.

Микола прилёг на землю, его примеру последовал и Ванюшка. Метров триста они проползли по-пластунски. Микола пристально посмотрел вперёд и спросил:

— Видишь?

Ванюшке было даже неудобно, но опять, чтобы не соврать, он ответил:

— Ничего не вижу...

— Смотри вот между этих двух берёз... Видишь возвышенное место?... Это шоссе.

— Ну и что же?—не придавая этому обстоятельству особого значения, спросил Ванюшка.

— А вот что,—ничуть не обидевшись на наивный вопрос горе-разведчика, объяснил Микола.—Во-первых, нам надо немедленно убираться отсюда. Немцы строго охраняют дорогу. Видишь, даже по сторонам её деревья срубили... А во-вторых, здесь где-то близко есть партизаны...

— Почему вы так думаете?

— А потому и думаю, что раз есть шоссе, то должны быть и партизаны.

«Ох и ловкач же этот дядя Микола!—подумал про себя Ванюшка.—Без него мы пропали бы».

В это время вдали снова послышался гул. Микола и Ванюшка ясно видели идущие по дороге грузовики.

— Надо уходить!—встревожился Микола.

Вскочив, они побежали к тому месту, где оставили

Саньку и, почти не останавливаясь, двинулись вглубь леса.

Вечерело. В лесу уже сгущались сумерки, а беглецы всё шли и шли. Хотелось есть, и в то же время нестерпимо мучила жажда.

К довершению всего начал отставать Санька. Ванюшка, у которого за пазухой была набита картошка, взял у Саньки пиджак, но Санька был уже не в состоянии прибавить шагу.

— Потерпите, хлопцы, потерпите малость, скоро отдохнём и поужинаем,—подбадривал ребят Микола.

Он уже облюбовал для ночлега невысокий пригорок, смутно видневшийся в сотне метров впереди, и только что хотел сообщить об этом ребятам, как вдруг услышал где-то позади себя лай нескольких собак.

На этот раз даже сам Микола на минуту растерялся. Он сразу понял, в чём дело. При прочёсывании лесов, гитлеровцы, боясь заходить в них наугад, пускали впереди себя собак-ищеек. Эти небольшие мохнатые лайки отличались звонким пронзительным лаем, свирепостью и необыкновенно тонким чутьём. Микола догадывался, что именно эти собаки напали на их след.

— Бежим!—вполголоса крикнул он.

С ребят усталость как рукой сняло. Совсем падавший перед этим Санька не отставал от Ванюшки. Натыкаясь на кусты, задевая плечами деревья, они бежали и бежали, стараясь не отстать от Миколы, который оправившись от минутного испуга, уже успел разработать план спасения. Сделав небольшой круг, он направился к болоту, мимо которого они только что прошли. Надо было перебежать, а если это понадобится—переплыть болото, чтобы сбить собак со следу... Вот под ногами уже захлюпала вода, вот и само болото... Неужели они, только что вырвавшиеся из крепко запертого вагона, не сумеют сохранить свободу в этом необъятном дремучем лесу?

Как это делает всякий преследуемый, Ванюшка на миг обернулся назад и увидел перепрыгнувшую через пень небольшую чёрную собаку. В одно мгновение она догнала бежавшего сзади Саньку и вцепилась в него.

— 'А-а-а!—крикнул Санька.

Не помня себя, Ванюшка схватил валявшийся под ногами толстый сук и бросился на помощь другу. В этот момент показались ещё две собаки, но, увидев размахивающего палкой Ванюшку, пробежали мимо.

Неизвестно, что случилось бы с Санькой, если бы не подоспел Ванюшка. Он так хватил висевшего на Саньке пса палкой по башке, что даже Санька перегнулся и застонал. Собака свалилась и начала биться в предсмертных судорогах.

— Не оживёт?—спросил искусанный, насмерть перепуганный Санька.

— А чтобы не ожила, мы ей добавим...

С этими словами Ванюшка схватил собаку за задние ноги и три раза ударил головой об дерево.

— Теперь не оживёт...

— Давай сюда, хлопцы! Быстрее!—послышался встревоженный голос дяди Миколы.

Ребята подошли к нему.

— Вот, вы двое одну прикончили, а я один двух,— пошутил он.—Но у меня и оружие лучше вашего,—показал он на испачканный в крови кинжал.

И, неожиданно меняя тон, проговорил:

— Ну, вот что, хлопцы. От четвероногих псов мы спаслись. Теперь надо спастись от псов двуногих. Они ходят вслед за собаками... Пошли!

Они уже взошли на ту возвышенность, которую Микола облюбовал было для ночлега, когда услышали позади себя крики:

— Хай! Хай!

— Ай! Ай!—отвечал лес.

— Теперь догоняй!—пошутил Микола, ускоряя свой и без того быстрый шаг.

XIX

Микола вёл Ванюшку и Саньку всё дальше и дальше вглубь леса. Ребята шли не отставая, но Микола чувствовал, что за день почти непрерывной ходьбы они измучились. Да и сам он устал смертельно.

Остановившись около старой ели с густым лапником, он сказал:

— Хватит, будем ночевать.

Костёр разжигать было нельзя: немцы могли идти по пятам. «Хорошо, что в прошлый раз картошки запас напекли»—подумал Микола.

Первой его мыслью было накормить ребят. Снимая с плеч мешок, развязывая его и доставая картошку, Микола думал о том, с каким терпением эти два подростка переносят лишения, невзгоды и опасности, которые могут надломить даже взрослого.

— Хлопцы,—негромко окликнул он, — давайте ужинать.

Но, удивительное дело, ему никто не ответил.

— Хлопцы! Ваня!—несколько повысил голос Микола.

И снова молчание.

Раздвинув свисающий почти до земли лапник, Микола зашёл под устроенный самой природой шатёр и споткнулся о чьи-то ноги. Склонившись, он пощупал руками и понял, что ребята спали непробудным сном.

Выйдя из-под навеса, он захватил мешок и устроился около спящих ребят. Усталость сковывала его, но сон не шёл. О чём только не передумал Микола?.. Вспомнился родной дом, тюрьма, побег из вагона... Но больше всего он думал о своих, спящих рядом, маленьких друзьях. Микола понимал, что для них теперь он—единственная надежда и опора. Удастся ли спасти их

до конца? Вот они прячутся по лесам, как звери от охотника... А сколько ещё испытаний может встретиться на пути... Эх, скорее бы найти партизан!

Усталость брала своё. Мысли уже теряли отчётливость, начали путаться. Ещё минута—и Микола впал бы в забытё. Но в это время слух его уловил гул авиационного мотора. Самолёт шёл на большой высоте.

Микола не придал бы этому никакого значения—мало ли самолётов летает ночью? Но этот самолёт вёл себя как-то странно. Он пролетел, потом вернулся и, сделав несколько кругов над лесом, снова улетел, на этот раз совсем.

«Чего этот лиходеи тут выискивал?—размышлял Микола.—Да и чего бы он увидел, когда стоит такая непроглядная темень и облака такие плотные, что ни одной звезды не видно?»

Чувствуя, что у него слипаются веки, Микола прижался спиной к кому-то из ребят, и сладкая дремота уже охватила всё его тело. Где-то, совсем близко, затрещали сучья, и вслед за этим кто-то отчётливо выругался:

— Э-эх, чорт!

Микола вскочил и выхватил пистолет. «Кто это может быть?»

Он хотел было разбудить ребят, но раздумал, боясь, что они спросонок могут наделать много шума.

«Бежать сейчас или повременить? Кто же всё-таки там?—терялся в догадках Микола.—Немец? Но выругался по-русски... А может быть, такой же, как и мы: бежит от немцев?»

Он поставил пистолет на предохранитель и осторожно пошёл в том направлении, откуда послышался голос... Остановливаясь через каждые пять-шесть шагов, Микола прислушивался, но кругом попрежнему стояла ничем не нарушаемая тишина. Он не смог бы сказать, сколько простоял, не шевелясь и умерив дыхание. Ему

уже начало казаться, что и шум, и треск сучьев и человеческий голос он слышал во сне, что это не иначе как результат перенапряжения нервов. Микола тихо повернулся, чтобы идти обратно, но в эту минуту услышал за спиной тот же голос, на этот раз более отчетливый:

— Вот это номер!

«Русский»—обрадовался Микола и смело двинулся вперед. Пройдя шагов пятнадцать, он остановился и совсем недалеко от себя заметил тень человека, который висел между двух деревьев. Раскачиваясь и извиваясь, незнакомец тянулся руками вверх, стараясь за что-то зацепиться. Понаблюдав, Микола определил, что человек этот—повисший на дереве парашютист.

Не стерпел, окликнул:

— Эй, человек! Кто ты?

— Не приближайся, стрелять буду!—закричал незнакомец.

Микола даже остановился от неожиданности. Его удивили не страшные слова человека, беспомощно барахтающегося в воздухе, а голос, каким эти слова были сказаны: нежный, звонкий девичий голос...

— Ладно,—спокойно сказал Микола, сознавая, что сейчас все преимущества на его стороне.—Застрелить человека—дело нехитрое, только будет ли от этого толк? Кто ты?

— А ты кто?

— Я?.. Слышишь, по-русски разговариваю.

— И я не по-немецки.

— Слышу.

— Ты, случайно, не... партизан?

— Случайно, нет...

— Что же делаешь в лесу ночью?

— Счастья ищу.

— Не шути!

— Не шучу... Говорю истинную правду.

— Ну, а если счастья ищешь,—стараясь придать

строгость своему голосу, проговорила девушка,—то иди своей дорогой.

Но ничто теперь—ни строгий голос, ни страшные угрозы не могли обмануть Миколу. Он понял, что перед ним русская девушка, парашютистка, которую сбросил недавно пролетающий над лесом самолёт. И он сказал голосом мягким, даже ласковым:

— Брось пугать, доченька! Поверь честному слову русского человека... Давай слезай на землю, и поговорим. Договоримся—пойдём вместе, не договоримся—лес велик, и дорог в нём много... Слезай давай...

— Да я бы давно слезла, да повисла... Замучилась, никак не выберусь,—примирительно сказала девушка.

— А что надо сделать?

— Надо перерезать стропы парашюта.

— Ну, это мы как-нибудь сделаем...

Микола взял в зубы кинжал и начал карабкаться на дерево.

XX

Теперь уже четверо пробирались по лесу. Девушка изредка посматривала на компас, намечая направление. Ванюшка и Санька присматривались к ней. Короткая куртка её была хорошо пригнана, на голове щеголевато надет темносиний берет; через правое плечо перекинут автомат, на поясе в брезентовых чехлах—три запасных диска, а в руках два небольших чемоданчика.

Девушка шла, не произнося ни слова. Она чувствовала, что люди, которые идут за ней,—надёжные люди, и она их ведёт, а не они её, что всегда так важно во вражеском тылу.

Когда первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев, спутники вышли в поредевший лес. Стало попадаться много обомшелых пней, и это молчаливо говорило о близости населённого пункта. Лес редел всё больше и больше. Неожиданно девушка остановилась и

подняла руку. Все замерли в ожидании чего-то значительного.

— Слушайте,—полушопотом сказала она.

В сторонке деловито стучал дятел, но никто не усмотрел в этом ничего подозрительного: на то он и дятел, чтобы стучать. Но через какую-нибудь минуту все отчётливо расслышали отдалённое пение петуха.

— Слышите?—спросила девушка.

— Как его фрицы не сожрали?—пошутил Ванюшка.

— Кого?—недоумённо посмотрела на него парашютистка.

— Да петуха этого?

— А я не о петухе...

— А о чём?—спросил Микола.

— Тогда слушайте ещё... Тихо!..

Да, теперь все слышали отдалённый гул моторов.

Девушка встала на колени и, махнув рукой остальным, приглашая этим следовать её примеру, поползла. Все проползли почти до самой опушки и увидели идущие по дороге закрытые брезентами грузовики.

Случайная спутница, оказавшаяся теперь вожаком группы, достала из-за голенища сапога карту и, положив на неё компас, повернула её, смотря то на дорогу, то на видневшуюся слева деревню.

— Болото не встретилось на вашем пути?—спросила она, не отрывая глаз от карты.

— Вчера попало, —сообщил Микола,—мы его обходили влево.

— Ясно. Теперь тронемся.

И она начала отползать обратно в лес. За ней ползли все остальные. Когда на пути попались густые заросли кустарника, девушка поднялась и, выбрав сухое место под берёзой, села.

— Теперь полный порядок,—повеселев, сказала она.—Я уточнила направление движения... Сейчас, как

это заведено, перед большим переходом—пять минут роздыха, и в путь...

Точно через пять минут тронулись. Шли несколько часов не отдыхая. Девушка часто сверялась с компасом и всю дорогу шла впереди. Подойдя к выемке между холмами, она сказала:

— Устроим большой привал.

На этом привале, между прочим, девушка рассказала своим спутникам о себе.

До войны она училась в одном московском институте, откуда добровольно пошла на фронт санитаркой. Сначала работала в госпитале под Москвой, но это ей не нравилось, её тянуло к боевой работе. После долгого хождения по начальникам, она выпросилась в школу радистов. Окончив эту школу, прошла курсы парашютистов и была выброшена в немецкий тыл для работы в одном из партизанских отрядов, находившихся в Брянских лесах.

На необычно появившуюся в лесу спутницу Ванюшка и Санька смотрели с восхищением. Они слушали её, затаив дыхание. Ванюшка поглядывал на автомат и думал о том, как появляются радисты в партизанских отрядах. «Вот, наверное,—размышлял он,—и радист дубовского отряда так же, как и эта девушка, которая назвала себя Зоей, однажды ночью спустился в лес с парашютом»,—хотя тот никогда не рассказывал ему, о своей жизни и тем более не говорил о том, как очутился у дубовцев.

Сложнее были мысли Миколы. Он выискивал на юном лице девушки с ямочками на розовых щеках черты мужества и не находил их. «Но,—думал он,—храбрость несомненно есть в её душе и, видимо, кроме смелости, у этой девушки есть ещё хорошие знания и опыт». Он удивлялся тому, как быстро она ориентируется по карте, как уверенно идёт по компасу, как быстро нашла место, в котором они находились.

— А потом в одном бою партизан с мадьярским полком меня ранило осколками мины,—продолжала свой рассказ Зоя. В глазах её блеснули огоньки, как будто она вновь увидела наступающие мадьярские цепи.—На Большую Землю меня вывезли самолётом, и я лечилась в том самом московском госпитале, в котором сама работала санитаркой. Ничего, выздоровела и опять пошла по начальству—проситься в тыл врага... Вот и выпросилась... На дереве повисела, с вами поругалась, а теперь в каком-то лесу ищу своих... Хорошо!—неожиданно добавила она и тихонько засмеялась.

Узнали ребята и о том, как небо послало им эту замечательную спутницу. Зоя летела в партизанский отряд, но лётчик из-за густой облачности не мог найти места точного расположения и выбросил её над лесом, в предполагаемой близости отряда.

— Это бывает,—сказала Зоя.—Но мы найдём партизан. Теперь уже найдём!

Микола разложил на траве печёную картошку.

— Угощайтесь... Как говорится, чем богаты...

— Верно, надо покушать,—спохватилась Зоя.

Она открыла чемоданчик, и все увидели в нём какую-то машинку, по бокам которой лежал шоколад, консервы и галеты. Она проворно вскрыла банку с консервами, положила галеты и в свою очередь предложила:

— А вы угощайтесь подарками с Большой Земли.

Ванюшка съел картофелину и на предложение Зои попробовать консервов стеснительно ответил:

— Кушайте сами...

— Бери, бери!—настойчиво сказала Зоя.—У партизан такой закон—всё пополам: и пища, и патроны.

Все поели картошки с консервами, а затем разделённую на четыре равных части плитку шоколада.

— Ну, каяр!¹—проговорила, вставая, Зоя.

¹ Ну, пошли!

Микола с Ванюшкой, услышав незнакомое слово, переглянулись, а Санька с любопытством взглянул на неё и, к всеобщему изумлению, спросил:

— Эсир чăваш-и?¹

— Çапла, эпĕ Шупашкартан,²—ответила Зоя и с не меньшим любопытством посмотрела на Саньку.

— Апла эфир пĕр енчисем?³—спросил Санька.

— О, хамĕр ял!⁴—засмеялась Зоя.—Да, я из Чебоксар. Оказывается,—повернулась она к Миколу с Ванюшкой,—у меня среди вас есть земляк... Ты из какого района?

— Из Сундырского,—ответил Санька.

— Да ты, оказывается, самый настоящий земляк, без всякой подделки,—опять засмеялась Зоя.—Но как ты попал сюда?..

Санька опустил глаза, лицо его сделалось сразу грустным. Это не ускользнуло от Зои, видевшей много детского горя. Она правильно поняла, что Саньке тяжело об этом рассказывать. Чтобы исправить свою оплошность, ласково потрепала его по плечу и сказала:

— Ну, ладно, когда-нибудь расскажешь... Ах, земляк, земляк, хамĕр ял! Бывают же такие встречи!..

И она снова заговорила по-чувашски, всё время чему-то улыбаясь. Соскучившийся по разговору на родном языке, Санька говорил что-то пространно, непрерывно жестикулируя, и печать довольства не сходила с его лица.

— Ну, а теперь пора в путь, нам далеко ещё идти,—внезапно оборвав разговор с земляком, сказала Зоя. Она вновь развернула карту и, посмотрев на неё, передвинула на азимутальном кругу компаса визирную планку.

¹ Вы чувашка?

² Да, я из Чебоксар.

³ Значит, мы земляки?

Шли опять долго. День уже клонился к вечеру. Микола только было хотел сказать, что пора немножко отдохнуть и поесть, как из-за кустов вышло двое мужчин с автоматами. Один, тот, что был постарше, командовал:

— Стой! Руки вверх!

Второй спросил:

— Что за люди? Куда идёте?

— В партизанский отряд «Кровь за кровь»,—ответила Зоя и, не давая возможности задать ей новый вопрос, добавила:—До этого места нас довёл компас, а теперь ведите вы.

— А и шустра же ты, дочка,—заметил пожилой.— Не простая, видать...

— Уж какая есть, не переделаешь,—оборвала его Зоя.—А вы, чем исследованием чужого характера заниматься — начинайте действовать. Проводите нас к товарищу Кравчуку.

При упоминании фамилии Кравчука мужчины переглянулись и, сойдясь вместе, о чём-то пошептались.

— Ну, когда так,—пошли...

— Возьмите мои чемоданчики... Совсем одичали, за девушкой поухаживать не могут,—пошутила Зоя.

Все рассмеялись. Автоматчики взяли чемоданчики и повели задержанных еле заметной тропинкой в чащу леса.

XXI

В расположение партизанского отряда пришли в сумерки. Долгое время брели по дну лесной впадины, густо заросшей лозняком, и, наконец, вышли к небольшим кострам, около которых сидели партизаны. Картина, представившаяся взору пришельцев, напоминала военный бивуак. На деревьях висело оружие, в некоторых местах винтовки стояли в козлах, лошади, с опущенными подпругами сёдел, неторопливо жевали овёс.

Шедший впереди партизан обратился к Зое:

— Получите ваш чемоданчик, я быстро...

Он сразу затерялся среди костров и вскоре вернулся, но уже не один, а с мужчиной, одетым в синий китель и галифе. На боку у него висела большая кобура.

— Вот они, товарищ командир,—доложил партизан. Зоя сделала шаг вперёд, приложила руку к берету.

— Товарищ командир отряда! По приказанию начальника центрального штаба партизанского движения Союза ССР прибыла в ваше распоряжение. Радистка Зоя Сергеева. Радиостанция и генератор в полной сохранности!—отрапортовала она.

— Отлично!—командир пожал радистке руку.— Больше недели ждали вас.

— Задержалась не по своей вине.

— Об этом после... А эти кто? — спросил он, кивнув в сторону Миколы, Ванюшки и Саньки.

— Случайные товарищи. Я их встретила в лесу. По их словам, они выпрыгнули из эшелона, который увозил наших людей в Германию.

— Когда?—спросил командир.

— Вчера перед рассветом,—ответил за всех Микола.

— Откуда сами?

— Я с Украины, из под Винницы. Был в фашистской тюрьме, затем в лагере... И удрал.

— Гм...—командир взгляделся в Миколу и улыбнулся.

— Ребята откуда?

— Из разных мест... В сборном лагере перед отправкой в Германию подружились. Бежали вместе.

— Хорошо,—заклучил командир. Он посмотрел на ребят, и, повернувшись к стоявшему рядом с ним партизану, распорядился:—Степан, отведи этих товарищей на кухню, прикажи повару накормить, после ужина устрой их на ночлег... А вы, товарищ Сергеева, пойдёте со мной.

Командир отряда с радисткой пошли к штабной землянке, остальные тронулись за Степаном. Видя хорошее отношение командира к пришедшим, Степан ударился в разговор.

— Живём мы, конечно, в лесу,—деловито рассуждал он,— а зверями не стали. Не голодаем, голыми не ходим, и что по белу свету творится—тоже знаем... А всё, скажу вам, от командира зависит. Наш командир, товарищ Кравчук,—стоящий командир, с гражданской войны в партии состоит, огни и воды прошёл. Он у нас за каждого партизана душой болеет... Вот и вас — сразу же угощать! Другой командир — шалишь бы! Другой бы сказал: «Постой, сначала посмотрим, кто ты таков, достоин ли ты партизанского хлеба?» А наш Кравчук не такой. Он с первого взгляда определит: свой ли, чужой ли ты... Месяц тому назад один заявился к нам. Не молодой, уж борода в седицах. Лицо распарано, одежда—одни лохмотья, на человека не похож. «Вот пришёл к вам,—говорит.—Последнего поросёнка фрицам не отдавал, ну и пострадал. Еле-еле разыскал вас». А наш Кравчук обглядел того со всех сторон, лохмотья все обглядел, да и в душу, видно, заглянул, и говорит: «Ну, что ж, давай, обживайся у партизан». А нам приказывает: следить, глаз не спускать с пришельца... И что же вы думаете? Застрелили мы потом этого подлеца. Подлинным подлецом оказался. Немцы подослали его убить нашего Кравчука... Трудно влезть в душу человека с первого знакомства, а вот наш Кравчук умеет... Умеет...—добавил он.

— Да, бывает...—в раздумье промолвил Микола.

— Я вот и сам насквозь вижу людей,—несколько хвастливо продолжал Степан.—Давеча, как увидел вас...

Но рассказать о себе он не успел: подошли к большому шалашу-кухне.

— По распоряжению командира накормить вот этих товарищей доотвала,—распорядился Степан.

— Есть доотвала!—весело отозвался повар.

Но это оказалось не так-то легко. После долгой голодовки, Микола, Ванюшка и Санька опоражничивали одну посудину за другой, каждый раз в таком случае поглядывая на повара.

А тот с весёлой улыбкой угощал:

— Кушайте, кушайте, не объедите. У немцев продовольствия разного много. Мы хорошо у них снабжаемся...

Жизнь лагеря постепенно замирала: движения становилось меньше, костры догорали, лес наполнялся темнотой, и от этой замирающей жизни ребятам становилось немного тоскливо.

— Ну, а теперь пойдёте спать,—предложил Степан, когда все наелись.—Небось, утомились вы... Пошли за мной. Я вам землянку покажу. Дворец, а не землянка! Хозяева её ушли на задание, вернутся только к завтрашнему вечеру. Можете спать хоть сутки...

Степан привёл их в землянку, зажёл спичку, и слабый свет озарил небольшую, заваленную сеном комнату без окон.

— Располагайтесь... Спокойной вам ночи.

Оказавшийся таким добродушным и исполнительным, Степан вышел из землянки, и его шаги потонули в неясном шуме засыпающего партизанского лагеря.

Друзья повалились на сено и вполне согласились, что это не кошечная подземная каморка, а самый настоящий дворец. Так показалось бы всякому, кто уже давно не ощущал над собой кровли, а под своим боком—ничего, кроме земли или, в лучшем случае, досок. Усталость взяла своё, и все трое сразу заснули спокойным сном.

... Раньше всех поднялся Микола. Он вышел, побродил около землянки и вернулся обратно. К этому времени проснулись и ребята.

— Ну, каково, молодая гвардия?

— Ой, хорошо, дядя Микола!—потягиваясь, ответил Санька.—Как дома!

В двери землянки показался Степан. Он пожелал всем доброго утра и сказал, что пора уже завтракать. Микола рассмеялся:

— Вот, ребята, вместо каторги в настоящий санаторий попали.

— После завтрака,—сообщил Степан,—старшему надо будет подойти к товарищу Кравчуку.

Микола заторопился:

— Ну, хлопцы, быстрее.

Наевшись гречневой каши и выпив кружку чая, Микола в сопровождении Степана пошёл к командиру отряда. Ребята, окружённые партизанами, рассказывали о себе, поджидая своего вожака и спасителя. Терпение их начало уже иссякать, когда из-за кустов неожиданно появился Микола.

— Ну, как? Что сказал командир?—в один голос спросили его Ванюшка и Санька.

— Пойдёмте к землянке, там расскажу.

Придя к своему жилищу, они выбрали местечко поудобнее, сели, и Микола зачем-то полез в карман. Ванюшка и Санька следили за каждым его движением. А тот, не торопясь, вынул пачку махорки, бумагу, свернул цыгарку и сладко затянулся. Ребята с удивлением, как на большую редкость, смотрели и на махорку, и на коробку спичек, появившихся у Миколы, но вопросов ему не задавали, ожидая, что скажет он сам.

— Верно говорил этот Степан,—начал Микола,—верно... удивительный человек ихний командир Кравчук. Украинец, земляк мне будет, до войны в райкоме партии работал в Винницкой области...

— А примут они нас в отряд, дядя Микола?

— Беспокойтесь?—Микола помолчал, выпустил через нос сизый клуб дыма и ответил:—Примут, хлопцы, обязательно! Уже приняли!

— Неужто приняли?—радостно переспросил Ванюшка. Глаза его горели тем огнём радости, какой всегда появляется у людей, мечты которых сбылись.

— А теперь, хлопцы, такое дело...—Микола помедлил.—Товарищ Кравчук хочет с вами поговорить сам и велел мне сейчас же привести вас к нему.

— А вы разве, дядя Микола, не рассказывали про нас?

— Я-то рассказывал, но он сам хочет с вами поговорить. Командир должен в своём отряде каждого знать.

Ванюшка с Санькой переглянулись и разом, точно по команде, уставились на Миколу.

— Не паникуйте,—успокоил тот, заметив, что его юные друзья волнуются.—Фашистам страшен тот Кравчук, а до своих он добрый.

Робко входили в землянку командира отряда Ванюшка и Санька. Кравчук встретил их в дверях.

— Душно здесь, хлопцы, айда на волю.—Он первым вышел из землянки, сел на пороге и спросил:—Отдыхали как?

Уже через минуту ребята не чувствовали никакой неловкости, как будто разговаривали не с прославленным командиром партизанского отряда, а с добродушным дядей Миколой.

Кравчук расспрашивал о том, кто где родился, кто были родители, как очутились в этих лесах. Когда Ванюшка начал рассказывать о расстреле дубовцев, о том, как спасся и попал в партизанский отряд, Кравчук насторожился:

— В каком ты был отряде?

— «Смерть фашистам»,—ответил Ванюшка и так посмотрел на Кравчука, как будто бы тот давно должен был знать об этом.

— А как фамилия командира этого отряда?

— Фамилия?.. Фамилия...—запнулся Ванюшка.— Не знаю...

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!—удивился Кравчук.—Как же это так, не знать фамилии своего командира?

— Его все называли дядя Коля,—смущённо пробормотал Ванюшка, втайне сердясь на себя за то, что не знает фамилии дяди Коли.

— Ну, а ещё как его звали партизаны?

— Фельдшер Фёдор Иванович всегда звал его Николаем Васильевичем.

— А кто начальник штаба этого отряда?

— Начальник штаба — мой дядя, Семён Петрович Коробов. Он ранен, и самолёт увёз его на Большую Землю.

— Так,—похлопал Ванюшку по плечу Кравчук.— Знаю я и дядю Колю и Семёна Петровича... Дядей, значит, он тебе приходится? Хорошего ты, выходит, роду-племени...

— А откуда вы их знаете?—спросил ободрённый похвалой Ванюшка.

— Знаю,—мягко улыбнулся Кравчук. — Партизан партизана знает... А Николая Васильевича Ломова только позавчера видел...

Ванюшка не утерпел, перебил:

— Где, товарищ командир?

А дядя твой,—как бы не слыша вопроса, продолжал Кравчук,—выздоровливает и скоро вернётся в отряд.

— Ой, товарищ командир, правду говорите?

— Не вру, так, значит, правду говорю,—улыбнулся Кравчук и замолчал, изучающим взглядом оценивая ребят.

— Что же теперь будем делать, хлопцы?—спросил он после некоторого раздумья.—У нас порядок такой:

каждый что-то должен делать, должен за что-то отвечать.

— Что прикажете, то и будем делать, товарищ командир,—на этот раз ответил Санька.

Кравчук встал. Поднялись и ребята.

— Хорошо, хлопцы, найдём вам работу по плечу... А сейчас марш к вашему дяде Миколе и чтобы такое условие: во всём его слушаться...

— Есть, во всём слушаться дядю Миколу!—совсем повеселели Ванюшка с Санькой и, обнявшись, побежали к своей землянке.

А Кравчук стоял, долго смотрел им вслед, и сердце его было наполнено не знающей границ отцовской радостью.

XXII

Командир отряда «Кровь за кровь» был из тех людей, которые не любят медлить. Проводив ребят, он тут же приказал своему ординарцу:

— Позови мне Михася.

Уже через пять минут перед Кравчуком стоял молодой партизан, один из тех, кто вчера задержал Миколу и его спутников.

Был этот Михась, по фамилии Чуб, ещё совсем юноша, с буйными кудрявыми волосами и жгучим взглядом озорных глаз. Он заслуженно считался в отряде лучшим разведчиком. Ему поручались самые ответственные дела и ему же, Михасю Чубу, попадало от Кравчука больше, чем другим. В отряде уж установилось мнение, что если Кравчук вызывал Михася, то на это были только две причины: или Михась получал сложное боевое задание, или Кравчук устраивал ему очередную «баню». Партизаны настолько изучили Михася, что безошибочно могли определить — зачем его вызывали в штаб. В первом случае он выходил из землянки важно, преисполненный довольства и

независимости. Зато после «бани», под незлобивый смех товарищей, вылетал пулей, и те, помня долг вежливости, поздравляли его:

— С лёгким паром, Михаил Григорьевич!

— Спасибо,—огрызнулся Михась. — Веничков-то у него и про вас хватит.

Попадало же Михасю от Кравчука совсем не зря. Ругал его командир за излишнюю горячность и особенно за ту, иногда очень вредную, удасть и безрассудное молодечество, из которых почти сплошь и состояла боевая биография молодого партизана.

Как-то, будучи в разведке, Михась зашёл в одну деревню и попал на собрание. Толстый, точно откормленный боров, комендант на чём свет стоит ругал стоявших перед ним колхозников за несвоевременную доставку продуктов. Затерявшись в толпе, Михась не столько слушал угрозы коменданта, сколько разрабатывал план действий.

— Всех отправлю в Германию!—кричал комендант.

— Не успеешь,—про себя сказал Михась.

Тихо, осторожно, сантиметр за сантиметром, он пробирался через толпу, и, выбравшись вперёд, в упор выстрелил в коменданта. Тот, даже не успев сообразить в чём дело, рухнул мёртвый. Был убит и сидевший рядом с комендантом предатель-староста.

Михасю удалось благополучно перескочить через забор, но его заметили, и за ним погнались немцы. «На голову надейся, а о ногах не забывай»,—шутил часто Михась, рассказывая товарищам о своих многочисленных приключениях. Ноги и на этот раз выручили его. Ему удалось добежать до леса и спрятаться в болоте. В отряд он вернулся только через двое суток — голодный, грязный, но неизменно весёлый и неунывающий.

За этот проступок Кравчук особенно крепко «парил» Михася.

— Храбрость без ума немного стоит,—сказал он подконец.

— Душа не вытерпела,—оправдывался Михась. — Стоит, как идол, и наших русских людей ругает... А то я не стал бы с этим чортом связываться...

Каждый раз Михась давал Кравчуку слово больше не заниматься подобными делами и каждый раз нарушал его.

Однажды, после очередных приключений, которые стали известны Кравчуку, он вызвал Михася и даже не ругал его, а сказал спокойно:

— Будешь отсиживаться на базе, в разведку, больше не пойдёшь.

Именно этого Михась боялся больше всего. Ему казалось, что для него теперь всё потеряно. Сидеть на базе, когда душа рвётся в бой, когда весь смысл жизни заключается для него в движении, риске и опасности... Может ли быть какое-нибудь наказание суровее этого? Просить Кравчука?.. Но уже не раз нарушенному честному слову он не поверит и, тем более, ни за что не отменит своего решения. Не таков командир Кравчук!.. И Михась, не выдавая своего волнения, коротко отрезал:

— Есть отсиживаться на базе.

И вот теперь, идя в штабную землянку, он терялся в догадках — зачем бы мог позвать его командир? Уже целую неделю он никуда из лагеря не выходил, нёс скучную караульную службу, и никаких проделок за собой не знает. Выходит так, что на этот раз бани не предвидится. «А, может быть, простил?—питая очень слабую надежду на это, подумал Михась.— Нет, этот из железа, этот не простит».

Попросив разрешения, он вошёл в землянку и доложил:

— Партизан Чуб по вашему приказанию явился!
— Садись,—неожиданно предложил Кравчук.

Он пристально посмотрел на Михася и сразу заметил, какая разительная перемена произошла в этом человеке. В нём не было привычной живости, кудри, за которыми он так любовно ухаживал, потеряли былую пышность, и даже блеск всегда озорных его глаз как будто потух.

— Вот что, Михась,—медленно выговорил Кравчук.—Я хочу поручить тебе одно важное дело...

— Задание?—поспешно встав и опуская руки по швам, спросил Михась.

— Сиди, я сам скажу,—перебил его Кравчук.

— Слушаюсь!..

— Ты знаешь, что к нам в отряд прибыло двое ребят?

— Знаю. Сам привёл их.

— Ну, как они, по-твоему?

— Как бы сказать? Ничего вроде пацаны...

— Ну, и я так думаю, что ничего... Беда только в том, что они ничего не знают и ничего не умеют. Их надо учить, воспитывать... Их надо сделать партизанами.

— Хорошее дело!—согласился Михась.

— Вот я и хочу поручить это дело тебе...

Михась удивлённо взглянул на командира, подумал: «Значит, ещё не совсем я у него из веры вышел».

— Ну, как?—прервал эти размышления Кравчук.

— Если надеетесь...

— Если бы не надеялся, то и не позвал бы,— снова перебил Кравчук.—Именно ты будешь им лучшим учителем. И не только потому, что сам ловок и опытен, а ещё и потому, что сам ты совсем недавно был таким, как они.

— Это верно!—согласился Михась.

— Мы тебе поможем. Но помни: дисциплина —

Прежде всего. Учитель должен показывать пример ученикам.

— Понимаю, товарищ командир.

— О своей работе будешь мне докладывать.

— Слушаюсь! Можно идти?

— погоди...—Кравчук помедлил, как бы обдумывая что-то.—Вот что, Михась... Это не в моих правилах, но для тебя я сделаю исключение... Если выполнишь это моё поручение — я сниму с тебя наказание.

— Будет выполнено, товарищ командир!—не помня себя от радости, гаркнул Михась.

— Иди!

Собравшиеся около землянки любопытные, специально пришедшие поздравить Михася с лёгким паром, на этот раз были сбиты с толку. Действительно, Михась выскочил из землянки пулей, но на лице его было столько радости и блаженства, что от него, кажется, исходило сияние.

— Задание получил... Простил, видно, Кравчук-то,—решили озадаченные Михасевы благожелатели.

XXIII

Партизанская война своеобразна, и дело партизана очень сложно. Он должен знать много таких вещей, без которых легко может обойтись боец регулярной армии.

Михась Чуб не кончал никаких военных школ, но оказался неплохим учителем. В этом помог ему богатый практический опыт.

В первые дни он научил ребят обращению с ручным оружием: винтовкой и автоматами—отечественным и немецким. Учились Ванюшка и Санька прилежно, показывая отличные успехи. Но особое внимание в неписанной программе Михася было уделено обращению с минами и различными взрывчатыми веще-

ствами. Свой первый урок по этому вопросу Михась начал словами:

— Минёр ошибается только один раз в жизни...

Он толково объяснил, почему минёр ошибается именно однажды. Ребята знали это и раньше, но объяснения Михася убедили их ещё раз, что минное дело надо изучить особенно тщательно. Этому же добивался и Михась. Совместные усилия учителя и учеников не пропали даром. Как-то вечером Михась зашёл к Кравчуку и в несколько кудреватых выражениях доложил, что отряд «Кровь за кровь» пополнился двумя толковыми минёрами.

— Благодарю за службу!—похвалил Кравчук обрадованного Михася.—Продолжай, учи ребят, они ещё нам пригодятся.

И Михась продолжал. Он удивил ребят, когда начал преподавать им специально партизанскую науку условных сигналов. Ванюшку и Саньку даже охватило разочарование. Им показалось, что они никогда не смогут научиться делать это так, как делает их учитель. А Михась и взаправду был артистом этого дела. С неподдельным подражанием он заливался соловьём, куковал кукушкой, ухал по совиному, свистел скворцом, трещал сорокой.

— Не сможем,—сознавались Ванюшка и Санька, опечаленные первыми неудачами.

— Медведя учат, а вас-то уж как-нибудь выучу,—не унывал Михась.

А когда выучил, пожурил ребят:

— Никогда и ни в чём не отчаивайтесь. Это партизану не годится.

Данное Кравчуку слово Михась держал с честью. Он был неутомим. Пройдя полный курс звукоподражания лесным пернатым, он начал обучать их тому, как ловчее залезть на дерево, спрятаться в его листе,

как ориентироваться без компаса: по коре деревьев, сплётным пням и по небесным светилам.

Несколько раз на занятия приходил Кравчук. Выслушав доклад Михася, он всегда говорил:

— Молодцы, ребята! Старайтесь быть настоящими партизанами.

Но как ни интересна была учёба, она начала ребятам прискучивать. Ванюшка как-то сказал Михасю:

— Учёба — дело хорошее, а когда мы всё-таки приступим к настоящему делу?

На это Михась ответил:

— Об этом нас не спросят. Командиры знают, что надо делать... Я и сам по настоящему делу соскучился, а вот жду...

Но ждать им пришлось недолго. Однажды Михася вызвали в штаб прямо с занятий. Он пробыл там с полчаса и вернулся весёлый, возбуждённый. С ходу бросившись на пёстрый ковёр из травы и уже частично опавших листьев, он проговорил:

— Дождались... Пришёл и наш черёд.

— Какой черёд? Расскажи!—приставали Ванюшка и Санька.

Но Михась медлил, испытывая терпение своих учеников.

— Зачем в штаб вызывали, расскажи,—не унимались те.

— Задание получил.

— Какое?—разом вырвалось у ребят.

— Сейчас расскажу...

Михась уселся поудобнее и продолжал:

— Километрах в пятнадцати отсюда, в деревне Бараниха, одна собака продана фрицам. По всей нашей округе пока не было таких негодяев, а вот один нашёлся: заделался старостой и выдаёт карателям наших людей. На днях там повесили две семьи партизан нашего отряда. Выдал их этот староста... Так

вот: задание наше заключается в том, чтобы пристукнуть этого мерзавца. Поняли?

— Поняли!—ответил за себя и за друга Ванюшка.

— А что поняли?—неожиданно спросил Михась.

— Ну... старосту надо убрать.

— А как?

Этот вопрос поставил ребят втупик. Как, в самом деле, можно это сделать?

— Ладно,—выручил их Михась.—Я вас ещё не обучал этому. На месте видно будет, как это можно лучше сделать... А теперь идите к себе, вечером я зайду к вам.

Вечером он зашёл к ребятам в землянку. До этого он уже разработал план операции и посвятил в него своих будущих соучастников.

— А теперь мы кое-что подрепетируем,—сказал он, сев на нары и поставив ребят у двери.—Хоть это мне и противно, но пусть будет так: будто я сейчас не партизан Чуб, а тот предатель, староста из Баранихи, и вы стоите перед ним. Что вам надо делать?

— Что-нибудь соврать,—сказал Санька.

— А что соврать?

— Ну, сказать — кто мы, откуда и зачем пришли в деревню...

— Верно. Вот и прорепетируем.

Михась вдруг топнул ногой и страшным голосом заорал:

— Какого чорта вы таскаетесь по деревням? Что у вас, крова нет?

— Мы... мы идём домой... Убежали из лагеря,—залепетал, всхлипывая, Ванюшка.—Кусочек бы нам...

— Отставить! Никуда не годится!—крикнул Михась.—Подумай, к кому ты заявился?

— К старосте,—не поняв своей ошибки, ответил Ванюшка.

— В том-то и дело, что к старосте. А кто староста?

Предатель, пёс фашистский! А вы докладываете ему, что убежали из лагеря... Да вас тут же на перекладину вздёрут. Так ли я говорю?

— Так,—согласился Ванюшка.

— Со старостой надо иначе говорить. Надо заделаться поклонником Гитлера, чтоб ему подохнуть!.. Давайте снова..

Репетиция затянулась надолго, но Михась вернулся к себе вполне уверенный, что такие ребята его не подведут и дела не испортят.

XXIV

На следующий же день Михась, Ванюшка и Санька собрались в путь. Провожать их пришло много партизан. В числе их были Микола и радистка Зоя.

Пришёл и Кравчук. Он сам проинструктировал Михася и ребят, сказав на прощанье:

— Самое главное — не теряйтесь перед врагом. Если вы его не обманете, он вас обманет, и тогда..

Ванюшка и Санька понимали, какие слова не досказал командир. Но они были почему-то уверены, что операция закончится благополучно и, как умели, заверили в этом Кравчука и всех остальных.

Но прошло положенных два дня, а Михась с ребятами не вернулся. Не вернулись они и на третий день.

Кравчук начал беспокоиться. Уж не втянул ли этот Михась ребят в очередную свою авантюру? Не рано ли он выпустил его из лагеря? Не погубил ли он ребят?

Волнение охватило и Зою. Она вспоминала свою первую встречу с этими милыми подростками, путь по лесным дебрям до лагеря... И от мысли, что их теперь, может быть, уже нет в живых, ей становилось тоскливо.

Но больше всех волновался Микола. Он работал в оружейной мастерской отряда, и у него хватало времени передумать обо всём. Ему, спасшему Ванюшку и Саньку от стольких опасностей, было особенно тяжело сознавать, что они погибли на первом же задании.

Каждое утро он появлялся в землянке Кравчука и тот, даже не дожидаясь вопроса, говорил:

— Нет, Микола, не вернулись...

— Что же могло с ними случиться?—спрашивал Микола.

Кравчук неопределённо пожимал плечами.

— Неужели попались?

— Трудно сказать... Бывает...

— Вожак-то у них, видать, опытный.

— Опытный, но горяч,—не скрывал Кравчук.— Побаиваюсь за него.

Наступили четвёртые сутки, а Михася и ребят всё не было.

— Значит, попались,—сказал Кравчук своему заместителю.—Надо послать разведчиков, пусть всё разведут.

Партизанам, которые должны были пойти по следам Михася, Кравчук наказывал:

— Во что бы то ни стало разузнайте, куда девались Михась и ребята. Если староста жив — прикончить!

— Будет исполнено!

Пожимая разведчикам руки, Кравчук предостерегал:

— Будьте осторожны, чтобы из-за одной собаки нам не потерять людей... Ну, в добрый путь!

Но партизаны ещё не успели тронуться, когда в землянку вбежала Зоя.

— Идут!—радостно закричала она.—Идут, идут!..

— Кто?—вскочил Кравчук.

— Наши! Михась, Ванюшка, Санька...

Кравчук и все остальные поспешно вышли из землянки.

— Вон!—указала Зоя.

И все увидели, как с невысокого пригорка по тропинке гуськом спускались Санька, Ванюшка, какой-то незнакомый человек и замыкавший шествие Михась.

— А кто же четвёртый? — недоумевал Кравчук, вместе с другими направляясь навстречу идущим.

— Пришли?—точно не веря себе, обнимая поочерёдно Михася и ребят, спрашивал он.—Пришли! Но почему так долго задержались?

— Вот этот «фрукт» задержал нас,—указал Михась на лохматого незнакомца.—Не хочет идти в партизанский отряд да и только... Уж я его и так и сяк: и каша, мол, дадим, и спать уложим, а он—ни в какую...

— Так, так,—произнёс Кравчук, вглядываясь в чужака.— Так это тот самый и есть?

— Без подделки, товарищ командир. — Глаза Михася снова искрились озорным блеском.

Михася и ребят плотным кольцом окружили партизаны. Каждому хотелось узнать подробности этой интересной операции, но Михась предупредил:

— Узнаете потом... Мы три дня не ели, не спали, имейте совесть, друзья...

— Правильно! — заметил Кравчук. — Пусть отдохнут.

Он привёл разведчиков в свою землянку, распорядился принести им обед, после которого Михась и начал рассказ о доблести своих юных друзей...

XXV

В Бараниху группа Михася добралась к вечеру. Чтобы не навлечь подозрений, Михась остался в одном из мякинников, а Ванюшка с Санькой вошли в деревню.

Увидев женщину, черпавшую из колодца воду, они подошли к ней и спросили, где живёт староста.

— А на что вам?—удивилась та.

— До дому пробираемся, тётенька,—жалобно отвечал Ванюшка.—Хотим переночевать в вашей деревне, а немцы велят всем прохожим отмечаться у старосты...

— Так-то оно так,—вдохнула женщина,—а не лучше ли всё-таки вам уйти в другое село?

— А почему?

— Не любит наш прохожих-то...—снизив голос до шопота, ответила женщина.—Полицаям выдаёт. Недавно женщина одна проходила тут...

В это время недалеко от колодца скрипнули ворота. Ребята увидели, как с одного двора выехал какой-то мужчина на серой лошади, запряжённой в тарантас. Он уже хлестнул коня, когда на крыльцо выбежала долговязая женщина и крикнула:

— Когда вернёшься?

— Дня через три,—ответил мужчина, свёртывая в ближайший переулочок.

— Вот он, уехал,—сказала женщина.

— Кто?

— Да староста этот самый.

— Куда же он уехал?

— А известно куда: в город, к начальству своему. Слышали, только через три дня вернётся.

— Плохо вышло, не удалось с ним поговорить,—пожалел Ванюшка.

— Ой, сынок! То и лучше,—махнула рукой женщина.—Это не человек, а настоящая собака!

И неожиданно, быстро сменив тон, предложила:

— А уж коли негде вам ночевать — заходите ко мне. В нашей деревне теперь вроде спокойно.

Ребятам это было наруку. От души благодаря женщину, они пошли за ней, к околице.

...Когда спустились сумерки, Ванюшка пробрался к Михасю и обо всём доложил ему.

— Ладно, иди, я обдумаю,—сказал тот.

Поужинав сама и накормив ребят варёной картошкой с огурцами, хозяйка собралась спать. В это время в дверь кто-то постучал. Сняв крючок, женщина сама отворила дверь, и в избу вошёл Михась.

— Добрая хозяйка, — сказал он. — Иду домой, выбился из сил, заболел, должно... Разрешите переночевать.

— Оставайся, родной,—сжалилась хозяйка. — У меня вон два мальчика уж ночуют,—показала она на лежавших в углу на соломе Ванюшку и Саньку.— Я тебе и поужинать соберу... Картовочка-то ещё ведётся, не жалко...

Устроившись на соломе рядом с «неизвестными» мальцами, Михась ломал голову над тем, как ему выпутаться из этого положения. Возвратиться в отряд, не выполнив задания, он не мог. Где же переждать эти три дня, пока вернётся староста?

Проснувшись, Михась убедился в правильности дедовской поговорки: утро вечера мудренее... На улице лил дождь.

— Как же теперь быть?—вздыхал он.

— А я, дяденька, никак пропаду: у меня все ботинки в дырах,—подпевал Санька.

— Плохи наши дела, пацаны,—у Михася даже грудь заболела от вздохов.—Вам в какую сторону?

— А вы чего это так торопитесь?—ничего не подозревая, допытывалась хозяйка.—Поживите, подождите, пока дождик пройдет. Не объедите, места не пролежите...

Именно этих слов и добивался от хозяйки Михась.

А дождь был как будто в союзе с тройкой партизан. Он лил весь день, всю следующую ночь и перешёл в третьи сутки.

Чтобы не навлечь на себя и малейшего подозрения,

ни Михась, ни ребята ничего не выпытывали у хозяйки. Но, видимо, ей самой хотелось отвести душу разговорами со своими людьми. Поэтому она рассказывала обо всём, и больше всего о проделках предателя-старосты. Бывший кулак, до войны он несколько раз сидел в тюрьме. В деревне появился вместе с гитлеровцами, и те назначили его старостой. Степан Демьяныч—так звали старосту—показал себя с первых же дней. Он выдал немцам всех активистов. Даже мужа хозяйки, инвалида с деревянной ногой, отправили в гестапо за чтение листовок.

— Будь он проклят, анафема! Свернул бы хоть кто-нибудь ему шею, окаянному!—не скрывая своей ненависти, говорила хозяйка.—Вечно молились бы за здоровье его губителя, да не находится такой!..

— А может, ещё и найдётся, мамаша, — заметил Михась.

К вечеру третьего дня дождь перестал.

Михась взглянул в окно и сказал:

— Ну, ребята, и так уж мы надоели тётеньке, пора и честь знать.

— Погодите, погодите,—заторопилась хозяйка,—я сейчас огурчиков из погреба принесу, поешьте на дорожку-то.

Когда хозяйка ушла, Михась тихо сказал:

— Ну, друзья-товарищи, до сих пор не подкачали, действуйте так же и дальше... Сегодня тот приедет.

Хозяйка внесла большую миску огурцов и, как бы в подтверждение последних слов Михася, сообщила:

— Приехал, ирод... Пьяный, видно, на всю улицу песни орёт.

Солнечный закат застал разведчиков в том же самом мякиннике, в котором отлеживался Михась. Он посмотрел в щель между досками и скомандовал:

— Теперь пора. Идите. В нужный момент крикните по-совиному.

В дом старосты Ванюшка и Санька вошли по строгому христианскому обычаю: сняли потрёпанные кепки и перекрестились на образа. Староста сидел за столом перед недопитой бутылкой с мутной жидкостью, по всей вероятности, самогонкой.

— Добрый дяденька, ради бога пусти переночевать,—взмолился Ванюшка.—Никто не пускает...

— Откудошние?—спросил староста, пристально глядя на смиренно стоящих подростков.

— Дальние, дяденька: из-под Минска... Домой пробираемся. Родители раскулаченные, погибли в ссылке... Жили, где могли... Слышали, будто немцы жалеют таких, и не отступили с красными, остались...

— Дело!—подтвердил староста.—Правильно поступили... Оставайтесь... Варвара!—вдруг заорал он,—дай ребятишкам щей! Садитесь сюда...

Ребята сели за стол, и Ванюшка даже всхлипнул от щедрот старосты.

— Плакать не надо,—отмахнулся тот,—прошло то время, когда наш брат плакал. Теперь только и жить да радоваться.

Староста выпил самогону, закусил и, видимо, радуясь появлению собеседников, начал хвастаться:

— И я много пострадал при советах. И в тюрьме посидел и чужбины отведал... Всё тогда у меня отобрали, а теперь я вот вернул обратно... Я теперь всей деревне голова! Хочу казнь, хочу милую... Попробуй потягаться со мной, любого в дугу согну.—Староста даже показал руками, как он может гнуть в дугу.—Вот вчера в городе был наш съезд... Новый глава приехал—оберштурм... Оберштумфер... Фу, ты! Язык сломаешь, пока научишься выговаривать... Ну, словом, новый начальник... Молодец такой, и зовут его Генрих Шварц...

«Генрих Шварц!—едва не вскрикнули Ванюшка и Санька.—Так вот где он теперь!..»

А староста продолжал:

— Славный немец, говорят, этот Шварц. Гитлер собственноручно, понимаете—соб-ствен-но-руч-но! дал ему награду!.. Этот оберштумфер похлопал меня по плечу да и сказал: «Дадим, говорит, тебе награду, Степан Демьяныч... А добра, говорит, ты себе сам достанешь: бери, у кого что только понравится, живи, как помещик». Вот какой этот Генрих Шварц!..

И без того уже пьяный, староста выпил ещё полстакана и, опьянев окончательно, кричал:

— Вот какой ваш благодетель, Степан Демьяныч... Живите у меня! Мне слуги нужны... Понимаете, слуги!..

Вскоре «благодетель» храпел на кровати, куда его уложила жена.

— А вас где положить?—спросила она ребят.— Здесь ляжете, или в другой комнате постелить?

— Здесь, здесь,—наперебой заговорили Ванюшка и Санька.—У нас же и одёвка грязная... Зачем в те комнаты?

— Ладно,—согласилась старостиха.—Только если ночью во двор будете выходить—двери хорошенько запирайте. Теперь разный люд шатается...

— Хорошо, тётенька, спасибо вам...

Старостиха потушила огонь, и вскоре в доме всё стихло. Лишь староста изредка оглушительно всхрапывал и что-то бормотал во сне.

Осторожно, как это может делать только разведчик, Ванюшка вышел из избы и вскоре вернулся с Михасем. Подведя к кровати, на которой лежал староста, Ванюшка пожал Михасю руку: здесь! Михась на миг осветил старосту фонариком и тут же заткнул ему рот тряпкой, да так ловко, что тот не успел издать ни звука. Ещё минута—и связанного предателя выволокли на двор. Всё это было сделано так мастерски, что старостиха ничего не услышала. На дворе проснувшийся предатель

попробовал было освободиться. Михась стукнул его рукояткой пистолета и пригрозил:

— Если хочешь ещё пожить—молчи и не рыпайся!

Вытащив «главу деревни» через огороды к мякинникам, Михась бросил его на землю, сказав внушительно:

— Хватит тебя таскать, много чести будет. Сам ходить умеешь... Давай, топай по холодку.

Однако, предателю пришлось ещё раз дать понюхать револьвер, прежде чем он покорился своей участи.

Непроглядная осенняя ночь помогала разведчикам быть незаметными, но идти было трудно. В полукилометре от деревни наткнулись на какой-то обрыв и едва не свалились с него. Пока Михась осматривал местность, староста камнем бросился с обрыва. Раздумывать было некогда, и Михась прыгнул вслед за предателем.

— Ванюшка! Санька!—крикнул Михась.

— Здесь!—раздалось над самым его ухом.—Мы по шуму поняли, что ты прыгнул и—за тобой.

Старосту поймали. Михась сделал ему не совсем вежливое внушение, стукнув пару раз рукояткой пистолета по голове: не бегай!

Побоявшись, что с таким трудом взятая добыча задохнётся, Михась вынул изо рта старосты тряпку.

— Куда вы меня ведёте?—застонал он.

— На суд народный...

— Отпустите... Я заплачу вам, много заплачу.

— Закрой свой поганый рот!—крикнул Михась,— а то опять тряпкой забью...

Последним препятствием на пути разведчиков была довольно широкая река. Прошлый раз они переплыли её на старой лодчонке, но теперь её не оказалось.

— Ничего не сделаешь, придётся переправляться вплавь,—решил Михась.—Плывать умеете?

— Умеем,—ответили ребята.

— А я не умею!—завопил староста.—Утону!

— Не утонешь, не дадим,—успокаивал его Михась, вынимая из кармана длинную тонкую бечёвку и соорудив петлю.

Староста понял в чём дело и взмолился:

— Поплыву, сам поплыву.

Но Михась сделал своё дело: он заарканил предателя.

Вдруг где-то недалеко послышался собачий лай. Должно быть, немцы напали на след разведчиков. Это понял и староста.

— О-ой! Погибаю!—во весь голос завопил он.

Михась прыгнул в воду и лотянул его за собой.

— Подгоняйте сзади!—крикнул он ребятам.

Они подплывали уже к берегу, когда за спинами послышались выстрелы, засвистели над головами и зачиркали по воде пули. Зная, что пуля не разбирается ни в чём, староста не отставал от своих похитителей.

Из этой схватки отважные разведчики вышли победителями, понеся самый незначительный урон: была потеряна рваная Санькина кепка.

XXVI

На допросе старосты присутствовало много партизан, в том числе сам Михась, Ванюшка и Санька. Они с удивлением смотрели на человека, который ещё вчера был подобен грозе, а сейчас превратился в пресмыкающегося. Староста несколько раз вставал перед Кравчуком на колени, умоляя сохранить ему жизнь.

— Не по своей воле... Виселицей пугали... Вот крест святой!—выдумывал он одно оправдание за другим.

Но Кравчук не верил ни святому кресту, ни, тем более, словам предателя.

— Хватит,—отрезал он,—всё ясно!

И несколько помолчав, он заговорил, ни к кому не обращаясь:

— Удивительно, до чего все эти люди похожи один на другого. Сначала предают родину, а потом у неё же пощады просят. Думают, родина всё вытерпит и всё простит... Уж этот не первый мне сапоги лижет... А возьми партизана. Да разве он перед фашистом будет ползать? А?.. В глаза ему перед смертью наплюёт...

Когда староста был допрошен, Ванюшка обратился к Кравчуку:

— Товарищ командир, можно мне этому гаду вопрос задать?

— Задавай,—разрешил Кравчук.

— Когда мы с Санькой были у него в доме, он говорил о немецком начальнике Генрихе Шварце. Пусть скажет: есть ли у этого Шварца на груди золотая цепочка?

— А зачем это тебе?—поинтересовался Кравчук.

— Расскажу потом, товарищ командир, а сейчас пусть скажет...

— Эй, ты,—сурово посмотрел Кравчук в сторону старосты,—слышал вопрос нашего разведчика? Была у твоего начальника Шварца золотая цепочка?

— Вроде как бы была... Он часто вынимал часы из грудного кармана,—ответил староста.

— Значит, он,—проговорил Ванюшка, взглянув на Саньку.

— Он,—утверждающе мотнул головой Санька.

Когда старосту увели, Кравчук спросил:

— О какой золотой цепочке ты спрашивал?

Ребята тут же рассказали Кравчуку страшную историю этой цепочки.

— Ничего, ребята,—сказал Кравчук, внимательно выслушав говоривших поочерёдно Ванюшку и Саньку,—придёт время, и он дорого заплатит за эту цепочку... А время это близится с каждым днём... Только будьте терпеливы, не теряйте мужества... А за выполне-

ние первого боевого задания выношу вам благодарность.

— Служу Советскому Союзу!—отчеканили ребята.

— Ну, а теперь вам, как настоящим партизанам,—сказал Кравчук,—вручаю боевое оружие.

И вынув из-под столика два совсем новеньких ППШ, он передал их ребятам.

— Товарищ командир отряда!—в один голос произнесли Ванюшка и Санька.—Получая из ваших рук автоматы, мы клянёмся, что не посрамим звания партизан и чести советского оружия!

Только некоторое время спустя Кравчук узнал, что словам этой торжественной клятвы ребят научил Михась Чуб, заранее узнавший, что в скором времени его ученикам будет вручено боевое оружие.

XXVII

Как и все партизанские отряды области, отряд Кравчука получил от областного партийного центра радиogramму о том, чтобы активизировать свои действия. Красная Армия гнала фашистские полчища к Днепру, и надо было облегчать её усилия.

Многочисленные группы партизанских минёров уходили из лесов к железным и шоссейным дорогам, минировали железнодорожное полотно и мосты на большаках.

В отряде Кравчука не оставалось свободных бойцов—все уходили на задания. Группы партизан возвращались в расположение лагеря, отсыпались, отдыхали и уходили вновь.

Ванюшка и Санька несколько раз просились у Кравчука на задание. Тот не отказывал им, но и никуда не посылал.

— Подождите,—говорил он,—работа и для вас останется.

Нельзя сказать, что ребята бездельничали. Они помогали минёрам изготавливать мины, чистили на кухне картошку, бывали в карауле. Но всё это казалось им ненастоящим и скучным делом.

А тут, как назло, на них обрушилось большое горе. В лагерь принесли раненого Михася.

Узнав об этом, Ванюшка и Санька побежали в санитарную землянку. Раненый в обе ноги Михась, увидев своих юных друзей, приподнялся на локте и улыбнулся.

— Что с тобой, дядя Михась?— еле сдерживая слёзы, спросил Ванюшка.

— А ничего особенного,— ответил Михась,— поколотили немножко... На войне это бывает.

И хотя Михась говорил с улыбкой на лице, было видно, что ему очень больно. Сквозь тёмную кожу его неузнаваемо похудевшего лица заметно проступала бледность, глаза запали, кудри лежали в беспорядке.

— Как это тебя?

— Ошибся чуть-чуть, погорячился,— рассказывал Михась.— Ну и поймала меня пуля-то... Да не в этом беда... Обоз-то мы не разбили... задание не выполнили...

Голова его упала на подушку, и ребята услышали тихий, еле уловимый стон.

Почти неслышно в землянку зашёл Кравчук. Он подошёл к изголовью Михася, посмотрел ему в лицо, тихо спросил:

— Спишь?

— Нет...— Михась открыл глаза.

— Ах, Михась, Михась, — вздохнул Кравчук. — Как это не ко времени получилось...

— Выходить из строя всегда не ко времени, товарищ командир,— снова улыбнулся раненый.

— Конечно, теперь ничего не поделаешь... Почему не рассчитал точнее? Погорячился, конечно? А ведь сколько раз я предупреждал тебя... Сколько раз! Вот и получилось: и дело испортил, и себя искалечил.

Тяжело дыша, Михась молчал, сознавая, что командир прав. Не погорячись он, не выскочи раньше времени из засады—не было бы этой беды.

— Командир здесь?—спросил кто-то, открывая дверь.

— Здесь.

Вошёл приземистый партизан со щетинистой бородкой, одетый в пиджак из домотканного сукна. Поставив винтовку у порога, он откозырнул:

— Разрешите доложить, товарищ командир!

— С чем пришёл, Пахомов?—спросил Кравчук.

— Хорошего мало, товарищ командир... Мост около Липовки фрицы снова в ход пустили.

— Не может быть!—удивился Кравчук.—Ведь прошло всего три дня, как мы его разбили. Не путаешь ли с другим мостом?

— Никак нет! Видел своими глазами, из камыша наблюдал. По нему уже грузовики ходят.

— Та-ак!—делая скрутку, протянул Кравчук.

Он выслал всех из землянки и, оставшись с Михасем вдвоём, взволнованно заговорил:

— Липовский мост имеет очень важное значение. По этой дороге немцы подбрасывают к фронту в большом количестве технику, снаряжение и боеприпасы. Мы не можем допустить этого, иначе—грош нам цена. Мост должен быть взорван сегодняшней же ночью.

— Правильно!—согласился Михась, глубоко вздохнув.

— Но кого послать на эту операцию?..—Кравчук задумался.—Пока все на задании... Если этого, Пахомова? Но уж очень он нерасторопный... А что, если...

Кравчук долго сидел молча, о чём-то думая.

— А что, если,—повторил он,—если послать этих ребят? Как ты думаешь?

— Если хорошо проинструктировать—сделают,—ответил Михась.—Подрывное же дело оба знают.

— А Пахомов доведёт их до места... Да, так и сделаем! Пахомов, ребята,—ко мне!—крикнул Кравчук.

С ребятами Кравчук и Михась говорили напрямик, без намёков, ничего не скрывая. Конечно, мост сильно охраняется. Пахомов докладывал, что с обеих сторон моста установлены пулемёты. К тому же мост на открытом месте, и только с одной стороны к нему подходит невысокий кустарник. Поэтому надо действовать осторожно, чтобы не попасть в руки немцев, иначе не спастись.

Все пятеро сидели до тех пор, пока не обсудили каждую мелочь. Наконец, план был готов.

На взрыв моста пошли четверо: пожилой партизан Пахомов, Ванюшка с Санькой и тощая пёстрая корова.

XXVIII

— Ну, вот и пришли!—сказал, останавливаясь, Пахомов.—Вон тот мост...

Ванюшка и Санька посмотрели в указанном направлении и увидели километрах в двух от себя большой деревянный мост. Одна—дальняя—его половина блестела свежеструганными бревнами.

— Ну, счастья да удачи вам, сынки,—напутствовал ребят волновавшийся больше их самих Пахомов.

Сквозь рубашку Ванюшка потрогал тяжёлую сумку с толом, проверил шнур, спички: всё в порядке.

— Пошли, Санька!

Он взялся за верёвку, привязанную к рогам коровы, Санька тронул её хворостиной, и вся эта несколько странная процессия тронулась вдоль опушки.

— Помни,—поучал Ванюшка шагавшего теперь рядом с ним друга,—если задержат—ответ один: у нас пропала, мол, корова, искали её и вот нашли... А родом мы из Осиновки. Понял?

— Понял.

Во время пути ребята не спускали с моста глаз. На обоих концах его стояли грибки, около которых прохаживались часовые. Вот с противоположной стороны показался мотоцикл. У моста он на минуту задержался и помчался дальше, поднимая клубы пыли.

Ребята вышли на дорогу, пересекающую шоссе.

— По дороге идти лучше—подозрений меньше,— решил Ванюшка, свёртывая на просёлок.—Погоняй быстрее, чтобы казалось, что мы очень спешим.

Вскоре они подошли вплотную к шоссе. До него осталось не более пятидесяти метров. Направо, в полукилометре, мост... Может быть, часовые не заметят. Хорошо бы без помех...

Но глаза врагов были повсюду. Перед ребятами, точно из-под земли, появился немец в больших жёлтых очках и маскхалате, похожем на шкуру лягушки.

— Хальт!

Держа автомат наготове, часовой подошёл к остановившимся ребятам и впился глазами в Ванюшку.

— Куда идёйт малшик?

— Домой... хаус... Вон наша деревня, Осиновка. У нас вот эта Пеструшка пропала, корова... ферштейн?

— Ферштейн, ферштейн!—согласно закивал часовой.—Короф, млеко...

— Никс, пан,—используя скудный запас немецких слов, покачал головой Ванюшка,—не даёт она молока...

— Гут, гут!—не понял немец, спрыгивая в окопчик и возвращаясь с крышкой от солдатского котелка.

— Надой ему,—сказал Ванюшка Саньке и тихонько добавил:—хочет, видно, он этого млека, как тигр крови.

Санька положил хворостину и принялся доить корову. Ему никогда не приходилось этого делать, и работа шла плохо. От напряжения рука онемела, и пот катился с него крупными каплями. Но всё же ему удалось надойть крышку до краёв.

И вдруг произошло событие, едва не испортившее всё дело. Стоявшая до сих пор смиренно, Пеструшка неожиданно брыкнула задней ногой и угодила по посудине с молоком, вылив из неё всё без остатка.

Предвкушавший блаженство, часовой сразу расви-репел:

— Звinya! Скот!—кричал он на ребят, хлопая рукой по автомату.—Пуф, пуф!..

Но всё обошлось благополучно.

— Пошэль! Шнель!—заорал он, не помня себя от ярости.

Ванюшка дёрнул корову за верёвку, Санька безжалостно протянул её вдоль бока хворостиной, и все трое побежали.

На бегу Ванюшка несколько раз оборачивался назад, наблюдая за часовым. Сначала он виднелся, а потом пропал, должно быть, залез опять в свою нору... Да и что за интерес наблюдать за двумя оборванными мальчишками?.. Пусть идут своей дорогой.

Иначе думали сами ребята. А что бы было, если бы часовой вздумал их обыскать?

— Вот чортова скотина!—изругал Санька Пеструшку и даже ударил её хворостиной.

Дорога привела в кустарник. Осмотревшись, Ванюшка сказал:

— Ну, хватит.

Они отвели Пеструшку подальше от дороги в кусты, а сами, свернув направо, осторожно зашагали к мосту.

XXIX

Короткие осенние сумерки сгущались быстро. На западном склоне неба громоздились тяжёлые тёмные тучи, и только по светлой полоске у самого горизонта можно было угадать, что солнце зашло. Стало прохладно.

Ванюшка и Санька брели по невысокому, но часто-

му кустарнику. Вот он начал редеть, и сквозь образовавшиеся просветы они увидели совсем недалеко от себя мост.

— Стоп! — скомандовал Ванюшка. — Осторожно!

Пройдя ещё шагов двадцать, они остановились около росшего почти на самой опушке густого леса куста ольховика. Забравшись в середину его, ребята внимательно наблюдали. И в это время произошло такое событие, при вспоминании о котором в течение долгого времени у Ванюшки и Саньки пробегали по спине мурашки. За их спинами послышался треск валежника. В головах обоих молнией пронеслась мысль, что их заметили и преследуют. Затаив дыхание, ребята прислушались. Шаги были медленные, тяжёлые, но приближались с каждой секундой.

Набежавший порыв ветра вспугнул тишину. Ребята до боли напрягали слух, стараясь уловить треск валежника под ногами своего преследователя, но вместо этого услышали тихое и жалобное мычание.

— Фу, чорт! Да ведь это наша Пеструшка!

Чтобы корова не вышла на открытое место, Санька отвел её назад в кустарник и крепко привязал к дубку.

— погоди, Пеструшка, мы зайдём за тобой, — похлопывая корову по шее, шептал он.

В кустах снова зашумел порывистый ветер, и по листьям звонко зашлёпали редкие дождевые капли.

— Неприятно, но кстати, — сказал Ванюшка, глядя на низко ползущие тучи. — Пошли!

Они двинулись по опушке и вскоре упёрлись в открытую местность. В непосредственной близости от моста кустарник был вырублен начисто.

— Пока что всё идет хорошо, — сказал Ванюшка, поёживаясь от холода и сырой одежды. Мелкий осенний дождь к этому времени начал сыпать как из частого сита. Наступила такая темнота, что в двух шагах от себя было трудно что-либо увидеть.

Пользуясь положением старшего, Ванюшка отдал последнее распоряжение:

— Ты оставайся здесь, а я пошёл... Двоим там делать нечего, управлюсь один... А если что... так всё-таки один... Оставайся и жди...

С этими словами он исчез в темноте.

Ванюшка полз спокойно, опасаясь лишь того, как бы не сбиться с направления к мосту, которого в темноте совсем не было видно.

В последующих событиях Ванюшка разобрался не сразу. Сначала он услышал выстрел, вернее, даже не выстрел, а хлопок, потом какое-то шипенье в воздухе. Не поднимая головы, он увидел, что мост и вся окружающая его местность залиты дрожащим фосфорическим светом. Немцы пустили ракету.

Никогда, ни до этого, ни после Ванюшка не прижимался так плотно к земле. Рассказывая впоследствии об этом случае, он шутил, что на том месте, где он лежал в эту минуту, на земле, вероятно, образовалась вмятина.

Этот случай не только напугал, но и во многом помог юному герою. Ванюшка стал осторожнее. Теперь он полз уже с расчётом, что немцы могут осветить местность каждую секунду. Цепляясь где за траву, где за тоненькие пенёчки вырубленного кустарника, он подтягивался, даже не опираясь на локти, и метр за метром подвигался к своей цели.

Вот снова раздался такой же хлопок, и снова такой же дрожащий свет залил окрестность, но Ванюшку он уже не застал врасплох. Самый зоркий наблюдатель не смог бы на чёрной от дождя земле признать в каком-то покрытом грязью комке человека. Да опасность и сама по себе на этот раз была меньшей: ракета была пущена по другую сторону моста.

«Только бы добраться до свай,—думал в эти минуты

смертельной опасности Ванюшка,—а там не заметят... Но как бы это сделать быстрее?».

И на этот раз ему помог Михась. Как-то однажды он в кругу партизан рассказывал:

— До чего же аккуратный народ эти немцы... Вот, скажем, начала ихняя батарея обстреливать какой-нибудь наш участок. Вот, сами проверьте, братцы: если между первым и вторым выстрелом прошло пять минут, то эта батарея будет гвоздить целые сутки через пять минут выстрел... Уж такие это аккуратные вояки. «А что, если Михась прав? А что, если попробовать».

Сильным пружинистым движением Ванюшка поднялся на ноги и опрометью бросился к мосту. Наблюдения Михася подтвердились. Юный герой успел уже залезть в верхние переплетения свай, когда в небо взвилась третья ракета. Но теперь она была уже не опасна.

Несмотря на то, что внизу глухо шумела река, а по настилу моста барабанил дождь, Ванюшка работал осторожно, избегая малейшего шума. Прикрепив сумку с толом на крепления моста между сваями, он приладил шнур... Теперь осталось только поджечь его и отойти... Здесь надо рассчитать всё до секунды, иначе... И Ванюшка считает эти секунды. Спрыгнуть — секунда, отбежать от моста...

Но в это время на шоссе справа послышался гул моторов. «Машины идут! Ждать больше нельзя!»

Он вынул спички и чиркнул одну под полой пиджака. Спичка не зажглась. Он взял другую — результат тот же. Вероятно, спички отсырели. Тогда Ванюшка схватил несколько спичек сразу, в отчаянии с силой ширкнул их о коробку, и желтоватый язычок пламени коснулся его подбородка. Но Ванюшка не почувствовал ожога... Радость заслонила мысль об опасности: шнур был подождён.

Ванюшка был уже недалеко от кустарника, когда в небо взвилась очередная ракета. С моста, видимо, заме-

тили и дали по нему несколько очередей из автоматов. Кругом противно завизжали пули. В небо взвилось уже несколько ракет. Стрельба с моста усилилась.

Ванюшка уже думал, что теперь ему не уйти. Под таким огнём не только бежать, нельзя поднять голову. При свете беспрерывно взлетающих в воздух ракет он видел, как с обеих концов насыпи на мост катили пулемёты.

— Теперь конец...

Но в это время раздался оглушительный взрыв. Ванюшку резко обдало горячей воздушной волной.

XXX

... Сидевший в кустах Санька видел, как над мостом взметнулось огромное облако пламени, но что стало с Ванюшкой—он не знал.

Прошло уже много времени, а друга всё не было.

— Неужели погиб?.. Неужели...

Вдруг Саньке показалось, что сквозь шум листвы он слышит неясный крик какой-то птицы. Санька прислушался и через какую-нибудь минуту услышал на этот раз отчётливый, протяжный крик совы. Сердце его запрыгало: это был их условный сигнал. Кричал Ванюшка!..

Ещё через минуту друзья уже бежали по кустарнику—мокрые, иззябшие, но счастливые от сознания выполненной задачи.

Дождь перестал, но кустарник был мокрый, и с него лились целые потоки. Со стороны моста всё ещё доносились крики, и хлопали одиночные выстрелы.

— Куда теперь направимся? Домой? — спросил Санька.

— Куда угодно, только подальше отсюда,—ответил Ванюшка.—Они сейчас здесь перевернут всё вверх дном.

Впереди слышалось мычанье коровы, и это напомнило ребятам о Пеструшке.

— Что с ней будем делать? — спросил Санька. — Жалко ведь оставлять, помогла она нам...

— А зачем оставлять? Возьмём!

Правда, без коровы можно было идти быстрее, но всё же ребята не бросили её. Ванюшка взялся за верёвку, а Санька начал подгонять сзади.

Выйдя на узкую дорожку, Ванюшка остановился.

— По этой дороге нам идти нельзя, — рассудительно проговорил он. — Она пересекает шоссе, а на шоссе сейчас такое творится, что нам лучше не показываться.

Они свернули вправо и скоро зашли в лес.

Лесом идти было хуже. Ребята часто натыкались на деревья, пни, выступающие над землёй корни. Несмотря на голод и холод, хотелось спать.

— Отдохнём немножко, — предложил Ванюшка.

— Отдохнём, — охотно согласился Санька. — Всё равно до свету напрасно будем блуждать по лесу.. Где бы только тут половчее устроиться?

— Найдём, устроимся.

— Как?

— Пеструшку отгоним, а сами залезем на дерево.

— А не упадём?

— А привяжи себя крепче к дереву. Забыл, как Михась учил?

Они залезли на какое-то толстое и высокое дерево. Под густой его кроной было тихо, и холод ощущался меньше. От ствола во все стороны отходили толстые сучья, как будто нарочно предназначенные для таких вот ночлежников.

— Ну, как? — спросил Ванюшка.

— Хорошо! Жить можно...

— Привяжись крепче...

... Уже брезжил неясный осенний рассвет, когда проснулся Санька. Он попробовал было подняться со

своей «постели», но ничего не получилось: одеревяневшие руки и ноги не двигались.

— Вот чорт! Как же быть?—не на шутку испугавшись своего странного состояния, проворчал он.

От его слов, точно птица, встрепенулся и Ванюшка.

— Чего ты?

— Я, кажется, Ванюшка, и сам превратился в дерево,—пошутил Санька, обрадованный пробуждением друга.—Ни руки, ни ноги не действуют, и сон очень странный видел.

— Какой?

— Будто поймал меня вчерашний фриц и давай мне резать ножом плечо. Режет, режет, крови нет, а всё равно больно. Я хотел бежать—да ноги до колен отвалились... С испугу проснулся.

— Хорошо, что не полетел на землю, спасаясь от фрица,—глянул Ванюшка вниз,—а то и в самом деле отвалились бы.

Вчерашних тревог как будто и не было. Друзья сидели на сучьях и весело болтали. Санька смешно махал руками, дрыгал ногами. Кровообращение понемножку восстанавливалось.

— Эге-ге, друг!—неожиданно воскликнул Ванюшка, глядя куда-то через листву.—А ведь мы с тобой на опушке ночевали. Вон деревня!

Обернувшись, Санька в самом деле увидел расположенную в ложбинке деревню.

— Везёт нам,—сказал Ванюшка.—Если бы не остановились здесь, обязательно попали бы... Ночью, да ещё после взрыва, недолго возились бы с нами.

— Неужели и здесь знают о взрыве?

— Не только здесь, а и в Германии уж знают, наверное... Ну, спускайся.

— Куда теперь?—спросил Санька, уже стоя на земле.

— Куда, спрашиваешь?.. Я хотел бы заглянуть в эту деревню...

Санька недоверчиво взглянул на друга.

— Шутишь?

— Нет.

— А чего там делать?

— Дело найдётся. Во-первых, я **есть** хочу. Может, какая тётка и накормит. Во-вторых?... Во-вторых, послушаем, что говорят в деревне, и узнаем, кто там обитает. Забыл, как учил Михась: ничего мимо глаз и ушей не пропускать.

— А немцы?

— Ничего! — махнул рукой Ванюшка. — Посмотри на себя — рвань рванью... С собой у нас ничего нет: ни оружия, ни вчерашней сумки... А Пеструшка нам не помеха...

— Тогда пойдём,—согласился Санька.

Они взяли пасущуюся вблизи Пеструшку и зашагали в направлении деревни.

Опушка осталась у них уже позади, когда где-то справа раздался сильный, оглушительный взрыв. Ребята остановились, как вкопанные, и быстро переглянулись.

— Что это?

— Как будто мина,—определил по звуку взрыва Ванюшка.

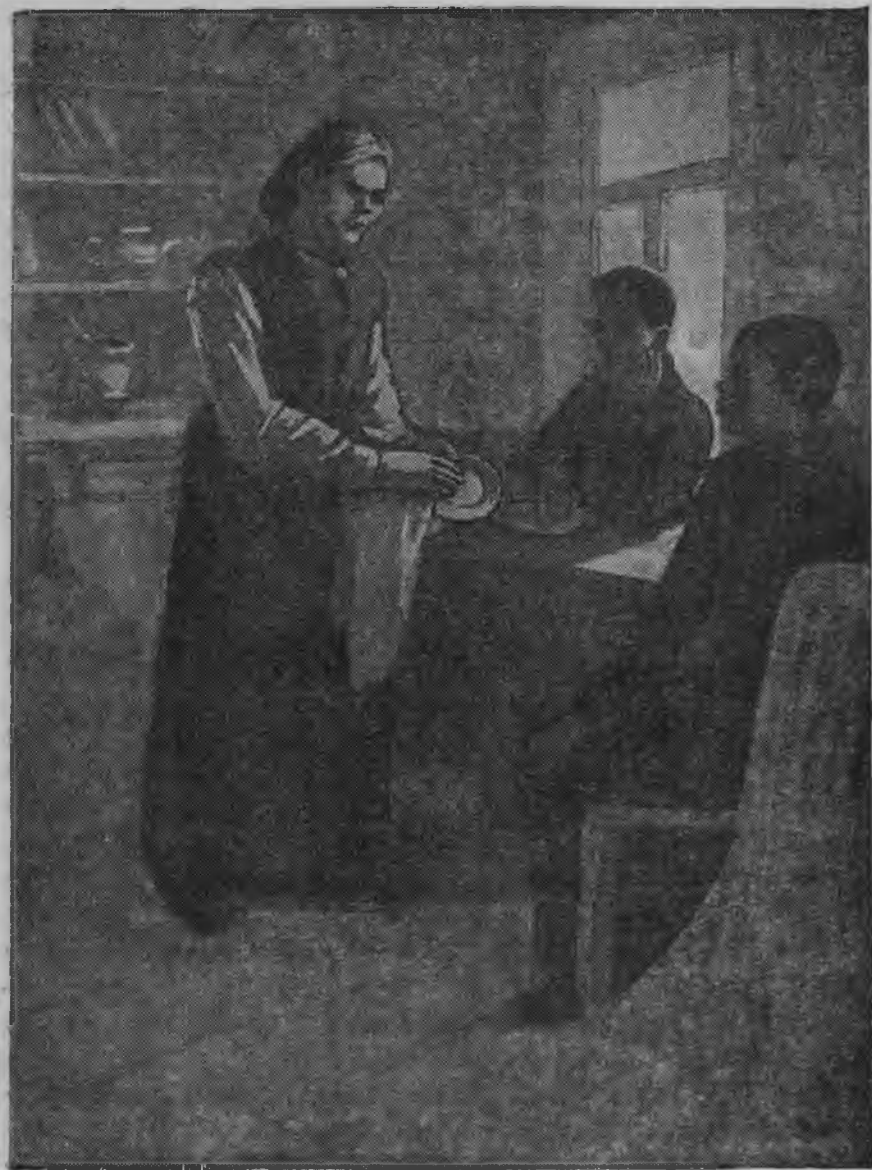
— Кто же взорвал?

— Откуда мне знать?.. Пошли быстрее!

Санька подхлестнул Пеструшку, и уже через несколько минут они по узкому переулку входили на пустынную улицу деревни.

— Нет, Ванюшка, здесь ничего не поешь и никого не увидишь,—грустно сказал Санька.—Здесь никого нет.

Санька был прав. Они прошли почти по всей улице и не видели ни одного человека — ни на улице, ни в домах. Ванюшке припомнилась сожжённая Дубовка, и сердце его сжалось.

— Подгоняй!—крикнул на Саньку Ванюшка.

— А чего?

— Видишь?

— И правда!—радостно произнёс Санька, увидев, как из одной трубы поднимается негустой синий дымок.

Сквозь незакрытые ворота ребята прошли во двор этого дома. Ванюшка оставил друга у крыльца, а сам вошёл в избу. Его встретила совсем седая старуха и, даже не дождавшись вопроса, махнула рукой:

— Никого нет дома.

— А нам никого и не надо, бабушка,—ласково и негромко сказал Ванюшка.—Мы вот шли по деревне, захотели попить и отдохнуть немножко... Может будет?..

— А чего спрашиваешь?—подкидывая в печку дров, бормотала старуха.—Нынче не спрашивают... Нынче приходят без приглашения, всё заберут да ещё на перекладину вздёрнут.

— Мы-то, бабушка, не такие. Мы — свои. Сироты мы... Родителей фашисты повесили.

Услышав это, старуха смягчилась, села на лавку и сразу запричитала:

— Господи! За что ты народ наказуешь?.. И меня вот, сынок, старую одну оставили... Полон дом был семьи, всех истребили, а я живу, и смерть не идёт ко мне... Зови дружка-то, картошечкой вас накормлю.

Ванюшка крикнул Саньку, и они уселись на широкую скамейку у задней стены.

— Сердце на части разрывается, как вспомнишь, что наделали здесь окаянные,—рассказывала старуха.—Весь народ в Германию поугоняли, двух дочек моих увезли, изверги... Сноха с грудным дитём в лес убежала, спрятаться хотела... Нашли...—Старуха всхлипнула.—Нашли и вот на этой воротней перекладине повесили... Ох-хо-хо, грехи наши тяжкие...

— Ничего, бабушка, за всё с них взыщется,—ска-

зал Ванюшка по-взрослому серьёзно, чтобы хоть чем-нибудь успокоить старуху.

— Взыщется, сынки вы мои! Ох, взыщется!.. Да только скорей бы...

XXXI

Истопив печь, старуха вынула из неё чугуны и поставила его на стол. Пока Ванюшка с Санькой, обжигаясь, ели картошку «в мундире», она расспрашивала, рассказывала о своих горестях, проклинала гитлеровских «супостатов и извергов». Потом вышла было зачем-то во двор, но тут же вбежала обратно и заголосила:

— Опять ироды приехали! Опять понаехали, дьяволы!...

За окнами по улице медленно ползли грузовики с солдатами. Они остановились на площади у церкви. Солдаты сразу же стащили с машин пулемёты и поставили их дулами в разные стороны. После этого две группы, по пять солдат в каждой, пошли по обеим сторонам улицы, заходя во все дома.

В избу старушки зашёл один солдат, остальные дожидались у крыльца, как бы прикрывая его. На ломаном русском языке он спросил—почему в селе нет народа?

— Вы же, ироды, угнали да поубивали,—зло сверкнув глазами, сказала старуха.

Солдат, должно быть, не понял, открыл дверь и крикнул:

— Ком!

В сенях послышался топот, и в избу ввалилось ещё четверо солдат. Бегло осмотрев помещение, они расселись на лавках. Один поинтересовался, как старухе приходятся подростки. Та ответила, что это ее внучата — сироты, что отцы и матери их погибли. Опасаясь, как бы чего не случилось с её «внучатами», старуха сдерживала себя, стараясь не грубить немцам. Не будь ре-

бятишек, она, кажется, задушила бы их всех своими старческими руками.

К великому огорчению старухи, немцы решили остановиться в её избе. В скором времени в доме появился долговязый и пожилой ефрейтор. На сносном русском языке он объяснил:

— Матка, у тебя будем завтракать. Надо подмести пол и принести воды.

Старуха молчала. Тогда Ванюшка сказал:

— Бабуся, я пойду за водой, а Санька подметёт пол. Мети пол, Санька,—приказал он другу, а сам взял ведро и побежал к колодцу.

На обратном пути, неся доверху наполненное ведро, он шёл медленно, всё высматривая и всё стараясь запомнить. Выучка Михася сказала. «Пять автомашин... три пулемёта... два мотоцикла...»

Принеся воду, Ванюшка сказал об этом ефрейтору, не забыв при этом назвать его «пан-офицер». Санька к этому времени заметал уже сени. Ефрейтор поочерёдно одобрительно похлопал друзей по плечу: ему, видимо, понравились русские услужливые ребята. Потом солдаты вышли на двор умыться. Санька подавал им воду. Немцы полоскались долго, о чём-то переговариваясь между собой.

Если бы Ванюшка и Санька знали немецкий язык, они бы поняли, что поиски партизан, взорвавших мост, были безрезультатны, что опустевшие населённые пункты немцам теперь нравятся больше: в них спокойнее, чем там, где есть русские люди, из каждой сотни которых девяносто девять—партизаны.

Наконец, умыванье закончилось. Солдаты вернулись в избу и начали вскрывать консервы, резать хлеб. Закусывая, они вели невесёлые разговоры о том, что оберштурмфюрер после взрыва подлиповского моста вне себя и что лучше ему на глаза не попадаться. Не найдя партизан, он зол, как чорт, и им, наверняка, попадёт

на орехи. Начальник охраны мостов и его помощник уже преданы военно-полевому суду.

У церкви раздался шум мотора. Ефрейтор бросился к окну и замер.

— Шнель! Шнель!—с испугом закричал он.—Оберштурмфюрер!

Ванюшка и Санька удивлённо смотрели на ефрейтора и на солдат, которые, давясь непрожёванной пищей, хватили со стола хлеб, консервы, ложки и совали всё это в круглые железные ранцы. Ефрейтор что-то сказал, и все, переглянувшись, опасно посмотрели на дверь. Ванюшка, сообразив, что в избу идёт кто-то из больших немецких начальников, быстро вытер стол.

— Молодец, мальшник! — похвалил его ефрейтор.

Солдаты вытянулись. Дверь отворилась. Ефрейтор бросился навстречу вошедшему и о чём-то бойко отрапортовал ему. Тот осмотрел всех и грузно сел на лавку.

Ванюшка и Санька не верили своим глазам: на лавке сидел Генрих Шварц.

Вот он, как смертельно уставший человек, взялся за толстую цепочку, вынул часы, открыл их, посмотрел на время и покачал головой. Потом он повторил всё это, но в обратном порядке.

С рабской покорностью смотрели на своего начальника солдаты, следя за каждым его движением. Вот грозный оберштурмфюрер снял фуражку, положил её на стол и начал стаскивать с рук жёлтые перчатки. Санька вздрогнул. На безымянном пальце левой руки убийцы блеснуло кольцо его бабушки.

XXXII

Шварц сидел на лавке и, уставившись в пол своим холодным неподвижным взглядом думал. Думал он о том, что дела его идут всё хуже и хуже... Вот и эта ночь, и это утро принесли столько хлопот. Два пулемёта с лучшими расчётами не могли сохранить пөдлипов-

ского моста... Но куда исчезли партизаны? Ни в деревнях, ни в лесу их нет.

Думал Генрих Шварц и над тем, каким образом могла оказаться мина на дороге в Воскресенское? Народа в селе нет. Старуха и эти мальчишки мину поставить не могли. Хорошо, что он ехал в середине колонны, а то и его машина, и он сам могли бы превратиться в лом...

— И снова пойдут неприятности от начальства,— думал он далее.—Мост не сберегли, партизан не поймали... Плохо работаешь, Шварц!—скажет начальник... Хорошо им подписывать приказы и требовать спокойствия на оккупированной территории! Попробовали бы они сами здесь поработать!.. Партизаны так осмелели, особенно после того, как Красная Армия перешла в наступление, что из-за каждого угла жди гибели.

О многом передумал Генрих Шварц, сидя на лавке... Убитые при взрыве мины были похоронены в прилесной деревне, а раненые отправлены в городок. Теперь он приехал в Воскресенское, в котором, как он уже знал, жителей нет, и поэтому здесь можно подумать о дальнейших действиях и отдохнуть.

— Это кто?—точно пробуждаясь от сна, спросил Шварц старуху, указав на Ванюшку и Саньку.

— Внуки, внуки,—сверкнув глазами, ответила старуха.

— Семья?

— Семья... А кто же ещё? Они только и остались!

— Пусть выходят,—бросил хмуро Шварц.

Ванюшка и Санька безмолвно вышли во двор. С минуту стояли молча.

— Узнал?—шопотом спросил Ванюшка.

— Узнал... Теперь без ошибки узнал.

— Повезло нам... Мы его ищем, а он за нами следом. Теперь что-нибудь надо придумать... Пойдём за водой.

— Пойдём.

По дороге к колодцу они увидели под топодем накрытый брезентом грузовик. Передние колеса с него были сняты, около мотора возились шофёры, рядом горел костёр, на котором что-то разогревалось.

— Значит, уезжать не собираются,—догадались юные разведчики.

Они принесли воду, и Ванюшка спросил ефрейтора — не угодно ли его начальнику помыться? Ефрейтор что-то сказал Шварцу, тот кивнул головой.

Вода была нагрета. Шварц помылся и сел обедать. В это время на улице послышался шум, хлопнула калитка, и в тот же миг в избу влетел солдат.

— Герр оберштурмфюрер!..—Смысла дальнейших слов Ванюшка не понял.

— Партизан?! — вскрикнул Шварц, вскочив как ошпаренный.—О-о!

Ванюшка выбежал из избы, чтобы узнать в чём дело. В сенях он столкнулся с двумя солдатами, которые вели женщину, с виду нищенку, одетую в рваную одежду, со старым мешком за плечами.

— Партизан?—закричал Шварц, подбегая к женщине.

Женщина молчала. Шварц наотмашь ударил ее по лицу.

— Говорить!

Женщина покачнулась, повернулась к старухе и стоящему рядом с ней Ванюшке. Она пробормотала что-то невнятное, и это бормотанье не было похоже на человеческую речь. Ванюшка взгляделся в женщину, и она показалась ему очень знакомой.

— Кто есть ты? Куда ходиль? Что делать?—неистовствовал Шварц.

— А-а, ва-а,—замотала женщина головой, показывая пальцами на свой рот.—Нэ, нэ, нэ...

— Не-не!—передразнил её Шварц.—Будешь сказать!

Он крикнул на солдат, те бросились к женщине, закрутили ей руки за спину. Она застонала и опять повернулась лицом к старушке, точно ища у неё защиты. И Ванюшке снова показалось знакомым это лицо.

— Ва, ва, ва... У-у... нэ, нэ,—бормотала она.

Шварц кивнул солдату, и тот отпустил руки женщины. Опытный гестаповец, видимо, не верил в её немоту. Он сказал солдатам несколько фраз, и те начали выворачивать немой руки, ударив её несколько раз по затылку и угрожая пистолетом.

Старуха не выдержала. Встав между немой и Шварцем, она изо всех сил крикнула ему в лицо:

— Что она тебе сделала, ирод? Это же немая! Аль не видишь?!

Солдат схватил старуху за руку и толкнул её к двери. Старуха упала. Ванюшка кинулся к солдату:

— Не трогай мою бабушку!..

— Цурюк!—крикнул немец и, взяв его за шиворот, вытолкнул за дверь. Вслед за ним вытолкали и старуху.

На улице стоял у потухшего костра перепуганный Санька.

Встав за спиной друга так, чтобы лица его не было видно из окошка, около которого сидел солдат, Ванюшка зашептал:

— Беги сейчас же в отряд... Найдёшь дорогу? Скажи, что Шварц здесь... Понял?

— Понял.

— Скажи, чтобы сегодня же ночью... Во что бы то ни стало!

— Понял.

Ванюшка сказал ему несколько напутственных слов, и Санька кинулся в огород, чтобы задами пробраться к лесу, а оттуда — скорее в отряд, к Кравчуку...

Доносившийся из избы пронзительный крик женщины внезапно смолк.

— Бабуся, неужели её убили?—дрожащим голосом спросил Ванюшка.

— Всё может быть...—отозвалась старуха.—Вот и с моей снохой, царство ей небесное, так же: пытали, пытали, а потом повесили.

Но немая не была убита. Не добившись от неё никакого толку, немцы выбросили её с крыльца. Волосы девушки были растрёпаны, платье разорвано, из левого глаза сочилась кровь. Она подняла голову и встретилась взглядом с Ванюшкой. Тот даже вздрогнул от неожиданности. Он узнал её! Это была учительница Антонина Ефимовна из отряда «Смерть фашистам», та самая Тоня, с которой они вместе жили в землянке Фёдора Ивановича... Но как она попала сюда? Почему онемела? Ванюшке стоило больших усилий сдержаться, чтобы не назвать её по имени, но боязнь выдать себя и Тоню удержали его от этого. Он зачерпнул ковшик воды и дал немой попить. В сенях он нашёл её мешок с кусками чёрствого хлеба, варёной картошкой, принёс и положил его на ступеньки крыльца. Через кухонное окно немцы наблюдали за тем, что творится на дворе.

Немая опять забормотала, показывая старухе на свой язык и мешок. Старуха ничего не понимала из её бессвязного бормотания, но догадалась, что немая собирала милостыню.

— Конечно, голодно,—вздыхнула она.—До чего, ироды, довели народ.

Немцам, наверное, уже надоела эта сцена, потому что около окна никого больше не было видно.

Нищенка встала, застонала от боли. Ванюшка помог ей надеть на плечи мешок, расправил верёвки, и она тихонько побрела вдоль улицы. В некотором отда-

лени, разыгрывая роль любопытного мальчишки, пошёл за ней и Ванюшка. Немец, охранявший Шварца, отошёл от крыльца и следил, куда пойдёт немая. А немая шла от одного дома к другому, стучала в окно и начинала креститься. Из пустых домов ей никто не откликался.

Когда она была уже далеко от избы старухи, Ванюшка на какую-то минуту совсем сблизился с нищенкой и тихо спросил:

— Антонина Ефимовна... Тоня... Это ты?

— Молчи!—тихо, но твёрдо перебила его Тоня.— А то заметить могут...

Чтобы не навлечь на себя подозрений, они незаметно свернули в переулочек и остановились за покосившимся плетнём, под старой черёмухой. Ванюшка несколько раз оглянулся вокруг, чтобы убедиться в безопасности.

К машинам, стоявшим у церкви, быстро направился ефрейтор. Вскоре три из них, на которые забралось более половины находившихся в селе солдат, уехали. Осталось два грузовика, человек двадцать солдат, два мотоцикла и пулемёт.

— Уезжают,—прошептала Тоня так, что даже движения её губ не было заметно.—И Шварц наверное, снимется скоро... Ты где пропадаешь?

— В отряде у Кравчука,—таким же шопотом ответил Ванюшка, виновато опустив голову.

— А я всё там — в своём отряде... Ну, мне надо топориться... Только бы Шварц до ночи не уехал отсюда. Наш отряд охотится за ним, идём по пятам, и мне надо предупредить. Дядя-то твой вернулся из Москвы... Только ни о чём не спрашивай, некогда... Жди нас, ночью будем здесь...—поспешно закончила Тоня, и, сгорбившись, пошла по переулочку.

— Ва-ва-ва! Нэ-нэ-нэ!—закричал Ванюшка на всю улицу вслед удаляющейся нищенке.

К дому старухи он вернулся с озорным видом. Улы-

баюющемуся часовому, видимо, оставшемуся довольным его нарочитыми шалостями, Ванюшка показал на свой язык, замотал головой:

— Нэ-нэ-нэ! Не говорит...

Солдат оскалил зубы: дескать, хоть и немая она, а хорошо всыпали ей.

Старуха всё ещё сидела у крыльца, уставившись в одну точку. Из избы вышел ефрейтор и позвал её.

— Ну, чего тебе? — будучи не в состоянии скрыть своей ненависти, спросила она.

— Топить печь... Кушать будем...

Услыхав о топке печи, Ванюшка бросился во двор и начал таскать в избу дрова. Шварц сидел без мундира, вероятно, считая официальную часть своей работы на сегодня законченной. Он о чём-то разговаривал с солдатами и улыбался.

Ефрейтор сам хлопотал у печки, а старуху прогнал на печь. Та, охая, залезла и задремала. Чтобы обеспечить непрерывное наблюдение за улицей, Ванюшка вышел во двор. Он деловито собирал и ставил на положенное место разбросанные по двору вещи, замёл у крыльца и даже начал поправлять плетень.

Солнце клонилось уже к закату, когда из избы вышел Шварц. Вместе с ефрейтором они пошли к церкви, где стояли машины, и о чём-то разговаривали с солдатами. Ванюшка догадался, что Шварц лично решил проинструктировать солдат. Вскоре он вернулся к себе, а ефрейтор начал разводить солдат по постам.

Пронзительно гудя клаксоном, по улице пронеслась легковая машина. Она остановилась также около церкви. Из легковушки вышел невысокого роста офицер, о чём-то поговорил с шофёрами. Те жестами показали ему вдоль по улице. Офицер захлопнул дверцу кабины, и вскоре машина остановилась против дома старухи.

Ванюшка испугался: уж не за Шварцем ли приехала эта машина? Из неё вышли три офицера. Они во-

шли в избу, поздоровались со Шварцем, и между ними сразу начался какой-то спор.

Ванюшка видел, как ефрейтор снова ушёл к шофёрам и возвратился оттуда с лампой. Вскоре в окнах показался свет.

Над селом опустилась ночь...

XXXIV

Разговор с Тоней очень обрадовал Ванюшку. Сбылась его мечта—изловить этого фашистского людоеда Шварца. «Только бы не уехал... Только не опоздали бы Тоня и Санька сообщить своим». Эти мысли не давали ему покоя.

Уже совсем стемнело, когда он зашёл со двора в избу. Часовой загородил было ему дорогу. Приложив ладонь к склонённой набок голове, Ванюшка сказал:

— Спать хочу, пан... На дворе холодно...— Голос юного партизана звучал неподдельно жалобно.

Тогда часовой сказал:

— Ком! Шнель! — дескать, иди быстрее.

— Иди сюда, сынок,— слышался с печки голос старухи.— Иди, родной...

Это было очень кстати. Сверху было видно всё, что творится в доме.

А творились в нём поистине интересные вещи. К Генриху Шварцу приехали гости, наверное, его друзья, и по этому поводу происходила обильная пьянка. Пока ещё в меру подвыпившие офицеры, смотря на разложенную перед ними карту и поочередно тыча в неё пальцами, о чём-то спорили. Ванюшка не понимал чужого языка, но по отдельным выражениям догадывался, что спор шёл о mine, на которую сегодня утром чуть не наехал Шварц. Кто мог подложить эту мину?— вот вопрос, который интересовал офицеров. Но сколько они ни спорили, для них это оставалось неразгаданной тайной.

И лишь один человек из всех здесь находящихся знал эту тайну. При разговоре в переулке Тоня шепнула Ванюшке, что мину поставила она.

Кончилось тем, что Шварц убрал со стола карту, дав этим понять, что спор окончен.

Задремавший было Ванюшка увидел, как Шварц, налив бокалы, поставил их перед офицерами, а свой поднял и произнёс немногословный, но очень противный тост:

— Хайль, Гитлер!

Выпили. Закусили. И так повторялось несколько раз. Компания заметно веселела. Все опять заговорили о своём, что-то горячо доказывая друг другу.

Шварц махнул рукой, прекратив этим спор. Он запел. Офицеры ему подтягивали. О чём они пели—Ванюшка не мог понять, хотя и слышал, что в песне упоминался тот же трижды проклятый Гитлер.

Развеселившийся Шварц подмигнул офицерам и позвал ефрейтора. Тот выслушал, улыбнулся и, открыв чемодан, достал из него ещё несколько бутылок. Уже расплескивая по столу вино, Шварц неуверенной рукой наполнил бокалы, произнёс свой неизменный тост, и собутыльники, на этот раз даже не чокнувшись, выпили. Шварц опять затянул песню, но песня не ладилась. Тогда Шварц махнул рукой, вынул часы, долго смотрел на них, и встал из-за стола. Его примеру последовали и остальные.

Ефрейтор быстро вышел в сени, принёс оттуда чемодан, достал из него одеяла и маленькие подушки. Шатаясь, гости начали укладываться спать. Шварц встал, но споткнулся о ножку кровати и упал. Уже спящего, ефрейтор уложил его на кровать. Снятые со Шварца сапоги он поставил под кровать, а китель повесил у изголовья на стенку.

Немало хлопот доставили ефрейтору и перепившиеся гости, свалившиеся где попало и как попало. Пришлось

и с них снимать сапоги, кителя, перетаскивать их с места на место.

У ефрейтора даже испарина появилась на лбу от возни с начальством. Но эту многотрудную работу он закончил довольно быстро.

Покрывшись с головой каким-то шубняком, Ванюшка в оставленную для этого дырочку наблюдал за ефрейтором. Он чувствовал, как бешено колотилось в груди его сердце. «Неужели этот чорт не уляжется? Неужели сорвутся все планы? «Приходи сюда в полночь»,— припомнились ему слова Тони... Уже, наверное, полночь?..»

Нет, ефрейтор определённо не собирается спать! Вот он садится за стол и начинает свою трапезу. Для чего он уменьшил огонь? Это, должно быть, на всякий случай, чтобы не быть обнаруженным. Но это была совсем излишняя предосторожность: Шварц и его гости спали непробудным сном, о чём свидетельствовал их залихватистый, с подсвистом, храп.

«Чтобы тебе обожраться да лопнуть!»—досадовал Ванюшка.

Но ефрейтор был, кажется, не из жадных на еду. Он интересовался не столько скудными остатками пищи, сколько содержимым бутылок. Ванюшка ещё днем обратил внимание на фиолетовый с розовыми прожилками нос этого человека, признав в нём пьяницу. И он не ошибся. Ефрейтор опоражнивал один стакан за другим и через некоторое время последовал примеру своих начальников—растянулся на полу.

«Я иду, Тоня!» хотелось крикнуть Ванюшке, но он лежал, пока ещё боясь дышать полной грудью. На какую-то минуту храп прекратился, и в избе сделалось так тихо, что было слышно тиканье часов.

Но это длилось недолго. Храп возобновился. Кто-то, ворочаясь, заскрипел кроватью, денщик забормотал во сне.

Этого момента нельзя было упускать.

Ванюшка слез с печки и остановился у двери. На столе еле виднеется жёлтый язычок привёрнутой лампы. Он почти не светит, но Ванюшка видит всё: спящих офицеров, валяющегося на полу денщика, объедки и пустые бутылки на столе... Но отчётливее всего он видит его, Генриха Шварца, лежащего вот тут, рядом с ним.

И снова, повинувшись тому неведомому чувству, которое он испытывал при побеге из лагеря, Ванюшка не мог отворить двери и выйти во двор. Как и тогда, это чувство, более сильное, чем воля и разум, толкнуло его к изголовью Шварца.

Решение созрело в ту минуту, когда Ванюшка увидел торчащую из-под подушки рукоятку кортика. Опять-таки помимо воли, рука сама схватила этот кортик. Он был небольшой, в серебряной оправе и, видимо, с серебряной же цепочкой. Ванюшка попробовал лезвие: до чего же остр!..

Дальнейшие события как-то спутались. Отчётливее всего Ванюшка помнит, что вышел в сени и сказал стоявшему у крыльца часовому:

— Во двор мне нужно, пан...

— Гее хинаус,—сказал очнувшийся от тяжёлой дремоты часовой.

XXXV

Глотнув свежего воздуха, Ванюшка быстро оправился от волнения и вышел на улицу. Вокруг была такая тишина, какая бывает только на затерянном в поле деревенском кладбище.

— К Тоне! К Тоне!—непрерывно повторял он, быстро, но бесшумно направляясь в условное место. Встречи с часовыми он не боялся, так как посмотрел, куда ефрейтор их расставил. Уйти со своих мест и патрулировать они не могли: Ванюшка знал, что в партизанских

районах гитлеровские вояки до этого не большие охотники.

Вдруг чёткое ухо разведчика уловило какой-то шорох. Ванюшка прижался к стене дома и увидел, как прямо на него, крадучись, шли две человеческие тени.

— Патруль!—по телу Ванюшки пробежала крупная дрожь.—Теперь деваться некуда... Теперь...

Мысль его осталась неоконченной. Где-то около церкви, всего, может быть, в двухстах метрах от себя, он увидел синеватую струйку пламени, и вслед за этим длинная автоматная очередь разрезала дремотный покой ночи. Вскоре к ней присоединились другие, захлопали винтовочные выстрелы, ухнула где-то граната...

— Наши! Наши пришли!—закричал Ванюшка и, забыв обо всякой осторожности, бросился прямо на выстрелы.

Уже через тридцать метров он нагнал двух бегущих людей.

— Не убежишь, сволочь!—крикнул тот, что бежал сзади, и дал две коротких очереди из автомата.—Лежи, собака!

Этот голос принадлежал Кравчуку.

— Товарищ командир!—крикнул Ванюшка.

— Кто это? — обернулся разгорячённый боем Кравчук.

— Я! Ванюшка!

Обрадованный Кравчук обнял Ванюшку и, точно не веря себе, спрашивал:

— Жив? Ты жив?..

— Жив! Жив!

— Ну, где тут ещё немцы?

— Бежимте! Я покажу...

— Много их там?—на бегу спросил Кравчук.

— Трое... Пьяные валяются...

— Нам они и трезвые не страшны.

По дороге их нагнали несколько партизан.

В числе их оказался Санька. В руках у него был автомат.

— Санька! Братик! Санька! Не подвёл!—задыхаясь от радости и волнения, встретил друга Ванюшка.

— Не тому нас Михась учил, чтобы подводить,—с невидимой, но осязаемой улыбкой отвечал Санька.

Часовой, охранявший дом старухи, убежал. Резким движением Кравчук открыл дверь и не без юмора сказал:

— Полный порядок!

Проснувшиеся от выстрелов офицеры, кто в кителе без сапог, а кто в сапогах без кителя стояли, подняв руки.

— Ого! Сегодня улов приличный!—сказал кто-то из партизан.

— Свадьбу что ли здесь играли?—спросил Кравчук, смотря на уставленный пустыми бутылками стол.

— Поминки!—поправил тот же партизан.

— А этот что не встаёт? Должно быть, ждёт особого приглашения?—проговорил очутившийся здесь же Пахомов, указывая на Шварца.

Все повернулись к нему. Кравчук осветил фонариком кровать. На ней лежал человек с перерезанным горлом.

— Кто же это его? А?..

Никто ничего не ответил, но все, точно сговорившись, повернулись в сторону Ванюшки. Он поднял голову и, увидев десятки устремлённых на него глаз, сказал тихо:

— Это я, товарищи...

— Ты?

— Я!—повторил Ванюшка.—Это Генрих Шварц...

— Шварц?—спросило сразу несколько голосов.

— Да, Генрих Шварц... Это, товарищи, тот самый Генрих Шварц, который убил вот Санькину маму и мою... и сестрёнок...

Волнение мешало говорить Ванюшке. Кравчук видел это и, чтобы отвлечь его от тяжёлых воспоминаний, спросил:

— Чем ты его?

— Вон,—Ванюшка указал на валявшийся около ножки кровати кортик. Санька поднял его.

— Вот этим кинжалом,—показывая всем кортик, рассказывал он,—этот самый Шварц отрезал маме палец, когда с него не снималось кольцо...

— Значит, правильно, что ему этим же кинжалом башку отрезали!

Кравчук снял со стены китель Шварца, разглядывая на нём ордена и медали. Взгляд его упал на висевшую из кармана цепочку. Кравчук потянул за неё и вытащил часы.

— Ах, какая вещь!—восхищённо произнёс он.—И, конечно, у какого-нибудь русского человека отнята...

— Это Санькины часы,—сказал Ванюшка.

— Как?

— А помните, мы вам рассказывали после допроса старосты?

— Верно же! Вот худая моя голова!—стукнул себя по лбу Кравчук.—Это часы его отца?

— Да, да,—подтвердил Ванюшка.

— Это папе нарком обороны подарил,—сказал молчавший до сих пор Санька.—Они у мамы были...

— И мы вернули бы их твоей маме,—сказал Кравчук,—но... нет твоей мамы... Поэтому по праву они принадлежат тебе,—закончил он, вручая Саньке часы.

Санька взял их бережно, как берут самое ценное, самое дорогое. Для него теперь это были не только часы. Теперь для него это была память о своих любимых родителях, память о своих полных страха и риска партизанских похождениях. Часы лежали у него на ладони и, свешиваясь с неё, в неярком свете лампы блестела золотая цепочка.

Дверь скрипнула, и на пороге появился партизан.

— Товарищ командир,—обратился он к Кравчуку,—наши встретились там с какими-то незнакомыми людьми. Называют себя партизанами и требуют провести до вас...

— Что за люди?—спросил Кравчук.

— Не знаю...

— Это партизаны, товарищ командир, честное слово партизаны... Я знаю...—торопясь, заговорил Ванюшка.

— Откуда ты знаешь?—спросил Кравчук.

— Я вчера одного здесь видел, разведчика... Они обещали придти...

— Скажи пожалуйста!—воскликнул Кравчук.—Да ты тут целый партизанский штаб устроил!

— Как же быть? Привести?—спросил партизан.

— Ведите.

Через несколько минут в дом вошли трое вооружённых людей. Это были Тоня, цыгановатый Иван Чернов и Семён Петрович Коробов.

— Дядя!—крикнул Ванюшка, бросаясь к нему.—Дядя!

Едва успев проговорить: «Здравствуйте, товарищи!», Семён Петрович поднял племянника, поцеловал его, и на Ванюшку пахнуло теплом родной семьи. «Нет, не один я, не один,—думал он в эту минуту.—Вон сколько людей заменяли мне отца и маму... Фёдор Иванович, дядя Коля, Кравчук, Михась... Сам товарищ Сталин думает и заботится о нас...»

Близился рассвет. Вместе со всеми на базу партизанского отряда «Кровь за кровь» возвращались Тоня, Иван Чернов и Ванюшкин дядя. Здесь они решили дожидаться следующей ночи, так как днём возвращаться к себе было опасно.

У старых боевых друзей—Семёна Коробова и Кравчука—нашлось о чём поговорить. Вспоминали о про-

шлом, говорили о будущем, строили планы новых ударов по врагу.

Ванюшка не отходил от дяди, а Санька от своего друга. Они молча сидели в уголке штабной землянки, слушая разговор партизанских вожаков.

Как-то совсем неожиданно, Кравчук переменял тему разговора:

— А молодец у тебя племяш-то!

— Фамилия у него Долбин, а характер наш, коробовский,—улыбнулся Семён Петрович.—Думаю послать его на учёбу.

— Куда же теперь? Время-то такое...—недоумённо пожал плечами Кравчук.

— Есть для него подходящее место,—ответил Семён Петрович.—На Большой Земле открылись Суворовские училища, офицерские школы.

— Дело!—согласился Кравчук.—Только знаешь что, Семён, у меня к тебе просьба...

— Какая?

— Видишь ли, у меня есть ещё один подросток...

— Знаю...

— Ну, так вот...

— Какой же тут может быть разговор,—перебил Кравчука Коробов,—у меня и мысли не было их разъединять. Вместе воевали, пусть вместе и учатся.

— Значит, решено?

— Решено!

Услышав разговор о себе, Ванюшка и Санька встали и подошли поближе к столу. От всевидящих глаз Кравчука не ускользнуло, что ребята сильно волнуются. Он понимал, что им жалко расставаться с отрядом, как каждому и всегда жалко расставаться с местами, где оставил частицу своей жизни, частицу самого себя. Но в то же время он знал, что мысли о предстоящей учёбе у них сильнее всех остальных.

— Слышали, хлопцы?—спросил он.

— Слышали.

Кравчук встал, оправил гимнастёрку, поправил ремень и заговорил таким тёплым голосом, какого ребята никогда ещё от него не слышали.

— Мне очень жалко, хлопцы, что я не смогу присутствовать при ваших проводах на Большую Землю, и поэтому вот здесь хочу сказать вам несколько слов. Езжайте, учитесь. Будьте упорны, настойчивы, не бойтесь трудностей, преодолевайте все препятствия, которые встретятся на вашем пути. Я знаю вас и поэтому уверен, что вы станете настоящими сталинскими офицерами! От души желаю вам этого!

Ребята взяли под козырёк и произнесли давно знакомые, но каждый раз волнующие душу слова:

— Служу Советскому Союзу!

* * *

Через неделю Ванюшку и Саньку отправляли на Большую Землю. Ночью на поляне собрался весь отряд. Ребятам жали руки, желали счастливого пути, успешной учёбы.

Разбежавшись по земле, самолёт взмыл в воздух и сделал над лесом несколько прощальных кругов.

В последний раз Ванюшка и Санька видели в лесу родные партизанские костры.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте Ваши отзывы о содержании и художественном оформлении этой книги, а также пожелания автору и издательству. Учителей и библиотечных работников просим написать о работе, проведённой с этой книгой.

Укажите Ваш адрес, профессию и возраст.

Пишите по адресу: г. Чебоксары, Дом печати, Чувашгосиздат, сектор детской литературы.

**МОРДОВСКАЯ
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Обложка и рисунки худ. В. Макарова.

Редактор М. Фадеева.

Техн. редактор Н. Степанов.

НТ 05687. Подписано к печати 19.XII.1951 г. Объем 9,78 п. л.

Учетно-издательских листов 7,8. Бумага 60 x 84/16.

Тираж 10.000 экз. Заказ № 3181.

Типография № 1 Чувашполиграфиздата при Совете Министров
Чувашской АССР, г. Чебоксары, ул. Володарского, 5.

45 row.

